Клайв С. Льюис

ПРИНЦ КАСПИАН

Принц Каспиан
Клайв Стейплз Льюис

Аннотация
Клайв Льюис. Принц Каспиан
Глава первая. Остров
Глава вторая. Древняя сокровищница
Глава третья. Гном
Глава четвёртая. Гном рассказывает о принце Каспиане
Глава пятая. Приключения Каспиана в горах
Глава шестая. Потаённый народ
Глава седьмая. Старая Нарния в опасности
Глава восьмая. Как покинули остров
Глава девятая. Что видела Люси
Глава десятая. Возвращение Льва
Глава одиннадцатая. Лев рычит
Глава двенадцатая. Колдовство и внезапное отмщение
Глава тринадцатая. Верховный король принимает командование
Глава четырнадцатая. Как все были очень заняты
Глава пятнадцатая. Аслан открывает дверь в воздухе

Аннотация

Великие короли древности призваны в Нарнию, чтобы восстановить справедливость и вернуть трон законному наследнику. Благодаря звуку волшебного горна Питер, Сьюзан, Эдмунд и Люси вновь оказываются в стране, которой некогда уже правили долго и счастливо.

Нарния – волшебная страна, чьи плодородные земли простираются с севера на юг от замка узурпатора Мураза до Кэр-Паравэля, резиденции королей, где животные разговаривают и где вновь во имя Великого Льва и Жизни оживет древняя магия.

Клайв Льюис
Принц Каспиан

Глава первая
Остров

Жили некогда четверо детей — Питер, Сьюзен, Эдмунд и Люси; об их замечательном приключении вы читали в книге «Лев, Колдунья и платяной шкаф». Они открыли дверцу волшебного шкафа и оказались в другом мире, совсем не похожем на наш, и в этом непохожем мире стали королями и королевами страны, которая звалась Нарния. Там, в Нарнии, они царствовали долгие годы, когда же вернулись в Англию, то обнаружили, что

здесь, в нашем мире, не прошло и минуты. Во всяком случае, никто не заметил, что они исчезали, а сами они не рассказывали о своём приключении никому, кроме одного очень мудрого взрослого.

Это случилось год назад, а сейчас все четверо сидели на перроне среди чемоданов и спортивных сумок. Они возвращались с летних каникул и вместе доехали до пересадочной станции, откуда расходились две железнодорожные ветки: через несколько минут должен был прийти поезд, на котором уедут девочки, а ещё через полчаса — другой, который заберет мальчиков. Первая часть пути, пока они были вместе, казалась продолжением каникул, но теперь, когда предстояло вот-вот проститься и ехать в разные стороны, каждый вновь почувствовал себя школьником, и все приуныли. Никто не знал, о чем говорить. Люси отправлялась в школу впервые.

На пустом сонном полустанке никого, кроме них, не было. Внезапно Люси тоненько вскрикнула, словно её укусила оса.

— Ты что, Лу? — спросил Эдмунд и, не договорив, ойкнул.

— Что такое?.. — начал было Питер, но тоже сказал не то, что собирался. Вот что он сказал: — Сьюзен, прекрати! Ты чего? Куда ты меня

тянешь?

— Я тебя не трогаю, — отозвалась Сьюзен. — Меня саму кто-то тащит. Да прекратите же!

Каждый видел, как все другие побледнели.

— У меня то же чувство, — сдавленным голосом произнёс Эдмунд. — Словно меня со страшной силой куда-то волокут. Ой! Вот опять.

— И меня, — произнесла Люси. — Ой, больше не могу!

— Осторожно! — крикнул Эдмунд. — Хватайтесь за руки, держимся друг за друга! Это волшебство — я чувствую! Быстрее!

— Да, — подхватила Сьюзен. — Держимся за руки. Скорее бы это кончилось! Ой!

В следующий миг багаж, скамейки, платформа и вся станция исчезли. Дети стояли в лесу, да в таком густом, что ветки кололись, не давая им шевельнуться. Они расцепили руки, протёрли глаза и дружно вздохнули.

— Ой, Питер! — воскликнула Люси. — Как, по-твоему, может, мы вернулись в Нарнию?

— Это может быть что угодно, — отвечал Питер. — Тут такие заросли — я на два шага вперёд не вижу. Давайте выберемся на открытое место, если тут такое есть.

С трудом, обжигаясь крапивой и царапаясь о колючки, они стали выбираться из зарослей. Вскоре лес поредел, стало гораздо светлее, и через несколько шагов ребята очутились на опушке

перед песчаным пляжем. В нескольких метрах впереди крохотными неслышными волнами набегало на песок море. Не было видно ни земли на горизонте, ни облачка в небе. Солнце стояло примерно там, где ему положено стоять часов в десять утра, море ослепительно голубело. Они замерли, вдыхая запах соли.

— Ну и дела! — воскликнул Питер. — Это уже неплохо.

Через пять минут все, разувшись, бродили в прохладной чистой воде.

— Да уж лучше, чем в душном вагоне мчаться к латыни, французскому и алгебре! — заметил Эдмунд. Потом довольно долго они больше не говорили, только шлёпали по воде и выискивали креветок и крабов.

— А всё-таки, — сказала вдруг Сьюзен, — надо что-нибудь решать. Мы скоро проголодаемся.

— У нас есть сандвичи, которые мама дала в дорогу, — ответил Эдмунд. — У меня, по крайней мере.

— Только не у меня, — отозвалась Люси. — Мои остались в сумке.

— И мои, — добавила Сьюзен.

— Мои в кармане плаща, здесь, на берегу, — сказал Питер. — Выходит два завтрака на четверых.

Уже кое-что.

— Пока, — сказала Люси, — я больше хочу не есть, а пить.

Пить хотели все, как бывает, если бродишь в соленой воде под горячим солнцем.

— Это как с робинзонами, — заметил Эдмунд. — В книгах на острове всегда отыскивается источник чистой родниковой воды. Пойдёмте посмотрим.

— Что ж, опять лезть в этот непроходимый лес? — огорчилась Сьюзен.

— Да зачем? — отвечал Питер. — Если здесь есть ручьи, они непременно бегут в море, и мы на них наткнёмся, если пойдём вдоль берега.

Дети вышли из воды и сначала брели по ровному влажному песку, а потом по сухому сыпучему, который забивался между пальцами ног, и они надели носки и ботинки. Правда, Эдмунд и Люси хотели идти босиком, а обувь где-нибудь пока оставить, но Сьюзен возразила, что это глупо.

— Вдруг потом не найдём, — сказала она, — а ночью, если мы всё ещё будем здесь, без обуви станет холодно.

Все обулись и пошли вдоль берега, так что море было слева от них, а лес — справа. Берег был совершенно пустой, разве что изредка над

водой проносилась чайка. В лесу ничего было не разглядеть за спутанными ветвями — ни птицы, ни букашки, ни даже малейшего шевеления.

Ракушки, водоросли, анемоны, крошечные крабики между камнями — это замечательно, но вскоре утомляет, когда все твои мысли только о питье. После холодной воды ноги казались горячими и тяжелыми. Сьюзен и Люси перенеслись сюда в плащах. Эдмунд сбросил куртку как раз перед тем, как их настигло волшебство, и теперь мальчики по очереди несли плащ Питера.

Вскоре берег начал плавно изгибаться вправо. Ещё через полчаса ребята перевалили каменистую гряду, оканчивающуюся мысом. Здесь берег делал крутой поворот. Теперь та часть моря, к которой дети вышли из леса, оказалась у них за спиной, а впереди, за узкой полоской воды, расстилался другой берег, тоже густо заросший деревьями.

— Интересно, мы на острове или туда можно перейти? — спросила Люси.

— Не знаю, — отвечал Питер, и все побрели дальше в молчании.

С каждой сотней шагов противоположный берег приближался, и ребята за каждым выступом ожидали найти перемычку, однако не тут-то

было. Наконец им попалась довольно высокая груда камней.

— Тьфу ты, пропасть! — воскликнул Эдмунд, взобравшись на неё и поглядев вперёд. — Нам никогда туда не перебраться! Мы на острове!

Это была правда. Пролив здесь был всего ярдов тридцать-сорок, но ребята видели, что это самое узкое место. Дальше берег вновь поворачивал вправо, между ним и материком лежало открытое море. Стало понятно и другое — они обошли больше половины острова.

— Смотрите! — воскликнула вдруг Люси. — Что это?

Она указывала на что-то длинное, серебряное, змеящееся по берегу.

— Ручей! Ручей! — закричали остальные и, несмотря на усталость, не теряя времени, протопали по камням к воде. Зная, что выше по течению вода лучше, они направились туда, где ручей вытекал из леса. Деревья здесь росли так же густо, как и везде, но ручей прорыл себе глубокое русло между высокими замшелыми берегами, так что, вступив в него, вы оказывались как бы в лиственном туннеле. Ребята бросились на колени у первой же тёмной, покрытой рябью заводи и пили, и пили, и окунали лица в воду, а

затем погрузили руки по локоть.

— Ну, — сказал Эдмунд, — так как насчёт сандвичей?

— Может, лучше побережём их на потом? — спросила Сьюзен. — Когда ещё больше захочется.

— Вот бы теперь, когда мы напились, и жажда бы прошла, и голод бы не пришёл, — сказала Люси.

— Так всё-таки, как насчет сандвичей? — повторил Эдмунд. — Чего их беречь? Пока не испортятся? Здесь жарче, чем в Англии, а мы столько времени таскаем их в карманах.

Достали оба пакета и разделили на четверых. Никто не наелся, но всё же это было лучше, чем ничего. Затем стали обсуждать, как поесть в следующий раз. Люси предлагала пойти к морю и наловить креветок, но кто-то возразил, что у них нет сачка. Эдмунд советовал поискать чаячьи яйца среди камней, но никто не помнил, чтобы им попадались чаячьи гнезда, да и непонятно было, как эти яйца приготовить, если они все же отыщутся. Питер про себя подумал, что очень скоро они будут рады и сырым чаячьим яйцам, но вслух говорить не стал. Сьюзен пожалела, что они так быстро съели сандвичи. Раз или два дело чуть не дошло до ссоры. Наконец, Эдмунд сказал:

— Слушайте. Остаётся только одно: исследовать лес. Отшельники, и странствующие рыцари, и все такие всегда как-то устраиваются в лесу. Ну, находят коренья, ягоды, ещё что-нибудь.

— Какие коренья? — спросила Сьюзен.

— Я всегда думала, что речь идёт о древесных корнях, — призналась Люси.

— Пошли, — сказал Питер. — Эд прав. Надо что-то делать. И всё лучше, чем идти назад на солнцепёк.

Они двинулись вверх по ручью. Это было здорово трудно — приходилось то подлезать под ветви, то перебираться через них. Продираясь через густые заросли чего-то вроде рододендронов, они изорвали одежду и промочили ноги в ручье, но по-прежнему слышали лишь журчание воды да хруст веток у себя под ногами. Они уже порядком выдохлись, когда их ноздри уловили чудный аромат и что-то яркое блеснуло над правым берегом.

— Ура! — воскликнула Люси. — По-моему, это яблоня.

Так и было. Пыхтя, они взобрались на крутой берег, пролезли сквозь ежевичник и очутились возле старого дерева, усыпанного большими золотисто-желтыми яблоками, такими спелыми

и сочными, каких только можно пожелать.

— Да она тут не одна! — сказал Эдмунд, набивая рот.

— Здесь их уйма! — воскликнула Сьюзен, отбрасывая огрызок и принимаясь за следующее. — Наверное, здесь был фруктовый сад — давным-давно, прежде чем это место одичало и вокруг вырос лес.

— Значит, это когда-то был обитаемый остров, — сказал Питер.

— А это что? — спросила Люси, указывая вперед.

— Вот это да! Стена! — сказал Питер. — Старая каменная стена.

Раздвигая поникшие от тяжести плодов ветви, они достигли стены. Очень старая, местами разрушенная, заросшая мхом и камнеломками, она была тем не менее выше самых высоких деревьев. Подойдя ближе, дети обнаружили огромную арку, которая раньше, должно быть, закрывалась воротами. Теперь на их месте росла самая высокая яблоня. Чтобы пролезть внутрь, пришлось обламывать ветки, и внезапно их просто ослепил солнечный свет. Дети стояли на просторной, окружённой стеною площадке. Здесь не было деревьев, только ровная трава, и маргаритки, и

плющ, и серые камни. Это было светлое, скрытное, тихое место, почти печальное; и все четверо вышли на середину, радуясь, что можно наконец-то распрямить спины и двигаться без помех.

Глава вторая
Древняя сокровищница

— Это не сад, — сказала наконец Сьюзен. — Это был замок, а здесь — внутренний двор.

— Я понимаю, о чём ты, — отозвался Питер. — Да, на крепость похоже. Вот и лестница на стену. А ещё гляньте на те ступени, широкие и низкие, которые уходят в дверной проём: они наверняка вели в большой зал.

— Столетия назад, судя по виду, — сказал Эд-

мунд.

— Да, столетия назад, — подхватил Питер. — Надеюсь, мы разузнаем, кто жил в этом замке и насколько давно.

— У меня такое странное чувство… — начала Люси.

— Правда? — Питер обернулся и пристально поглядел на неё. — Знаете, у меня тоже. Это самое странное за весь этот странный день. Хотел бы я знать, где мы и что всё это значит.

За разговором они пересекли двор и прошли через дверную арку туда, где был когда-то зал. Здесь всё было в точности так же, как во дворе, потому что кровля давным-давно истлела. Они стояли среди травы и маргариток, только стены были выше и сходились теснее. В дальнем конце возвышалось что-то вроде террасы.

— Вы думаете, это правда был зал? — спросила Сьюзен. — Что там за уступ?

— Ну же, глупая, — сказал Питер, приходя в странное волнение, — разве не видишь? Это было возвышение, на нём стоял престол, сидели король и великие лорды. Можно подумать, ты забыла, как мы сами были королями и королевами и сидели на таком же возвышении в тронном зале…

— …в нашем замке Кэр-Параваль, — продол-

жила Сьюзен мечтательно и напевно, — в устье Великой реки. Как могла я забыть!

— Всё так ясно припомнилось! — воскликнула Люси. — Можно представить, что мы сейчас в Кэр-Паравале. Этот зал похож на большой пиршественный.

— К сожалению, без пиршества, — добавил Эдмунд. — Однако вечереет. Смотрите, какие длинные тени. И вы заметили, что уже не так жарко?

— Раз придётся здесь ночевать, то надо разжечь костер, — сказал Питер. — У меня есть спички. Давайте соберём хворост.

Все согласились, что это разумно, и в следующие полчаса были заняты делом. В саду, сквозь который они прошли, хвороста не оказалось. Дети пошли в другую сторону, выбрались через боковую дверцу в лабиринт каменных гряд и углублений, где когда-то, наверное, были коридоры и комнатки, а теперь росли лишь крапива и дикие розы. За ними ребята обнаружили широкий пролом в крепостной стене и вышли через него в чащу, где деревья были темнее, и выше, и толще. Тут они нашли сколько хочешь сухих веток, подгнивших сучьев, опавших листьев и еловых шишек. Дети носили их охапками, пока

на возвышении не собралась огромная куча. Во время пятой вылазки они наткнулись на скрытый в сорняках колодец, как раз напротив зала. Когда траву расчистили, он оказался глубоким, с прозрачной ключевой водой. Его наполовину огибала полуразрушенная мощёная дорога. Потом девочки пошли ещё за яблоками, а мальчики развели костер на возвышении, ближе к углу, где, как они решили, будет самое уютное и тёплое место. Они изрядно помучились и извели много спичек, но в конце концов хворост запылал, и все четверо уселись спиной к стене и лицом к огню. Они попытались испечь яблоки на прутиках, но печёные яблоки не так хороши без сахара и к тому же обжигают руки, а если их остудить, то становятся совсем невкусными. Пришлось довольствоваться сырыми яблоками, которые, как заметил Эдмунд, заставляют осознать, что школьные завтраки были не так уж плохи.

— Я бы не отказался сейчас от хорошего толстого бутерброда, — добавил он. Однако дух приключений уже овладел детьми, и никто на самом деле не хотел обратно в школу. Вскоре после того как все яблоки доели, Сьюзен пошла к колодцу попить. Когда она вернулась, что-то было у неё в руке.

— Посмотрите, — сказала она чуть дрожащим голосом. — Я нашла это возле колодца. — Она протянула Питеру какую-то маленькую вещицу и села. Казалось, она вот-вот расплачется. Эдмунд и Люси нетерпеливо подались вперёд, посмотреть, что там у Питера в руке — маленькое, яркое, блестящее в свете костра.

— Чтоб мне провалиться, — сказал Питер, и голос его тоже прозвучал странно. Потом он передал вещицу Люси и Эдмунду.

Это был маленький шахматный конь, с виду обычный, но необычайно тяжёлый, потому что был отлит из чистого золота, с двумя маленькими рубинами вместо глаз, вернее, с одним, потому что другой выпал.

— Ой! — воскликнула Люси. — Он в точности, как те золотые шахматные фигурки, которыми мы играли, когда были королями и королевами в Кэр-Паравале.

— Успокойся, Сью, — сказал Питер другой сестре.

— Не могу, — отвечала Сьюзен. — Всё как будто встало перед глазами — ах, эти прекрасные времена. Я вспомнила, как мы играли с фавнами и добрыми великанами, и сирен, поющих в море, и мою славную лошадку, и… и…

— Ладно, — сказал Питер совсем другим голосом, — нам пора всерьёз подумать.

— А что? — спросил Эдмунд.

— Никто не догадывается, где мы? — сказал Питер.

— Говори, говори, — подхватила Люси. — Я давно чувствую, что здесь что-то ужасно таинственное.

— Валяй, Питер, — поддержал Эдмунд. — Мы слушаем.

— Мы в развалинах Кэр-Параваля, — сказал Питер.

— Да ну, — возразил Эдмунд. — С чего ты взял? Эта крепость веками лежит в руинах. Посмотри, какое огромное дерево выросло прямо в воротах. Посмотри на камни. Каждый скажет, что тут сотни лет уже никто не живет!

— Вижу, — сказал Питер. — В этом и загвоздка. Но давайте отвлечёмся и рассмотрим по пунктам. Во-первых, этот зал в точности такой же длины и ширины, как в Кэр-Паравале. Представьте только над ним крышу, мозаичный пол вместо травы и ковры на стенах — и вот он наш королевский пиршественный зал.

Все молчали.

— Во-вторых, — продолжал Питер, — колодец

точно там же, где и у нас был, немного южнее большого зала, и точно такого же размера.

Опять никакого ответа.

— В-третьих, Сьюзен только что нашла одну из наших шахматных фигурок — или похожую как две капли воды.

По-прежнему никто не ответил.

— В-четвёртых. Помните — как раз за день до того, как прибыло посольство из Тархистана, — помните, как сажали сад за северными воротами Кэр-Параваля? Величайшая из лесных существ, сама Помона явилась во всемогуществе добрых чар. Тогда славные ребята кроты здорово покопали. Разве вы забыли смешного старого Белоручку, главного крота, как он опёрся на лопату и говорит: «Попомните мои слова, ваше величество, придёт день, когда вы порадуетесь плодам этих деревьев». И он оказался прав, клянусь честью!

— Помню, помню! — воскликнула Люси, хлопая в ладоши.

— Но послушай, Питер, — сказал Эдмунд. — Это же всё вздор. Начать с того, что мы не натыкали деревьев прямо против ворот. Мы бы такой глупости не сделали.

— Разумеется, — согласился Питер. — В воротах они разрослись уже потом.

— И ещё, — сказал Эдмунд. — Кэр-Параваль — не на острове.

— Да, я уже об этом думал. Но это был — вспомните! — полуостров. Разве он не мог за это время сделаться островом? Например, кто-нибудь вырыл канал.

— Погоди минуточку! — сказал Эдмунд. — Вот ты сам говоришь «за это время». Но мы только год как вернулись из Нарнии. Ты же не хочешь сказать, что за год рухнули стены, выросли дремучие леса, крохотные саженцы превратились в огромный старый сад и ещё незнамо что. Такого быть не может.

— Вот что, — сказала Люси. — Если это Кэр-Параваль, здесь должна быть дверца, в самом конце помоста. Собственно, если так, то сейчас мы сидим к ней спиной. Ну, помните, дверь в сокровищницу.

— Полагаю, здесь нет никакой двери, — сказал Питер, вставая.

Стену за ними покрывал сплошной ковер плюща.

— Скоро узнаем, — сказал Эдмунд, поднимая одну из палок, приготовленных для костра. Он начал простукивать заросшую стену. Тук-тук — стучала палка по камню, и снова — тук-тук,

и затем вдруг: бум-бум — совсем другой, глухой, деревянный звук.

— Ух ты! — воскликнул Эдмунд.

— Надо ободрать плющ, — сказал Питер.

— Давайте не будем, — взмолилась Сьюзен. — Давайте лучше утром. Если придётся здесь ночевать, мне не хотелось бы лежать спиной к открытой двери, к большой чёрной дыре, откуда что угодно может вылезти, не считая уже сырости и сквозняка. И скоро стемнеет.

— Сьюзен, как тебе не стыдно! — укорила Люси. Но мальчики Сьюзен не услышали. Они обдирали плющ руками и карманным ножиком Питера, пока тот не сломался. Тогда Эдмунд отыскал свой. Вскоре всё вокруг оказалось засыпано плющом, но дверь они наконец расчистили.

— Заперта, конечно, — сказал Питер.

— Да дерево-то всё сгнило, — отвечал Эдмунд. — Мы его в момент разломаем, ещё и топливо будет лишнее. Давай.

Дверь оказалась прочнее, чем они ожидали, и, прежде чем они её выломали, большой зал погрузился во тьму и над головами зажглись первые звезды. Не одну Сьюзен пробрала легкая дрожь, когда мальчики остановились посреди кучи разломанного дерева, вытирая грязные руки и

вглядываясь в холодную тёмную дыру.

— Теперь нужен факел, — сказал Питер.

— А стоит ли? — вмешалась Сьюзен. — И Эдмунд говорил…

— Я этого больше не говорю, — перебил Эдмунд. — Я ещё не всё понимаю, но мы потом разберёмся. Идём, Питер?

— Идём, — сказал Питер. — Веселей, Сьюзен. Не дело вести себя, как маленькие, раз мы снова в Нарнии. Ты здесь королева. Кстати, нам всё равно не заснуть с такой загадкой.

Они попытались взять вместо факелов длинные палки, но ничего не вышло. Если держать их зажжённым концом вверх, они гаснут, а если наоборот, обжигают руки и дым попадает в глаза. В конце концов решили обойтись карманным фонариком Эдмунда; к счастью, его подарили на день рождения меньше недели назад, и батарейки были ещё целые. Эдмунд с фонариком шёл впереди, потом Люси, за ней Сьюзен, а Питер шагал замыкающим.

— Тут лестница, — сказал Эдмунд.

— Сосчитай ступени, — велел Питер.

— Раз, два, три, — начал Эдмунд, осторожно спускаясь вниз, и так до шестнадцати. — Это последняя, — крикнул он, оборачиваясь.

— Тогда это правда Кэр-Параваль, — промолвила Люси. — Их и было шестнадцать.

Потом все молчали, пока не сбились в кучку в полуметре от лестницы. Тогда Эдмунд посветил

фонариком вокруг.

— О-о-о-ой! — воскликнули дети в один голос.

Теперь ни у кого не оставалось сомнений, что это старинная сокровищница в Кэр-Паравале,

где они некогда правили. Посередине шло что-то вроде дорожки (как в оранжерее), по обе стороны на равных расстояниях стояли роскошные доспехи, словно рыцари, охраняющие сокровища. Между ними помещались полки, заваленные редкостными вещами — ожерельями, браслетами и кольцами, золотыми чашами и блюдами и длинными рогами из слоновой кости, застёжками, цепями и диадемами из золота, множеством неоправленных камней, насыпанных, как картошка, — алмазов, рубинов, яхонтов, изумрудов, топазов и аметистов. Под полками стояли большие железные сундуки, окованные железными скрепами и запертые на тяжёлые замки. Здесь было ужасно холодно и так тихо, что слышно было дыхание стоящего рядом. Сокровища покрывала толстая пыль; если бы ребята не знали, где они находятся, и не вспомнили большинство вещей, они с трудом угадали бы, что это за драгоценности. Было в этом месте что-то печальное и немного страшное, из-за того, наверное, что оно выглядело таким заброшенным. Вот почему первые минуты все стояли в молчании.

Потом, конечно, они стали ходить и брать в руки разные вещи, чтобы их рассмотреть. Они словно встретились с добрыми старыми друзья-

ми. Окажись вы там, вы бы услышали, как дети говорят друг другу: «Смотри, наши коронационные перстни — помнишь, как мы их впервые надели?» — «Ой, та самая пряжка, мы все думали, что она потерялась». — «А это, кажется, доспехи, которые ты надевал во время великого турнира на Одиноких Островах?» — «Помнишь гнома, который это для меня выковал?» — «Помнишь, как пили из этого рога?» — «Помнишь?.. ты помнишь?..»

Внезапно Эдмунд сказал:

— Слушайте, хватит расходовать батарейки, мы не знаем, на сколько они ещё понадобятся. Может, возьмём что нужно и уйдём отсюда?

— Надо взять дары, — сказал Питер.

Когда-то на Рождество в Нарнии он, Сьюзен и Люси получили особые дары, которые ценили больше, чем все свои владения. Эдмунду дара не досталось, потому что его тогда с ними не было (по его собственной вине, об этом вы можете прочесть в другой главе). Все согласились с Питером и пошли по дорожке до стены в дальнем конце сокровищницы. Здесь, как и следовало ожидать, были развешаны их дары. У Люси был самый маленький — крохотный флакончик, однако не из стекла, а из алмаза, и больше чем до середины

наполненный волшебным снадобьем, способным вылечить почти любую рану или болезнь. Люси не сказала ни слова и посмотрела очень торжественно, когда сняла свой дар со стены, перекинула цепочку через плечо и почувствовала флакончик у себя на боку, как в прежние дни. Дарами Сьюзен были лук со стрелами и рог. Лук висел здесь и колчан, полный прекрасно оперённых стрел.

— Ой, Сьюзен, — сказала Люси. — Где же рог?

— Ах, вот оно что, — отвечала Сьюзен, подумав минуту. — Теперь вспоминаю. Я взяла его с собой в тот самый последний день, в день охоты на Белого Оленя. Наверное, рог исчез, когда мы попали обратно в то другое место — я хочу сказать, в Англию.

Эдмунд присвистнул. Всех огорчила утрата, ведь рог был волшебный, и когда бы в него ни подули, помощь непременно приходила, как бы далеко вы ни оказались.

— Он-то бы нам сейчас и пригодился, — заметил Эдмунд.

— Ничего, — сказала Сьюзен. — У меня есть лук.

И она сняла его со стены.

— Разве тетива не истлела, Сью? — спросил

Питер.

То ли благодаря волшебному воздуху сокровищницы, то ли ещё почему, но лук оказался в полной боевой готовности. Стрелять из лука и плавать — это Сьюзен умела здорово. В одно мгновение она натянула тетиву и слегка тронула пальцем. Тетива зазвенела; поющему звону откликнулось всё кругом. И от этого слабого звука сильнее, чем от всего остального, в сознание детей нахлынуло прошлое. Сразу вспомнились все битвы, охоты и пиры.

Затем она вновь спустила тетиву и повесила на бок колчан.

Наконец, Питер взял свои дары — щит с изображением большого красного льва и королевский меч. Он подул на них и слегка постучал по полу, чтобы стряхнуть пыль. Щит он надел на руку, а меч прицепил на бок. Сперва он боялся, что меч заржавел и застрянет в ножнах, но это было не так. Одним лёгким движением Питер выдернул и вскинул меч, сверкнувший в свете фонарика.

— Это мой меч Риндон, — сказал он. — Им я убил Волка.

В его голосе прозвучало что-то новое, и всем стало ясно, что перед ними опять Верховный Король Питер. Затем, после маленький паузы, все

вспомнили, что надо беречь батарейки.

Они прошли по лестнице, развели большой костер и улеглись, прижавшись для тепла друг к другу. Земля была очень твёрдая и неуютная, но в конце концов они заснули.

Глава третья
Гном

Спать на земле тем плохо, что ужасно рано просыпаешься, а как только проснёшься, сразу приходится вставать, потому что земля такая жёсткая и на ней очень неудобно. И уж совсем плохо, если на завтрак одни яблоки, особенно если и вчера на ужин были одни яблоки. Когда Люси (совершенно справедливо) заметила, что утро чудесное, никто не откликнулся. Эдмунд сказал то, что чувствовали все: «Пора смываться с этого острова».

Все напились из колодца и ополоснули лица,

потом прошли обратно по ручью к проливу, отделявшему их от материка.

— Можно перебраться вплавь, — предложил Эдмунд.

— Сьюзен доплывет, — сказал Питер (Сьюзен в школе получала призы за плавание). — Не знаю, как остальные.

Под «остальными» он разумел Эдмунда, который не мог дважды проплыть школьный бассейн, и Люси, которая вообще не умела плавать.

— И вообще, — добавила Сьюзен, — здесь может быть течение. Папа говорит, что нельзя купаться в незнакомом месте.

— Погоди, Питер, — возразила Люси. — Конечно, я не умею плавать дома — то есть в Англии. Но разве мы не плавали в те давние времена — если это давние времена, — когда были королями и королевами в Нарнии? Мы тогда умели ездить верхом и ещё много всего такого. Как по-твоему?

— Да, но мы были тогда вроде как взрослые, — сказал Питер. — Мы царствовали много лет и всему учились. Мы же не стали опять такими же.

— Ой! — произнес Эдмунд таким голосом, что все разом смолкли. — Я только что всё понял.

— Что понял? — спросил Питер.

— Ну, всё, — отвечал Эдмунд. — Помните, вчера вечером мы удивлялись, как это мы лишь год назад покинули Нарнию, а здесь всё такое, словно в Кэр-Паравале не жили многие сотни лет? Ну, смотрите, мы тогда столько пробыли в Нарнии, а когда прошли обратно через платяной шкаф, оказалось, что время нисколько не сдвинулось?

— Продолжай, — сказала Сьюзен, — кажется, я начинаю понимать.

— И это значит, — продолжал Эдмунд, — что за пределами Нарнии вы не можете знать, как в ней идёт время. Может, пока в Англии прошел год, в Нарнии миновали столетия?

— Точно, Эд, — согласился Питер. — Думаю, ты прав. Похоже, мы и вправду жили в Кэр-Паравале сотни лет назад, а теперь вернулись в Нарнию, всё равно как если бы крестоносцы, или англосаксы, или древние бритты какие-нибудь вернулись в современную Англию!

— Как же нам удивятся… — начала Люси, но в ту же секунду кто-то произнес «Эй!» или «Смотрите!», потому что произошло нечто новое.

На материке немного справа от них темнел лесистый мыс, и дети теперь не сомневались, что сразу за ним — устье реки. Теперь из-за этого мыса показалась лодка. Обогнув лесистый выступ, она

развернулась и двинулась через пролив прямо на ребят. На борту было двое, один грёб, другой сидел на корме, придерживая свёрток, который дёргался и извивался, как живой. Оба походили на воинов — бородатые и суровые. На обоих были стальные шапки и лёгкие кольчуги. Дети спрятались в лесу и наблюдали, не шевелясь.

— Пора, — сказал солдат на корме, когда лодка проходила почти против ребят.

— Привязать ему, что ли, камень к ногам? — спросил другой, опуская весла.

— На кой? — проворчал другой. — Мы и не брали с собой камней. И без камня отлично утонет, связанный-то.

С этими словами он привстал и поднял свой сверток. Питер теперь ясно видел, что свёрток и впрямь живой и что на самом деле это гном, связанный по рукам и ногам, но брыкающийся из последних сил. В следующий миг над ухом у Питера пропела тетива, солдат вскинул руки, уронив гнома на дно лодки, и упал в воду. Барахтаясь, он поплыл к дальнему берегу, и Питер понял, что выпущенная Сьюзен стрела попала ему в шлем. Обернувшись к сестре, Питер увидел, что она очень бледна, но уже накладывает на тетиву вторую стрелу. Однако нового выстрела

не потребовалось. Едва увидев, что его спутник упал, второй солдат с громким криком выпрыгнул из лодки и тоже заплескал по воде (там явно было неглубоко). Вскоре и он скрылся в лесу.

— Быстрее! Пока её не снесло! — крикнул Питер.

Они со Сьюзен как были одетые бултыхнулись в воду и, прежде чем она дошла им до плеч, уже держались за борта лодки. В несколько секунд они вытащили её на берег, вынули гнома, и Эдмунд принялся разрезать верёвки перочинным ножиком (меч Питера был острее, но ножом такое делать сподручнее). Когда путы упали на землю, гном сел, потёр руки и ноги и заявил:

— Ну, что бы там ни говорили, на призраков вы не похожи.

Как большинство гномов, он был коренастый и широкоплечий, футов трех росту, если бы встал. Рыжие борода и усы почти скрывали лицо, так что из них лишь блестели чёрные глаза да торчал крючковатый нос.

— Призраки вы или нет, — продолжал он, — но вы спасли мне жизнь, и я вам чрезвычайно обязан.

— А почему мы вдруг должны быть призраками? — спросила Люси.

— Мне всю жизнь твердили, — отвечал гном, — что в этих лесах призраков больше, чем деревьев. И вот почему когда от кого-нибудь хотят избавиться, его привозят сюда (как меня) и говорят, будто оставили призракам. Я-то и прежде думал, что его или топят, или перерезают ему глотку. В призраков я никогда особенно не верил. Но эти два труса, которых вы подстрелили, они-то верили. Им было страшнее предавать меня смерти, чем мне — идти на смерть!

— А, — сказала Сьюзен, — так вот почему они удрали.

— То есть как удрали? — переспросил гном.

— Они убежали, — сказал Эдмунд. — На материк.

— Я стреляла не чтоб убить, — пояснила Сьюзен. Ей не хотелось, чтобы кто-нибудь решил, будто она промахнулась с такой близи.

— Хм, — засопел гном. — Это нехорошо. Могут быть неприятности. Разве что они попридержат язык ради собственной безопасности.

— За что же вас собирались утопить? — спросил Питер.

— О, я-то! Я — опасный преступник, — весело сказал гном. — Только это долгая история. Может быть, сначала пригласите меня позавтракать? Вы и не поверите, какой аппетит приходит во время казни.

— Здесь только яблоки, — печально отвечала Люси.

— Лучше, чем ничего, но всё же свежая рыбка будет ещё получше, — сказал гном. — Получается, что это я, наоборот, приглашаю вас на завтрак. Я вижу тут в лодке кой-какие рыболовные снасти. В любом случае надо отвести лодку на ту сторону острова, пока её не увидели с материка.

— Я сам должен был об этом подумать, — сказал Питер.

Четверо детей и гном подошли к краю воды, не без труда оттолкнули лодку и вскарабкались в неё. Гном сразу же взял на себя управление. Весла,

конечно, были слишком для него велики, так что греб Питер, а гном направлял их на север вдоль пролива и дальше на восток вдоль оконечности острова. Теперь ребята видели реку, все заливы и выступы берега вдали. Некоторые казались знакомыми, но леса, которые разрослись за это время, очень все изменили.

Когда они вышли в открытое море к востоку от острова, гном приступил к рыбной ловле. Улов был превосходный, вкус павлинок, прекрасных радужных рыб, они помнили еще по старым дням в Кэр-Паравале. Наловив достаточно, они

загнали лодку в бухточку и привязали к дереву. Гном, который оказался мастером на все руки (уж конечно, хотя и случается встретить дурных гномов, я никогда не слышал про гнома-неумеху), выпотрошил рыбу, почистил и сказал:

— Ну вот, теперь нам не хватает лишь топлива для костра.

— Мы собрали немного в замке, — отвечал Эдмунд.

Гном протяжно свистнул.

— Бородки-сковородки! — воскликнул он. — Так здесь, оказывается, всё-таки есть замок?

— Одни развалины, — отвечала Люси.

Гном с очень странным выражением оглядел всех четверых по очереди.

— И кто, ради всего… — начал он, но тут же прервал себя и сказал: — Ладно. Сначала завтрак. Но вот что, прежде чем мы пойдем дальше. Можете ли вы, положа руку на сердце, сказать, что я действительно жив? Вы уверены, что меня не утопили и мы все вместе не призраки?

После того как его разуверили, возник вопрос, как перенести рыбу. Не на что было её нанизать, не было и корзинки. В конце концов приспособили шапку Эдмунда, потому что ни у кого больше не было шапки. Он, конечно, возмущался бы мно-

го громче, если бы сам не был к этому времени голоден как волк.

Сначала гном чувствовал себя в замке не очень уютно. Он огляделся, принюхался и сказал:

— Хм. Выглядит несколько призрачно. И дух тоже нездешний.

Однако он приободрился, когда развёл костер и стал показывать, как жарят свежих павлинок на углях. Есть горячую рыбу без вилок, с одним карманным ножом на пятерых не очень-то удобно, и до конца трапезы все не по разу обожгли пальцы, однако, поскольку было уже девять, а встали они около пяти, никто особенно не обращал внимания на ожоги. Завтрак закончили водой из колодца и яблоком-другим, после чего гном достал из кармана трубку размером чуть не с собственный кулак, набил её, зажёг, выпустил облако ароматного дыма и сказал: «Ну, давайте».

— Сначала вы расскажите вашу историю, — сказал Питер, — а потом мы расскажем свою.

— Ладно, — сказал гном, — вы спасли мне жизнь, и вам решать. Только не знаю, откуда и начинать. Прежде всего, я посланец короля Каспиана.

— Кто это? — спросили четыре голоса сразу.

— Каспиан Десятый, король Нарнии, да про-

длится его царствование! — ответил гном. — Точнее, он должен быть королем Нарнии, и мы надеемся, что будет. Пока он король только у нас, старых нарнийцев…

— Простите, а кто такие старые нарнийцы? — спросила Люси.

— Ну, это мы, — сказал гном. — Мы вроде как подняли мятеж.

— Понятно, — произнес Питер. — И Каспиан — глава старых нарнийцев.

— Ну, в некотором роде да, — отвечал гном. — Но сам он, вообще-то, новый нарниец, тельмарин, понятно?

— Непонятно, — сказал Эдмунд.

— Хуже, чем война Алой и Белой Розы, — заметила Люси.

— Ох-хо-хо, — огорчился гном. — Как-то нескладно получается. Давайте так: я начну с самого начала и расскажу, как Каспиан бежал из дядиного дворца и как оказался на нашей стороне. Только это долгая история.

— Тем лучше, — отвечала Люси. — Мы любим истории.

Тогда гном устроился поудобнее и начал свою повесть. Я не буду передавать её вам его словами, включая все вопросы и восклицания детей, по-

тому что так вышло бы слишком долго и путано, к тому же пришлось бы пропустить некоторые вещи, которые дети узнали позже. Однако суть истории, которую они, в конечном счете, узнали, следующая.

Глава четвёртая
Гном рассказывает о принце Каспиане

Принц Каспиан жил в большом замке в самом центре Нарнии вместе со своим дядей Миразом, королём Нарнии, и тётей, рыжеволосой королевой Прунапризмией. Отец с матерью у него умерли, и больше всех остальных Каспиан любил свою няню. Хотя его великолепные игрушки (он

же был принц) умели почти всё, разве что не разговаривали, ему больше всего нравился поздний час, когда игрушки уже убраны в шкаф и няня рассказывает сказку.

К дяде и тёте его особо не тянуло, но раза два в неделю дядя посылал за ним, и они гуляли вместе по террасе с южной стороны дворца. Однажды, когда они так прогуливались, король спросил Каспиана:

— Ну, малыш, скоро мы начнём учить тебя ездить верхом и владеть мечом. Ты знаешь, у нас с твоей тётей нет детей, и, похоже, тебе быть королём, когда меня не станет. Как тебе это нравится, а?

— Не знаю, дядя, — ответил Каспиан.

— Не знаешь? — повторил Мираз. — Неужто чего-то другого может хотеться больше?

— А мне всё-таки хочется, — сказал Каспиан.

— И чего же именно? — спросил король.

— Мне бы хотелось… мне бы хотелось… жить в прежние дни, — выпалил Каспиан (он был тогда совсем маленький мальчик).

До сих пор король Мираз разговаривал, как многие взрослые с детьми, с таким скучающим видом, который сразу показывает, что их ничуть не интересует ответ, но сейчас он вдруг присталь-

но взглянул на Каспиана.

— А? Что? — переспросил он. — Какие такие прежние дни?

— Разве ты не знаешь? — удивился Каспиан. — Тогда всё было совсем другое. Тогда все звери умели говорить, а в ручьях и деревьях жили такие милые девушки, они назывались наяды и дриады. И ещё были гномы. И хорошенькие маленькие фавны в каждом лесу. С ножками, как у козликов. И…

— Чепуха всё это, для детишек, — строго сказал король. — Только и годится для малышей, слышишь? Ты уже из этого вырос. В твои годы

нужно думать о битвах и приключениях, не о вол-шебных сказках.

— Да, но в те дни как раз были битвы и приключения, — отвечал Каспиан. — Удивительные приключения. Однажды Белая Колдунья захватила власть над всей страной и сделала так, чтобы всё время была зима. Тогда откуда-то появились два мальчика и две девочки, они убили Колдунью и стали королями и королевами в Нарнии. Их звали Питер, Сьюзен, Эдмунд и Люси. Они царствовали долго-долго, и все радовались, и это было потому, что Аслан…

— Кто это? — спросил Мираз. Будь Каспиан чуть постарше, он догадался бы по дядиному тону, что разумнее замолчать. Однако он продолжал:

— Разве ты не знаешь? — сказал он. — Аслан — великий Лев, который приходит из-за моря.

— Кто наговорил тебе этой чепухи? — произнёс король громовым голосом. Каспиан испугался и ничего не ответил.

— Ваше королевское высочество, — сказал король Мираз, отпуская руку Каспиана, которую до этого держал в своей. — Я решительно требую ответа. Посмотрите мне в лицо! Кто рассказал вам этот вздор?

— Н-няня, — выдавил Каспиан и залился сле-

зами.

— Прекратите рёв, — сказал дядя, хватая его за плечи и встряхивая. — Прекратите. И чтобы я больше не слышал, что вы говорите — или даже думаете — об этих дурацких сказках. Никогда не было этих королей и королев. Как могут быть сразу два короля? Никогда не было никакого Аслана. И вообще никаких львов нет. И не было такого времени, когда звери говорили. Вы слышите?

— Да, дядя, — всхлипнул Каспиан.

— Тогда довольно об этом, — сказал король. Он кликнул одного из придворных, стоявших в дальнем конце террасы, и холодно распорядился: — Проводите его королевское высочество в его апартаменты и пошлите его королевского высочества няню ко мне немедленно.

На следующий день Каспиан узнал, что натворил, потому что няню выслали, не позволив им даже проститься, а принцу объявили, что у него будет наставник.

Каспиан очень скучал по няне и пролил много слёз; и из-за того, что он так тосковал, он думал о сказках про Нарнию ещё больше прежнего. Он грезил о наядах и дриадах каждую ночь и старался разговорить дворцовых кошек и собак. Но бедные собаки только махали хвостами, а кошки

только мурлыкали.

Каспиан был уверен, что возненавидит нового наставника, однако, когда через неделю тот появился, оказалось, что его невозможно не полюбить. Он был ниже и толще всех, кого Каспиан до сих пор встречал. Длинная серебристая борода ниспадала до пояса, а лицо, смуглое и покрытое морщинами, было и умным, и безобразным, и добрым. Голос у наставника был важный, а глаза — весёлые, так что, если не знать его достаточно хорошо, порой не угадаешь, слыша его, шутит он или всерьёз. Звался он доктор Корнелиус.

Из всех уроков доктора Корнелиуса Каспиан больше всего любил историю. До сих пор, если не считать нянюшкиных сказок, он ничего об истории Нарнии не знал и с удивлением услышал,

что их королевский род в этой стране чужой.

— Вашего высочества предок, Каспиан Первый, — поведал доктор Корнелиус, — завоевал Нарнию и объявил её своим королевством. Он и привёл в эту страну весь свой народ. Вы вовсе не природные нарнийцы. Вы — тельмарины. Это значит, что вы пришли из страны Тельмар, далеко за горами на западе. Вот почему Каспиан Первый зовётся Каспианом Завоевателем.

— Скажите, пожалуйста, доктор, — спросил однажды Каспиан, — кто жил в Нарнии, прежде чем мы пришли сюда из Тельмара?

— Не люди, — отвечал доктор Корнелиус, — вернее, очень мало людей жило в Нарнии до того, как её захватили тельмарины.

— Тогда кому же мой пред-пред-предок завоевал?

— Кого, а не кому, ваше высочество, — сказал доктор Корнелиус. — Видимо, самое время обратиться от Истории к Грамматике.

— Ой, не надо, пожалуйста, — взмолился Каспиан. — Я хотел спросить, было ли сражение? Почему он зовётся Каспиан Завоеватель, если здесь не с кем было сражаться?

— Я сказал, что в Нарнии было очень мало людей, — повторил доктор, очень странно глядя на

мальчика сквозь большие очки.

Сначала Каспиан удивился, и вдруг сердце его подпрыгнуло.

— Вы думаете, — прошептал он, — здесь жили кто-то ещё? Вы думаете, было как в сказках? Здесь были…

— Ш-ш-ш! — произнёс доктор Корнелиус, наклоняясь поближе к Каспиану. — Ни слова больше. Разве вы не знаете, что вашу няню выслали именно за это — за рассказы о старой Нарнии? Королю это не нравится. Если он проведает, что я открываю вам тайны, вас высекут, а мне отрубят голову.

— Но почему? — спросил Каспиан.

— Теперь самое время обратиться к Грамматике, — громко сказал доктор Корнелиус. — Будьте так любезны, ваше королевское высочество, открыть Пульверулентуса Сиккуса на четвёртой странице его «Грамматического сада, или Павильона Основ Увеселительных, открытого для Юных Умов».

После этого начались глаголы и существительные и продолжались до обеда, но я не думаю, что Каспиан много усвоил. Он был слишком взволнован. Он был уверен, что доктор Корнелиус не сказал бы так много, если бы не собирался рано

или поздно сказать больше.

И он не разочаровался. Через несколько дней его наставник сказал:

— В эту ночь я собираюсь дать вам урок Астрономии. На исходе ночи две благородные планеты, Тарва и Аламбиль, пройдут на расстоянии одного градуса друг от друга. Такое противостояние не повторялось двести лет, и ваше высочество не доживёте до следующего. Хорошо бы вам лечь чуть раньше обычного. Когда время противостояния подойдет, я приду и разбужу вас.

Это не обещало ничего про старую Нарнию, о которой Каспиан только и хотел слышать, но встать среди ночи всегда интересно, и, в общем, он был рад. Когда в этот вечер он улёгся в постель, то думал сначала, что не сможет сомкнуть глаз, но вскоре заснул. Казалось, прошло всего несколько минут, когда он почувствовал, что кто-то ласково трясёт его.

Он сел в постели и увидел, что комната наполнена лунным светом. Доктор Корнелиус в плаще с капюшоном, с маленьким светильником в руке стоял у постели. Каспиан сразу вспомнил, куда они собрались. Он встал и оделся. Ночь была летняя, но оказалось холоднее, чем он думал, и Каспиан обрадовался, когда доктор закутал его в

такой же плащ, как у него самого, и дал ему пару тёплых мягких туфель. Минутой позже, закутанные так, что их едва ли удалось бы различить в тёмных коридорах, обутые в бесшумные туфли, учитель и ученик покинули комнату.

Каспиан вслед за доктором прошёл несколько коридоров, поднялся по нескольким лестницам, и наконец через дверь в башенке они выбрались на плоскую площадку. С одной стороны были каменные зубцы, с другой — скат крыши, под ними — дворцовый сад, мерцающий и тенистый, над ними — луна и звёзды. Они сразу же подошли к другой двери, которая вела в большую центральную башню; доктор Корнелиус отпер её, и они начали подниматься по тёмной винтовой лестнице. Каспиан очень волновался: ему раньше никогда не разрешали сюда ходить.

Лестница была длинная и крутая, но, когда они вышли на крышу и Каспиан отдышался, он понял, что потрудиться стоило. Справа он, хоть и смутно, различал Западные горы, слева светилась Великая река, и так тихо было кругом, что доносился шум водопадов у Бобровой Плотины, в миле отсюда. Нетрудно было отличить две звезды, ради которых они сюда поднялись. Они висели низко на южной стороне неба, яркие, как

две луны, и очень близко друг к другу.

— Они столкнутся? — в благоговейном страхе спросил Каспиан.

— О нет, дорогой принц, — ответил доктор (он тоже перешёл на шёпот). — Для этого великие повелители небесных сфер слишком хорошо знают фигуры своего танца. Присмотритесь к ним хорошенько. Их встреча предопределена судьбой и сулит много доброго несчастным землям Нарнии. Тарва, господин Победы, приветствует Аламбиль, госпожу Мира. Сейчас они предельно сблизились.

— Жаль, что их загораживают деревья, — сказал Каспиан. — Мы бы их лучше видели с Западной башни, хотя она не такая высокая.

Доктор Корнелиус ничего не отвечал несколько минут, только тихо стоял, устремив свой взгляд на Тарву и Аламбиль. Затем он глубоко вздохнул и обернулся к Каспиану.

— Итак, — промолвил он, — вы видите то, чего не видел никто из ныне живущих и никто не увидит вновь. И вы правы. С маленькой башни было бы видно лучше. Я привёл вас сюда по другой причине.

Каспиан взглянул на учителя, но лицо его почти скрывал капюшон.

— Достоинство этой башни в том, — продолжал доктор, — что за нами шесть пустых комнат и длинная лестница, а дверь в самом начале лестницы заперта. Нас не могут подслушать.

— Вы хотите сказать мне что-то, о чём не могли поведать в другое время? — догадался Каспиан.

— Да, — отвечал доктор. — Но помните, мы с вами не должны говорить об этом нигде, кроме этого места — самой вершины Большой башни.

— Хорошо. Даю слово, — сказал Каспиан. — Но продолжайте, пожалуйста.

— Слушайте, — сказал доктор. — Всё, что вы слышали о старой Нарнии, — правда. Это не земля людей. Это страна Аслана, страна живых деревьев и зримых наяд, фавнов и сатиров, гномов и великанов, кентавров и говорящих зверей. Это против них сражался первый Каспиан. Это вы, тельмарины, заставили замолчать животных, деревья и источники, убили и изгнали гномов и фавнов, а теперь пытаетесь истребить самую память о них. Король не разрешает о них даже говорить.

— Мне очень жаль, что мы так поступили, — сказал Каспиан. — Но я рад, что всё оказалось правдой, пусть даже теперь никого из них не осталось.

— Многие из вашей породы тоже втайне жалеют, — промолвил доктор Корнелиус.

— Но, доктор, — удивился Каспиан, — почему вы говорите «моей породы»? Разве вы не тельмарин?

— Я? — переспросил доктор.

— Ну, вы же всё-таки человек? — сказал Каспиан.

— Я? — повторил доктор низким голосом и тут же отбросил капюшон, так что Каспиан мог ясно увидеть в лунном свете его лицо.

Каспиан одновременно понял правду и подумал, что должен был догадаться гораздо раньше. Доктор Корнелиус был так мал и так толст, и у него была такая длинная борода… Две мысли пришли в голову Каспиану в следующую минуту. Сперва ужас — «он не настоящий человек, он вообще не человек, он гном, и он привёл меня сюда, чтобы убить». Затем радостное восхищение — «есть ещё настоящие гномы, и одного из них я сейчас вижу».

— Так вы догадались наконец, — сказал доктор Корнелиус. — Или почти угадали. Я не вполне гном. Во мне есть и человеческая кровь. Многие гномы бежали во время великой битвы и скрылись, сбрили бороды, надели башмаки на

высоких каблуках и постарались притвориться людьми. Они смешивались с вами, тельмаринами. Я один из них, всего лишь полугном, и если кто-нибудь из моих родичей, настоящих гномов, ещё живёт в мире, они, несомненно, должны презирать меня и считать за предателя. Но никогда за всё это время мы не забывали нашего народа и других счастливых созданий, а также утраченных дней свободы.

— Я… я очень сожалею, доктор, — сказал Каспиан. — Вы знаете, это не моя вина.

— Я говорю не в укор вам, мой дорогой принц, — отвечал доктор. — Вы можете спросить, зачем я вообще рассказываю вам об этом. На то есть две причины. Во-первых, мое бедное сердце так долго хранило эти тайны, что всё изболелось и разорвётся, если я не прошепчу их вам. Во-вторых, вот зачем: когда вы станете королём Нарнии, вы сможете помочь нам, потому что вы хоть и тельмарин, но любите старую Нарнию.

— Да, да, — сказал Каспиан, — но чем я могу помочь?

— Вы можете быть добры к бедным последышам гномов, таким, как я. Можете собрать учёных магов и попытаться пробудить деревья. Можете исследовать все глухие закоулки и дикие области

страны, посмотреть, не осталось ли где-нибудь в укрытиях живых фавнов, говорящих зверей и гномов.

— Вы думаете, они ещё остались? — жадно спросил Каспиан.

— Не знаю, не знаю, — произнёс доктор с глубоким вздохом. — Иногда я боюсь, что уже никого нет. Я искал их следы всю мою жизнь. Порою в горах мне слышалась барабанная дробь, и я думал, что это — гномы. Порой по ночам в лесах чудились промелькнувшие фавны или сатиры, танцующие вдали, но, когда я подходил ближе, там никого не было. Я нередко отчаивался, но всегда случалось что-то, что пробуждало надежду. Не знаю… А прежде всего вы можете попробовать стать таким королём, как Верховный Король Питер, а не как ваш дядя.

— Так это тоже правда, о королях и королевах и о Белой Колдунье?

— Конечно, правда, — сказал Корнелиус. — Их царствование было золотым веком Нарнии, страна никогда не забудет их.

— Они жили в этом замке, доктор?

— О нет, мой дорогой, — отвечал старик. — Этот замок — произведение наших дней. Его выстроил ваш прапрадед. Когда два сына Адама и две

дочери Евы стали королями и королевами Нарнии по воле самого Аслана, они жили в замке Кэр-Параваль. Никто из ныне живущих людей не видел этого священного места, и, возможно, даже руины его исчезли с лица земли. Однако мы считаем, что он стоял далеко отсюда, возле устья Великой реки, на самом берегу моря.

— Ух! — сказал Каспиан, содрогаясь. — Вы хотите сказать, в Чёрных лесах? Где живут эти… эти… ну, вы знаете, призраки?

— Ваше высочество повторяет то, что вам внушили, — произнёс доктор. — Но это всё ложь. Там нет призраков. Это — россказни тельмаринов. Ваши короли смертельно боятся моря, потому что не могут забыть, что во всех историях Аслан приходил из-за моря. Они не хотят приближаться к морю, не хотят, чтобы к нему приближался кто-то другой. И они дали разрастись огромным лесам, которые отрезали их подданных от берега. Но поскольку они враждуют с деревьями, они боятся и лесов. А раз они боятся лесов, они воображают, что там полно призраков. Короли и вельможи, которые равно ненавидят море и лес, отчасти верят в эти басни, отчасти поддерживают их. Им спокойнее, когда никто в Нарнии не смеет приближаться к берегу и смотреть на море

— в сторону земли Аслана, рассвета и восточного края мира.

На несколько минут наступило глубокое молчание. Затем доктор Корнелиус сказал:

— Пойдёмте. Мы пробыли здесь слишком долго. Пора вернуться в постель.

— Разве? — спросил Каспиан. — Я готов говорить об этом часами, ещё и ещё.

— Если мы задержимся, нас могут хватиться, — сказал доктор Корнелиус.

Глава пятая
Приключения Каспиана в горах

С той поры Каспиан и его наставник часто вели тайные беседы на вершине Главной башни, и всякий раз принц всё больше узнавал о Старой Нарнии. Он грезил о старых днях, и страстное желание, чтобы они вернулись, заполняло все его свободные часы. Впрочем, часов этих было не так уж много, потому что за его обучение взялись всерьёз. Он учился фехтовать и ездить

верхом, плавать и нырять, играть на флейте и на лютне, охотиться на оленя и разделывать убитого зверя, и это, не считая Космогонии, Риторики, Геральдики, Стихосложения и, разумеется, Истории, с небольшим добавлением Юриспруденции, Физики, Алхимии и Астрономии. Из Магии они изучали только теорию, потому что доктор Корнелиус сказал, что практическая магия — неподходящее занятие для принцев. «И сам я, — прибавил он, — лишь очень несовершенный маг, мне по силам лишь самые простые эксперименты». Навигацию («Которая есть благороднейшее и героическое искусство», — сказал доктор) Каспиан не изучал вовсе, потому что король Мираз не одобрял кораблей и моря.

Каспиан также узнавал многое, чему могли научить собственные глаза и уши. Маленьким он часто удивлялся, почему не любит свою тётку, королеву Прунапризмию; теперь он понимал — это из-за того, что она сама его не любит. Он начинал видеть также, что Нарния — несчастная страна. Налоги были высоки, законы суровы, а Мираз — жестокий человек.

Через несколько лет королева как-то занемогла, в замке начались волнения и хлопоты, визиты врачей, шёпот придворных. Это было ранним

летом, а однажды ночью, когда дневная суета улеглась, Каспиана, едва успевшего проспать пару часов, разбудил доктор Корнелиус.

— Мы пойдём заниматься Астрономией, доктор? — спросил Каспиан.

— Ш-ш-ш! — сказал доктор. — Слушайте меня и всё делайте, как я скажу. Одевайтесь. Вам предстоит долгое путешествие.

Каспиан очень удивился, но он привык во всём доверять наставнику и потому послушался. Когда он оделся, доктор сказал:

— У меня есть для вас сумка. Мы пройдём в соседнюю комнату и наполним её остатками от вечерней трапезы вашего высочества.

— Там мои придворные, — сказал Каспиан.

— Они крепко спят и не проснутся, — отвечал доктор Корнелиус. — Я очень слабый маг, но могу же я в конце концов наслать сонные чары.

Они вышли в соседний зал, и здесь действительно храпели в креслах двое придворных. Доктор Корнелиус быстро отрезал кусок холодного цыпленка, несколько кусков оленины и положил их вместе с хлебом, яблоками и всякой всячиной, а также маленькой фляжкой доброго вина в сумку, которую затем передал Каспиану. Она висела на ремне через плечо, как школьный

ранец, в котором вы носите книги.

— Ваш меч при вас? — спросил доктор.

— Да, — отвечал Каспиан.

— Тогда накиньте сверху вот этот плащ, чтобы скрыть меч и сумку. Вот так. А теперь нам надо подняться на Главную башню и поговорить.

Когда они поднялись на вершину башни (была облачная ночь, не такая, как та, когда они наблюдали встречу Тарвы и Аламбиль), доктор Корнелиус сказал:

— Дорогой принц, вы должны немедленно покинуть замок и отправляться на поиски счастья в большом мире. Здесь ваша жизнь в опасности.

— Почему? — удивился Каспиан.

— Потому что вы — истинный король Нарнии, Каспиан Десятый, законный сын и наследник Каспиана Девятого. Долгих лет жизни вашему величеству! — И внезапно, к величайшему удивлению Каспиана, маленький человечек опустился на одно колено и поцеловал ему руку.

— Что всё это значит? Не понимаю, — сказал Каспиан.

— Удивительно, что вы никогда не спрашивали меня прежде, — сказал доктор, — почему вы, будучи сыном короля Каспиана, сами не король Каспиан. Кроме вашего величества, все знают,

что Мираз — узурпатор. Когда он только начинал править, он даже не претендовал на королевское звание: он называл себя «лорд-протектор». Затем умерла ваша царственная матушка, добрая королева, единственная из всех тельмаринов, кто был добр ко мне. А потом один за другим все великие лорды, знавшие вашего отца, исчезли или погибли. Не случайно, конечно. Их убивал Мираз. Велизара и Увилаза пронзили стрелами во время охоты: якобы несчастный случай. Весь великий род Пассаридов он отправил сражаться с великанами на северных рубежах, пока они не пали один за другим. Двух братьев из Биверсдама он заточил как безумцев. И, наконец, он убедил семерых благородных лордов, которые одни из всех тельмаринов не боялись моря, отправиться в плавание, чтобы отыскать новые земли на просторах Восточного океана. Как он и ожидал, ни один из них не вернулся. И когда здесь не осталось никого, кто мог бы замолвить за вас слово, его льстецы (которых он сам и подговорил) умолили его взойти на престол. И он, разумеется, согласился.

— Вы думаете, теперь он хочет убить и меня? — спросил Каспиан.

— Почти уверен, — отвечал доктор Корнелиус.

— Но почему теперь? — спросил Каспиан. — Я хочу сказать, почему, если хотел, он не сделал этого раньше? Чем я ему вдруг помешал?

— Он изменил свое намерение относительно вас, потому что всего два часа назад произошло нечто. Королева родила сына.

— Не понимаю, что от этого меняется, — сказал Каспиан.

— Не понимаете! — воскликнул доктор. — Разве мои уроки Политики и Истории учили вас чему-нибудь, кроме этого? Слушайте. Пока у него не было собственных детей, он желал всё же, чтобы вы стали королём после его смерти. Не то чтобы он пёкся о вас, просто предпочитал, чтобы трон заняли вы, а не кто-то чужой. Теперь, когда у него есть собственный сын, он захочет сделать его наследником. Вы у него на пути, и он вас устранит.

— Неужто он и правда такой плохой? — спросил Каспиан. — Возьмёт и убьёт меня?

— Он убил вашего отца, — произнёс доктор Корнелиус. Каспиан почувствовал, что у него кружится голова, и ничего не сказал.

— Я мог бы рассказать вам всё, — продолжал доктор, — но не теперь. Теперь нет времени. Вы должны исчезнуть.

— Вы пойдёте со мной? — спросил Каспиан.

— Нет, — отвечал доктор, — это было бы куда опаснее для вас. Двоих гораздо проще выследить. Дорогой принц, дорогой король Каспиан, вы должны быть очень храбрым. Вы должны уйти один и сейчас же. Попытайтесь пробраться через южную границу ко двору Орландского короля Нэйна. Он будет добр к вам.

— И я вас никогда больше не увижу? — дрожащим голосом выговорил Каспиан.

— Надеюсь на встречу, дорогой король, — отвечал доктор. — Во всем мире вы, ваше величество, мой единственный друг. И я немного знаю магию. Однако сейчас важнее всего поспешить. Вот два дара, прежде чем вы уйдете. Маленький кошелёк с золотом… увы, и это при том, что все сокровища в замке ваши по праву!.. А здесь кое-что получше.

Он вложил в руку Каспиана что-то, что тот не разглядел, но на ощупь угадал рог.

— Это, — сказал доктор Корнелиус, — величайшее и самое священное сокровище Нарнии. Много ужасов я претерпел, много прочёл заклинаний, разыскивая его в мои молодые годы. Это волшебный рог самой королевы Сьюзен, который она потеряла, когда покидала Нарнию в конце золотого века. О нём сказано, что кто бы

ни протрубил в него, получит чудесную помощь — никто не знает, насколько чудесную. Может быть, он имеет власть вызвать из прошлого королеву Люси и короля Эдмунда, королеву Сьюзен и Верховного Короля Питера, и они восстановят правду. Может быть, он способен вызвать самого Аслана. Возьмите его, король Каспиан, но используйте только в крайней нужде. А теперь скорее, скорее, скорее. Маленькая дверка в самом низу башни — дверь в сад — открыта. Мы должны расстаться.

— Можно я возьму Ретивого? — спросил Каспиан.

— Он уже осёдлан и ждёт за углом сада.

Покуда они спускались по длинной винтовой лестнице, Корнелиус нашёптывал множество указаний и советов. Сердце Каспиана сжималось, но он сдерживался. Затем — свежий воздух сада, горячее рукопожатие доктора, бег через лужайку, приветственное ржание Ретивого, и вот, наконец, король Каспиан Десятый покинул замок своих отцов. Оглядываясь, он видел, как взлетает над башнями фейерверк, знаменуя рождение нового принца.

Всю ночь он ехал на юг, выбирая окольные пути и проселочные лесные дороги, пока был в

знакомой местности, но потом свернул на большак. Ретивого, как и его хозяина, взбудоражила необычная ночная прогулка. Хотя при прощании с доктором у Каспиана и выступили на глазах слёзы, сейчас он чувствовал себя храбрым и в какой-то мере счастливым. Ещё бы, ведь он — король Каспиан, скачущий на поиски приключений с мечом на левом бедре и рогом королевы Сьюзен на правом.

Но когда наступил день, и пошёл моросящий дождь, и со всех сторон его обступили незнакомые леса, дикие склоны и голубые горы, Каспиан подумал, как велик и странен мир, и показался самому себе маленьким и испуганным. Как только совсем рассвело, он свернул с дороги и отыскал среди леса заросшую травой поляну, где можно было отдохнуть. Тут молодой король расседлал Ретивого и пустил его пастись, съел кусочек холодного цыпленка, выпил вина и сразу заснул. Проснулся он уже поздним вечером и, немного перекусив, снова двинулся в путь, по-прежнему на юг, по нехоженым тропам. Он был теперь в холмистой местности, ему приходилось подниматься и спускаться, но подниматься гораздо чаще. С каждого гребня он видел впереди горы, которые становились всё выше и темнее.

Когда наступил вечер, он уже въехал в предгорья. Поднялся ветер. Вскоре дождь хлынул потоком. Ретивый начал беспокоиться; где-то гремел гром. Теперь они въехали в казавшийся бесконечным сосновый лес, и все рассказы о враждебных людям деревьях всплыли у Каспиана в памяти. Он вспомнил, что сам прежде всего тельмарин, один из тех, кто вырубал деревья повсюду, где только можно, кто воевал с дикими существами. Пусть он не такой, как другие тельмарины, трудно ожидать, чтоб про это знали деревья. Они и не знали. Ветер превратился в бурю, деревья гудели и скрипели вокруг. Затем раздался треск. Дерево рухнуло на дорогу прямо перед ним. «Тихо, Ретивый, тихо!» — сказал Каспиан, гладя коня по шее, но он и сам дрожал, зная, что едва избежал смерти. Сверкнула молния, и гром расколол небо прямо над головой. Ретивый закусил удила и понёс. Каспиан был хороший наездник, но и у него не хватило сил остановить коня. Он держался в седле, но знал, что в этой дикой скачке жизнь его висит на волоске. Дерево за деревом возникало перед ними из мрака, конь и всадник едва успевали увернуться. Затем, так внезапно, что, казалось, нельзя было и почувствовать боль (однако он всё же почувствовал), что-то ударило

Каспиана в лоб, и больше он ничего не помнил.

Когда он пришёл в себя, он лежал в освещённом месте, весь разбитый, с сильной головной болью. Тихие голоса слышались совсем рядом.

— А теперь, — сказал один, — пока оно не очнулось, надо решить, что с ним делать.

— Убить, — сказал другой. — Мы не можем оставить его в живых. Оно нас выдаст.

— Надо было убить сразу или оставить там, — произнес третий. — Теперь уже нельзя. Мы принесли его сюда, перевязали голову и вообще. Это всё равно что убить гостя.

— Господа, — сказал Каспиан слабым голосом, — как бы вы ни поступили со мной, надеюсь, вы будете добры к моему бедному коню.

— Твой конь удрал задолго до того, как тебя нашли, — произнёс первый голос, хриплый, даже какой-то земляной, как заметил теперь Каспиан.

— Ну-ка, пусть оно не заговаривает вас красивыми словами, — сказал второй голос. — Повторяю…

— Рожки-осьминожки! — воскликнул третий. — Конечно, мы не убьём его. Стыдись, Никабрик. Что ты сказал, Боровик? Что нам с ним делать?

— Я дам ему попить, — сказал первый голос, должно быть, Боровика. Над постелью возникла тёмная тень. Каспиан почувствовал, как мягкая рука — если это была рука — приподнимает его за плечи. Тень была какая-то не такая. В лице, склонившемся над ним, тоже что-то было не так. Оно казалось очень волосатым и очень носатым, со странными белыми полосами на щеках. «Это маска или что-то вроде, — подумал Каспиан. — Или я в лихорадке и всё это мне мерещится». Чаша с чем-то сладким и горячим коснулась его губ, и он отпил. В тот же миг кто-то из двоих оставшихся поправил огонь. Пламя вспыхнуло, склоненное над Каспианом лицо осветилось, и он чуть не вскрикнул. Это было лицо не человека, а барсука, впрочем, гораздо больше, дружественнее и умнее,

чем у тех барсуков, которых он видел раньше. И он явно слышал, как этот барсук разговаривал. Он увидел также, что лежит на ложе из вереска, в пещере. У огня сидели два человечка, настолько нелепее, приземистей, волосатее и грузнее доктора Корнелиуса, что Каспиан сразу признал в них настоящих гномов, древних гномов без капли человеческой крови в жилах. Он понял, что нашёл наконец старых нарнийцев. Потом голова у него снова закружилась.

В следующие несколько дней он научился различать их по именам. Барсука звали Боровик, из всех троих он был самый старый и самый добрый. Убить Каспиана хотел сердитый чёрный гном (волосы и борода у него были чёрные, густые и жёсткие, как лошадиная грива) по имени Никабрик. Другого гнома — рыжего, с волосами, как лисий хвост, — звали Трам.

— А теперь, — объявил Никабрик в первый же вечер, когда Каспиан смог сидеть и говорить, — мы опять-таки должны решить, что делать с этим человеком. Вы оба воображаете, будто проявили большую доброту, когда не дали его прикончить. Но я подозреваю, что тогда нам придётся держать его в плену всю жизнь. Я, конечно, не допущу, чтобы он ушёл живым — вернулся к себе подоб-

ным и предал нас всех.

— Крючки-половички! Никабрик! — воскликнул Трам. — Зачем ты говоришь такие гадости? Не вина этого создания, что оно разбило голову о дерево рядом с нашей норой. И мне кажется, что оно не похоже на предателя.

— Я вижу, — сказал Каспиан, — вы думаете, что я хочу вернуться. Вовсе нет. Я хочу остаться с вами — если позволите. Я всю жизнь мечтал увидеть таких, как вы.

— Хорошенькая история, — проворчал Никабрик. — Ты тельмарин и человек, разве нет? Конечно, ты хочешь вернуться к своим.

— Я не мог бы вернуться, если бы даже хотел, — отвечал Каспиан. — Я бежал, спасая свою жизнь. Король хотел меня убить. Если вы меня прикончите, то доставите ему большое удовольствие.

— Ну, ну, — сказал Боровик, — не надо так говорить.

— Это ещё что? — удивился Трам. — Что ты натворил, человек, в твои-то годы, чтобы разозлить Мираза?

— Он мой дядя, — отвечал Каспиан.

Никабрик вскочил, сжимая кинжал.

— Вот ты кто! — крикнул он. — Не только тельмарин, но ближайший родственник и наследник

нашего злейшего врага. Вы всё ещё настолько безумны, что хотите сохранить ему жизнь?

Он заколол бы Каспиана на месте, если бы барсук и Трам не преградили ему путь и силой не вернули на место.

— Ну, раз и навсегда, Никабрик, — сказал Трам, — ты сам угомонишься или мы с Боровиком должны сесть тебе на голову?

Никабрик хмуро пообещал вести себя хорошо, и двое других попросили Каспиана рассказать его историю. Когда он закончил, наступило молчание.

— Ничего более странного я в своей жизни не слышал, — сказал Трам.

— Мне это не нравится, — заметил Никабрик. — Я не знал, что о нас всё еще говорят среди людей. Чем меньше они знают, тем лучше для нас. Эта старая няня, скажем. Она бы лучше держала язык за зубами. И тут ещё замешался этот наставник, гном-отступник. Я ненавижу их. Я ненавижу их больше, чем людей. Запомните мои слова — ничем хорошим это не кончится.

— Не говори о том, чего не понимаешь, Никабрик, — сказал Боровик. — Вы, гномы, такие же забывчивые и изменчивые, как люди. Я же — я ведь зверь, тем более — барсук. Мы не меняемся.

Мы остаёмся те же. И я говорю, что это к лучшему. Вот он, истинный король Нарнии, тут, у нас. Истинный король вернулся в истинную Нарнию. И мы, звери, помним, хоть гномы и забыли, что в Нарнии не было порядка, когда сын Адама не восседал на троне.

— Дудки-самокрутки! Боровик! — изумился Трам. — Ты хочешь, чтобы мы отдали всю страну людям?

— Я ничего такого не говорил, — ответил барсук. — Это не страна людей (кто может знать это лучше меня?), но это страна, в которой человек должен быть королём. У нас, барсуков, долгая память, и мы помним. Разве, ради всего святого, Верховный Король Питер был не человек?

— Ты веришь в эти старые сказки? — спросил Трам.

— Говорю вам, мы, звери, не меняемся, — сказал Боровик. — Мы не забываем. Я верю в Верховного Короля Питера и других, которые царствовали в Кэр-Паравале, так же твёрдо, как верю в самого Аслана.

— Ах вот как, — протянул Трам. — Но кто же в наши дни верит в Аслана?

— Я, — сказал Каспиан. — Если бы я не верил в него раньше, поверил бы теперь. Далёко отсюда,

среди людей, те, кто смеётся над Асланом, смеются над рассказами о говорящих зверях и гномах. Иногда я сомневался в том, что он существует, но при этом я сомневался и в вас. Но вы есть.

— Это правда, — сказал Боровик. — Вы правы, король Каспиан. И пока вы будете верны старой Нарнии, вы будете моим королем, что бы они ни говорили. Долгих дней жизни вашему величеству.

— Ты меня с ума сведёшь, барсук, — проворчал Никабрик. — Верховный Король Питер и остальные, может, и были люди, но из другой породы. Этот же — из проклятых тельмаринов. Они охотятся на зверей для развлечения. Скажешь, ты этого не делал? — добавил он, круто повернувшись к Каспиану.

— Ну, правду сказать, я тоже охотился, — признался Каспиан, — но не на говорящих зверей.

— Это то же самое, — сказал Никабрик.

— Нет, нет, нет, — возразил Боровик. — Ты сам знаешь, что нет. Ты отлично знаешь, что звери в Нарнии нынче совсем другие, всего лишь жалкие, бессловесные, неразумные создания, как в Тархистане или Тельмаре. И они куда меньше ростом. Они гораздо сильнее отличаются от нас, чем гномы-полукровки от вас.

Говорили ещё долго и порешили на том, что Каспиан останется. Обещали даже, что, как только он сможет ходить, его возьмут поглядеть на тех, кого Трам назвал «остальными», поскольку, видимо, в этих диких краях жили, скрываясь, все виды созданий из старых дней Нарнии.

Глава шестая
Потаённый народ

И вот наступило самое счастливое время, какое знал Каспиан. Прекрасным летним утром, по росе, он отправился вместе с барсуком и двумя гномами через лес к высокому перевалу в горах и оттуда вниз к солнечным южным склонам, откуда можно было одним взором окинуть зелёные плоскогорья Орландии.

— Сперва мы навестим Трёх Пухлых Медведей, — сказал Трам.

Они весело подошли к старому, заросшему мхом дуплистому дубу, и Боровик трижды ударил по стволу лапой, но не получил ответа. Он постучал снова, и сонный голос изнутри сказал: «Ступайте, ступайте. Вставать ещё не пора». Барсук постучал в третий раз. Изнутри раздался шум, похожий на лёгкое землетрясение, открылось что-то вроде двери и вышли три бурых медведя, действительно очень пухлые и поблёскивающие маленькими глазками. Когда им всё объяснили (что заняло много времени, такие они были сонные), они, как и Боровик, сказали, что королём Нарнии должен быть сын Адама, все поцеловали Каспиана — очень мокро и очень шумно — и предложили ему мёду. Тот не очень хотел мёда, без хлеба и таким ранним утром, но счёл, что будет вежливей согласиться. От этого угощения он весь склеился.

Потом они шли, пока не добрались до высокого бука, и Боровик позвал: «Тараторка! Тараторка!» Почти сразу, прыгая с ветки на ветку, появилась рыжая белка, красивее всех, что Каспиан видел в своей жизни. Она была куда больше, чем обычные бессловесные белки, скакавшие в дворцовом саду, — ростом, пожалуй, с терьера. Одного взгляда на эту мордочку хватало, чтобы понять

— перед вами говорящее существо. Труднее было другое — прервать разговор, потому что, как все белки, существо это было не просто говорящее, а болтливое. Тараторка приветствовал Каспиана и спросил, любит ли тот орехи. Каспиан ответил: спасибо, да. Тараторка поскакал за орехами, но тут Боровик шепнул на ухо Каспиану: «Не смотрите. Отвернитесь в другую сторону. У белок считается дурным тоном следить за тем, кто отправился к себе в кладовую. Могут подумать, что вы хотите узнать, где она упрятана». Тараторка вернулся с орехами, Каспиан их съел, и Тараторка спросил, не нужно ли кому-нибудь отправить друзьям послание. «Потому что я могу добраться куда угодно, даже не касаясь земли», — похвастался он. Боровик и гномы нашли, что это прекрасная мысль. Они вручили Тараторке послания к разным существам со странно звучащими именами, приглашая их прийти на праздник и совет на Танцевальный Луг, в полночь на третью ночь. «Надо бы и Трём Пухлым Мишкам сказать, — добавил Трам. — Мы их не предупредили».

Следующий визит был к Семи Братьям из Тенистого Леса. Трам повёл своих спутников обратно к перевалу, затем они спустились по северному склону горы на восток и пришли в очень мрачное место среди утёсов и елей. Шли очень тихо, и Каспиан вдруг почувствовал, что земля под ногами содрогается, словно кто-то колотит снизу. Трам влез на плоский камень величиной с крышку от бочки и топнул по нему ногой. Прошло порядочно времени, и камень приподнялся — кто-то

или что-то сдвинуло его изнутри. Открылась чёрная круглая дыра, пахнуло жаром и паром, и в середине норы показалась голова гнома, очень похожего на Трама. Завязался продолжительный разговор. Гном отнёсся к Каспиану с куда большим подозрением, чем Тараторка или Пухлые Мишки, но в конце концов всю компанию пригласили внутрь. В темноте обнаружилась лестница, по которой Каспиан спустился вниз, а там снова увидел свет. Это были отблески кузнечного горна, а всё помещение оказалось кузницей. Вдоль одной из стен протекал подземный ручей. Два гнома раздували мехи, ещё один клещами держал на наковальне кусок раскалённого металла, четвёртый бил по нему молотом. Ещё двое, вытерев маленькие мозолистые ручки о грязную одежду, вышли встретить гостей. Понадобилось много времени, чтобы убедить их, что Каспиан друг, не враг, а убедившись, они все вскричали: «Да здравствует король!», — и дары их были щедры: кольчуги, мечи и шлемы для Каспиана, Трама и Никабрика. Барсук тоже бы всё это получил, если бы захотел, но он сказал, что он, видите ли, зверь и если его когти и зубы не могут защитить его шкуру, то не стоит её и защищать. Отделка оружия превосходила всё, что Каспиан когда-ли-

бо видел, и он радостно принял от гномов меч взамен старого, который казался теперь хрупким, как игрушка, и тупым, как палка. Семеро братьев (все они были рыжие гномы) обещали прийти на праздник на Танцевальный Луг.

Чуть позже в сухом каменистом ущелье они отыскали пещеру пяти чёрных гномов. Те тоже отнеслись к Каспиану с подозрением, но в конце концов старший объявил: «Если он против Мираза, мы берём его в короли», а следующий по старшинству сказал: «Хотите, мы сходим дальше, туда, в скалы? Там есть пара людоедов и ведьма, мы можем привести их сюда, к вам».

— Нет, конечно, не надо, — отвечал Каспиан.

— Разумеется, не стоит, — сказал Боровик, — нам не нужны такие союзники.

Никабрик был недоволен, но Трам поддержал барсука, и они оказались в большинстве. Для Каспиана это было потрясением — осознать, что ужасные создания из старых сказок, вместе с симпатичными, всё еще обитают в Нарнии.

— Мы потеряем дружбу Аслана, если пригласим такую мразь, — сказал Боровик, когда они вышли из пещеры чёрных гномов.

— Ах, Аслана! — весело, но пренебрежительно передразнил Трам. — Гораздо важнее, что вы

потеряете мою дружбу.

— Но ты веришь в Аслана? — спросил Каспиан Никабрика.

— Я поверю в кого угодно и во что угодно, — ответил гном, — лишь бы оно разгромило проклятых тельмаринских варваров и вышвырнуло их вон из Нарнии. В кого и во что угодно, будь то Аслан или Белая Колдунья, понимаете?

— Тише, тише, — сказал Боровик, — ты не знаешь, что говоришь. Это враг пострашнее Мираза и его племени.

— Только не для гномов, — сказал Никабрик.

Их следующий визит оказался куда приятнее. Они спустились ниже, и в горах открылось большое ущелье с лесистой долиной. По дну её протекала быстрая речка. Берега заросли колокольчиками и дикими розами, воздух гудел от пчёл. Здесь Боровик позвал: «Громобой! Громобой!» Вскоре в тишине долины Каспиан услышал грохот копыт. Он становился всё громче, пока вся долина не содрогнулась, и вот, раздирая и попирая заросли, явились благороднейшие из созданий, каких Каспиан когда-либо видел, — великий кентавр Громобой с тремя сыновьями. Его тёмно-гнедые бока лоснились, загорелые щеки покрывала золотисто-рыжая борода. Он был про-

рицатель и звездочёт и знал, зачем они пришли.

— Да здравствует король! — вскричал он. — Я и мои сыновья готовы к войне. Когда битва?

До сих пор ни Каспиан, ни другие по-настоящему о войне не задумывались. Они смутно представляли себе набеги на хутора или нападения на отряды охотников, если те заберутся слишком далеко в южную глушь. В основном же они думали только о том, как самим прожить в лесах и пещерах и постараться здесь, в укрытии, воссоздать Старую Нарнию. После слов Громобоя каждый почувствовал, что дело гораздо серьёзнее.

— Ты думаешь о настоящей войне, чтобы изгнать Мираза из Нарнии? — спросил Каспиан.

— О чём же ещё? — отвечал кентавр. — Ради чего же ваше величество облачились в кольчугу и опоясались мечом?

— А это по силам нам, Громобой? — спросил барсук.

— Время настало, — сказал Громобой. — Я наблюдал звёзды, барсук, потому что наблюдать — это моё дело, как твоё дело — помнить. Тарва и Аламбиль встретились в небесных чертогах, и на земле восстал сын Адама, чтобы править и нарекать имена. Час пробил. Наш совет на Тан-

цевальном Лугу должен быть военным советом.

Он произнёс это таким голосом, что ни Каспиан, ни другие больше не колебались. Они поверили, что вполне могут выиграть войну и уж, во всяком случае, должны её начать.

Поскольку был уже полдень, они остались с кентаврами и отведали их пищи: лепёшек из овсяной муки, яблок, зелени, вина и сыра.

Следующее место, куда они сегодня собирались, было почти рядом, но пришлось сделать большой крюк, чтобы обойти человеческое жильё. Уже совсем смеркалось, когда они очутились среди ровных полей, возделанных и разгороженных. Боровик наклонился к норке в зелёной насыпи, позвал кого-то, и оттуда выскочило существо,

которого Каспиан меньше всего ожидал, — Говорящий Мыш. Он был, разумеется, гораздо больше обычной мыши с добрый фут, если стоял на задних лапах, с ушами почти такой же длины, как у кролика (хотя гораздо шире). Звали его Рипичип, и он был весёлый и воинственный мыш. Он носил на боку тоненькую маленькую шпагу и подкручивал свои усишки, словно это были взаправдашние усы.

— Здесь нас двенадцать, государь, — сказал он с изысканным поклоном, — и я предоставляю все силы нашего народа в распоряжение вашего величества.

Каспиан изо всех сил (и успешно) пытался подавить смех, но не мог отделаться от мысли, что Рипичипа с его народом легко уместить в корзине и унести домой на спине.

Слишком долго было бы описывать всех, с кем Каспиан встретился в этот день. Среди них были крот по имени Копун Землерой, трое Кусачей (все барсуки, как и Боровик), заяц Камилло и ёж Ёршик. Наконец, они остановились у источника на краю широкого и ровного круга травы, окаймлённого вязами, которые отбрасывали длинные тени, потому что солнце садилось, маргаритки закрывались и грачи полетели домой спать. Здесь

они закусили тем, что принесли с собой, и Трам закурил трубку (Никабрик был некурящий).

— Теперь, — сказал барсук, — если бы мы смогли пробудить духов этих деревьев и родника, мы могли бы сказать, что неплохо сегодня поработали.

— А это возможно? — спросил Каспиан.

— Нет, — отвечал Боровик. — У нас нет над ними власти. Когда люди пришли в нашу страну, вырубили леса и осквернили источники, дриады и наяды впали в глубокий сон. Кто знает, пробудятся ли они вновь? И это большая для нас потеря. Тельмарины ужасно боятся лесов, и стоит деревьям в гневе тронуться с места, наши враги обезумеют от страха и удерут из Нарнии, только их и видели.

— Ну и фантазия у вас, зверей! — хохотнул Трам, который ни во что такое не верил. — Тогда почему только деревья и воды? Пусть уж и камни начнут сами бросаться в старого Мираза.

Барсук только хрюкнул. Наступило такое долгое молчание, что Каспиан почти погрузился в сон, когда ему показалось, что из леса за его спиной доносится тихая музыка. Потом он подумал, что это ему снится, и прилёг опять, но едва коснулся ухом земли, как услышал (или почувствовал,

трудно сказать, как именно) лёгкие удары или барабанную дробь. Он поднял голову. Звуки ударов стали тише, но возвращалась музыка. Теперь она звучала куда яснее. Похоже было на флейты. Он увидел, что Боровик сидит, вглядываясь в лес. Луна светила, Каспиан проспал больше, чем думал. Всё ближе и ближе слышалась музыка, звучавшая дико и мечтательно, и топот множества ног, пока наконец из лесной чащи в лунный свет не выбежали танцующие тени, точно такие, о каких Каспиан грезил всю жизнь. Они были ненамного больше гномов, но гораздо тоньше и грациознее. Их кудрявые головки были украшены маленькими рожками, верхняя часть тела поблёскивала в лунном свете, а бёдра и ноги были, как у козлов.

— Фавны! — воскликнул Каспиан, подпрыгивая. В тот же миг они его окружили. Не пришлось долго объяснять им ситуацию, и они сразу признали Каспиана. Ещё не успев понять, что делает, он уже нёсся в танце. Трам тоже притоптывал, неуклюже и резко размахивая руками, и даже Боровик подскакивал, как мог. Только Никабрик остался сидеть и молча наблюдал. Фавны плясали вокруг Каспиана, наигрывая на свирелях. Их странные лица, одновременно мрачные и весёлые, заглядывали в его лицо, десятки фавнов были здесь: Ментиус, и Обентиус, и Думнус, Волунс, Вольтинус, Гирбиус, Нимьенус, Навсус и Оскунс. Тараторка созвал всех.

Когда Каспиан проснулся на следующее утро, он едва мог поверить, что это не сон, однако трава вокруг была покрыта маленькими следами раздвоенных копыт.

Глава седьмая
Старая Нарния в опасности

Место, где они встретились с фавнами, конечно, и был тот самый Танцевальный Луг. Здесь Каспиан с друзьями остались до ночи Великого Совета. Спать под звёздами, пить одну только родниковую воду, питаться орехами и плодами — всё это было нелёгким испытанием для Каспиана после шёлковых простыней, завешанных коврами дворцовых покоев, ужина на золотых и серебряных блюдах и ожидающих приказа слуг. Однако никогда он не был так счастлив. Никогда

сон так не освежал, никогда пища не была вкуснее. Он начинал привыкать к трудностям, и лицо его приобретало королевское выражение.

Когда наступила великая ночь, его разнообразные и странные подданные собрались на лугу по одному, по двое, по трое, а то и по шесть-семь — луна светила почти как в полнолуние, — и он увидел, как же их много, и сердце его переполнилось. Здесь были все, с кем он успел познакомиться: Пухлые Мишки, рыжие и чёрные гномы, кроты и барсуки, ежи и зайцы, а также многие другие, кого он прежде не видел. Пришли пять сатиров, рыжие, как лисы, говорящие мыши в полном составе, вооружённые до зубов и пронзительно дудящие в трубы, несколько сов, Старый Ворон с Вороньих скал. Последним (у Каспиана перехватило дыхание) пришёл с кентавром великан Ветролом с Мертвякова холма и принёс на спине целую корзину с гномами, которых так укачало, что они сто раз пожалели о великаньей доброте и уже не чаяли выбраться наружу.

Пухлые Мишки решительно намеревались сначала попировать, а совет отложить на потом, хотя бы на завтра. Рипичип и его мыши сказали, что и совет, и пир могут подождать, и предложили

штурмовать Мираза в его замке этой же ночью. Тараторка и другие белки объявили, что могут говорить и есть одновременно, так почему бы не устроить сразу и совет, и пир. Кроты предложили первым делом выкопать вокруг луга ров. Фавны считали, что лучше начать с торжественного танца. Старый Ворон, вполне согласный с медведями, что совет слишком затянет время до ужина, предложил взять на себя произнесение краткого приветственного слова. Однако Каспиан, кентавры и гномы пресекли все эти разногласия и настояли, чтоб немедленно провести военный совет. Когда, наконец, удалось усадить всех в круг на землю и успокоить, а главное — утихомирить Тараторку, который носился туда-сюда с криком: «Тише! Тише вы все, король говорит!», Каспиан поднялся, чувствуя лёгкую дрожь.

— Нарнийцы! — начал он, но в тот же миг заяц Камилло сказал:

— Ш-ш-ш! Здесь где-то человек.

Они были создания дикие, привыкшие, что на них охотятся, поэтому все замерли, как статуи. Звери повернули носы в ту сторону, куда указывал Камилло.

— Дух вроде человечий, а вроде и нет, — прошептал Боровик.

— Он приближается, — заметил Камилло.

— Два барсука и вы, трое гномов с луками, ступайте тихо ему навстречу, — приказал Каспиан.

— Мы его уложим, — угрюмо пообещал чёрный гном, натягивая на лук тетиву.

— Если он один, не стреляйте, — велел Каспиан. — Приведите его сюда.

— Зачем? — спросил гном.

— Делай, что говорят, — сказал кентавр Громобой.

Все ожидали в молчании, пока три гнома и два барсука крадучись пробежали между деревьями с северо-западной стороны луга. Затем донёсся резкий окрик гнома: «Стой! Кто идет?» — и шум внезапного прыжка. В следующий миг Каспиан услышал, как хорошо знакомый голос произнёс: «Тихо, тихо, я безоружен. Если хотите, держите меня за рукава, барсуки, только не прокусите их. Мне нужно поговорить с королём».

— Доктор Корнелиус! — радостно воскликнул Каспиан и бросился обнимать старого наставника. Остальные окружили их.

— Пф! — фыркнул Никабрик. — Гном-отступник. Полукровка! Можно я проткну ему глотку мечом?

— Успокойся, Никабрик, — сказал Трам. — Это

существо не выбирало себе предков.

— Это мой величайший друг, он спас мне жизнь, — сказал Каспиан. — Каждый, кому не нравится его общество, может покинуть моё войско — немедленно. Милый мой доктор, как я рад снова вас видеть. Как вы нас разыскали?

— Чуточку самой простой магии, ваше величество, — сказал доктор, который всё ещё пыхтел и отдувался после слишком быстрой ходьбы. — Но сейчас не время об этом. Мы должны немедленно исчезнуть. Вас предали, и Мираз действует. Вы будете окружены ещё до завтрашнего полудня.

— Предали! — воскликнул Каспиан. — Но кто?

— Другой гном из отступников, не сомневаюсь, — сказал Никабрик.

— Ваш Ретивый, — отвечал доктор. — Бедная скотинка, что он понимал? Когда вы упали, он, конечно, побежал назад в конюшню. Так узнали про ваше бегство. Я и сам поспешил удалиться, не желая подвергнуться допросу в камере пыток. В своём магическом кристалле я примерно увидел, где вас можно найти. Однако весь день — это было позавчера — я встречал в лесах отряды Мираза. Вчера я узнал, что вся армия выступила. Похоже, кое-кто из ваших… м-м… чистокровных гномов не так хорошо умеет ходить по лесу, как можно

было бы ожидать. Вы везде оставили следы. Большая неосторожность. Во всяком случае, Мираз предупреждён, что старая Нарния не погибла, как он надеялся, и теперь он действует.

— Ура! — запищал голосок у доктора под ногами. — Пусть только придут! Всё, о чём я прошу, это чтобы король поставил меня с моим народом в первые ряды.

— Что это? — удивился доктор Корнелиус. — Ваше величество держит в своём войске кузнечиков… или комаров?

Однако, отступив на шаг и внимательно вглядевшись через очки, он перестал смеяться.

— Во имя Льва! — воскликнул он. — Это мышь. Сеньор Мыш, приношу вам свои извинения. Я польщен встречей со столь доблестным зверем.

— Располагайте моей дружбой, учёный человек, — пискнул Рипичип. — И всякий гном — или великан — во всём войске, который не будет с вами любезен, познакомится с моим мечом.

— Разве сейчас время для таких глупостей? — сказал Никабрик. — Какие у нас планы? Сражаемся или бежим?

— Сражаемся, если нужно, — сказал Трам. — Но к битве мы не готовы, а здесь будет трудно обороняться.

— Мне что-то не нравится само слово «бежать», — сказал Каспиан.

— Верно, верно! — закричали Пухлые Мишки. — Что угодно, только не бегать. Особенно перед ужином, да и потом не сразу.

— Кто бежит первым, не всегда убегает последним, — сказал кентавр. — Зачем предоставлять выбор врагу, когда можно самим отыскать позицию? Давайте поищем надёжное место.

— Это мудро, ваше величество, это мудро, — сказал Боровик.

— Но куда же идти? — спросили несколько голосов.

— Ваше величество, — сказал доктор Корнелиус, — и вы, всевозможные создания, мне кажется, надо бежать к востоку и вниз по реке, в Великие леса. Тельмарины их ненавидят. Они всегда боялись моря и того, что может выйти из моря. Вот почему они дали разрастись диким лесам. Если предание гласит правду, древний Кэр-Параваль стоял в устье реки. Те края дружественны нам и враждебны нашим врагам. Мы должны идти к холму Аслана.

— К холму Аслана? — переспросили несколько голосов. — Мы не знаем, что это.

— Огромный курган на краю Великих лесов.

Нарнийцы возвели его в древние-предревние времена вокруг самого магического места, где стоял — и, возможно, стоит до сих пор — самый магический камень. Курган внутри весь прорыт проходами и пещерами, в средней стоит Камень. В кургане найдётся место для всех наших припасов, а те из нас, кто больше нуждается в укрытии или привыкли жить под землёй, могут поселиться в пещерах. Остальные расположатся в лесу. В крайнем случае мы все (кроме достойнейшего великана) можем спрятаться в кургане, а там мы избегнем почти любой опасности, кроме голода.

— Как хорошо, что среди нас есть образованный человек, — сказал Боровик, но Трам шепнул про себя: «Суп и сельдерей! Лучше бы наши вожди меньше думали о бабьих россказнях и больше — о провианте и боеприпасах!» Однако все одобрили предложение Корнелиуса и в ту же ночь, получасом позже, двинулись в путь. До рассвета они достигли холма Аслана.

Выглядел он и впрямь внушительно — круглый зелёный холм на вершине другого холма, давным-давно заросшего деревьями. Внутрь вёл маленький низкий вход. Туннели, вымощенные и облицованные гладкими камнями, составляли настоящий лабиринт. Вглядываясь в полумрак,

Каспиан различил на камнях странные письмена, загадочные знаки и рисунки, в которых вновь и вновь повторялось изображение льва. Казалось, всё это принадлежит ещё более древней Нарнии, чем та, о которой ему рассказывала няня.

С того дня как они расположились вокруг и возле холма, удача от них отвернулась. Разведчики короля Мираза вскоре обнаружили их новое убежище, и тот со своей армией появился на опушке леса. Как часто случается, враг оказался сильнее, нежели предполагали. Каспиан с замиранием сердца следил, как приближается отряд за отрядом. Да, люди Мираза боялись деревьев, но Мираза они боялись ещё больше. Ведомые им, они прорывались глубоко в лес, временами почти на самый холм. Каспиан и другие военачальники, конечно, предпринимали вылазки на открытую равнину. Стычки происходили и днём, и даже ночью, но сторонники Каспиана по большей части проигрывали.

Наконец, наступила ночь, когда всё стало так плохо, что хуже некуда. Сильный дождь, шедший весь день, прекратился в сумерки лишь для того, чтобы смениться промозглым холодом. На следующее утро Каспиан готовился дать решающее сражение, на которое возлагал последние

надежды. Сам он с большинством гномов должен был ударить на рассвете в правое крыло Миразовых войск, затем, в самый разгар битвы, великан Ветролом напал бы вместе с кентаврами и самыми сильными зверями с другой стороны, чтобы отрезать правый Миразовский фланг от остальной армии. Однако всё провалилось. Никто не предупредил Каспиана (потому что никто уже не помнил), что великаны не отличаются умом. Бедняга Ветролом, хоть и храбрый, как лев, был в этом смысле истинный великан. Он напал не тогда и не там, оба отряда (его и Каспиана) сильно пострадали, а врагу почти не нанесли ущерба. Лучший из медведей вышел из строя, один кентавр был страшно изранен, и мало кто в отряде Каспиана не потерял крови. Печальное общество собралось под каплющими деревьями за скудным ужином.

Печальнее всех был великан Ветролом. Он знал, что всё из-за него. Он сидел молча, роняя крупные слёзы, которые потихоньку скопились на кончике его носа, а потом с громким всплеском сорвались прямо на бивуак мышей, которые только-только согрелись и задремали. Мыши повскакали, принялись стряхивать воду с ушей,

выжимать свои одеяльца и тонкими, но вполне громкими голосами спрашивать великана, не считает ли он, что они довольно промокли и без таких шуток. Затем и другие проснулись, стали говорить мышам, что их пригласили как разведчиков, а не как вокальную труппу, и вообще, нельзя ли чуть-чуть потише. Ветролом потопал прочь отыскивать местечко, где можно пострадать спокойно, и наступил кому-то на хвост, и кто-то (потом говорили, что лис) укусил его за ногу. И так все перессорились.

А в тайной магической комнате в самом сердце холма король Каспиан с Корнелиусом, барсуком, Никабриком и Трамом держали совет. Толстые колонны древней работы поддерживали потолок. В центре стоял Камень, Каменный Стол, расколотый посередине. Некогда его покрывали таинственные письмена, но за долгие столетия ветер, дождь и снег стёрли их почти окончательно — это было в те древние времена, когда Стол стоял на вершине холма и над ним ещё не возвели курган. Сели они не вокруг стола — он был слишком волшебный, чтобы обходиться с ним, как с обычным, — а на чурбаках немного в стороне, за неструганым деревянным столом, на котором горел грубый глиняный светильник.

Пламя освещало их бледные лица и отбрасывало на стены длинные тени.

— Если ваше величество собирается протрубить в волшебный рог, — сказал Боровик, — думаю, сейчас самое время.

(Каспиан, конечно, рассказал о своём сокровище несколько дней назад.)

— Спору нет, мы в великой нужде, — ответил он. — Однако кто поручится, что не будет ещё хуже? Представьте себе, что придёт день ещё черней и ужасней, а мы уже употребили последнее средство?

— Если так рассуждать, — сказал Никабрик, — ваше величество не подует в рог, покуда не будет уже поздно.

— Согласен, — сказал доктор Корнелиус.

— А ты что думаешь, Трам? — спросил Каспиан.

— Что до меня, — отвечал рыжий гном, слушавший с полным безразличием, — ваше величество знает, что, по моему мнению, рог, да и этот кусок разбитого камня, и ваш великий король Питер, и ваш Аслан — бредни и чепуха. Мне всё равно, когда ваше величество протрубит в рог. Я требую только, чтобы войску ничего об этом не говорили. Не стоит возбуждать надежды на волшебную

помощь, которым, уверен, не суждено сбыться.

— Тогда, во имя Аслана, мы подуем в рог королевы Сьюзен, — объявил Каспиан.

— Вот что ещё, государь, — сказал доктор Корнелиус, — может быть, стоит сделать сначала. Мы не знаем, какой будет эта помощь. Может быть, рог вызовет из-за моря самого Аслана. Однако мне кажется более правдоподобным, что он призовёт Питера, Верховного Короля, и его спутников из глубокого прошлого. В любом случае нет уверенности, что помощь прибудет на это самое место…

— Вернее не скажешь, — вставил Трам.

— Думаю, — продолжал учёный, — что они — или он — вернутся в одно из исторических мест Нарнии. Здесь, где мы сидим, древнейшее и священнейшее из всех, и сюда, полагаю, скорее всего придёт ответ. Однако есть ещё два. Одно — Фонарная Пустошь, в верховьях реки к западу от Бобровой Плотины, где, как повествуют летописи, впервые явились в Нарнию царственные дети. Второе — в устье реки, где некогда стоял их замок Кэр-Параваль. Если же Аслан придёт сам, его лучше встретить там же, раз во всех историях говорится, что он — Сын Великого Заморского Императора и приходит из-за моря. Я очень хотел

бы послать гонцов и туда, и туда — на Фонарную Пустошь, и в устье реки, чтобы достойно принять их — или его — или что нам будет ниспослано.

— Как я понял, — пробормотал Трам, — ничего из этой глупости не выйдет, но для начала мы лишимся двух бойцов.

— Кого бы вы думали послать, доктор Корнелиус? — спросил Каспиан.

— Белки лучше других сумеют пробраться незамеченными сквозь вражескую страну, — сказал Боровик.

— Все наши белки (у нас их не так много), — заметил Никабрик, — слегка легкомысленны. Единственный, кому я доверил бы это дело, — Тараторка.

— Хорошо, пусть будет он, — сказал Каспиан. — А кто пойдёт вторым? Знаю, Боровик, ты бы пошёл, но ты не очень быстро ходишь. И вы, доктор Корнелиус, тоже.

— Я-то точно не пойду, — сказал Никабрик. — Тут столько людей и зверей, что гному просто необходимо остаться и присматривать, чтобы гномов не притесняли.

— Стаканы-ураганы! — вскричал Трам в ярости. — Вот как ты разговариваешь с королём? Пошлите меня, государь, я пойду.

— Я думал, ты не веришь в рог, — удивился Каспиан.

— Не верю, ваше величество. Но что поделаешь? Я мог погибнуть во время охоты на гусей, могу погибнуть здесь. Вы — мой король. Я знаю, что это большая разница — давать советы и получать приказы. Совет я вам дал, теперь время приказов.

— Я этого никогда не забуду, Трам, — сказал Каспиан. — Кто-нибудь, позовите Тараторку. А когда мне трубить в рог?

— Я бы подождал рассвета, ваше величество, — сказал доктор Корнелиус. — Это благоприятное время для Белой Магии.

Через несколько минут явился Тараторка и получил своё задание. Поскольку, как большинство белок, он был чрезвычайно храбр, порывист, полон энергии и озорства (не говоря уже о самодовольстве), то, не дослушав, загорелся тут же бежать. Ясно было, что он доберётся до Фонарной Пустоши за то же время, за которое Трам преодолеет более короткое расстояние до устья реки.

Наскоро перекусив, оба пустились в путь, сопровождаемые горячей благодарностью и добрыми пожеланиями короля Каспиана.

Глава восьмая
Как покинули остров

— И вот, — сказал Трам (потому что, если вы помните, именно он поведал четверым детям эту историю, сидя на траве в разрушенном замке Кэр-Параваль), — и вот я сунул в карман пару горбушек, оставил друзьям всё оружие, кроме кинжала, и в предрассветной тьме отправился в леса. Я оттопал несколько часов, когда раздался звук, подобного которому я в жизни не слышал.

Ух, этого я никогда не забуду. Он заполнил всё, оглушительный, как гром, но гораздо протяжнее, спокойный и нежный, как музыка над водой, но такой сильный, что лес заколебался. И я сказал себе: «Если это не рог, зовите меня кроликом». Чуть позже я удивился, почему он не прозвучал на рассвете…

— Сколько времени было? — спросил Эдмунд.

— Между девятью и десятью, — отвечал Трам.

— Как раз, когда мы были на станции! — воскликнули дети, глядя друг на друга горящими глазами.

— Пожалуйста, продолжайте, — сказала гному Люси.

— Ну, как я говорил, я удивился, но всё равно спешил, как только мог. Я шёл всю ночь, а когда наполовину рассвело, рискнул перебежать открытое место — словно я не умнее великана! Хотел срезать большую петлю реки, ну и попался. И даже не вражеской армии, а надутому старому дураку, охранявшему маленький замок, последний в ряду Миразовых укреплений со стороны берега. Не нужно говорить, что правды они от меня не узнали, я ведь гном, а этим всё сказано. Однако, креветки-конфетки, очень здорово, что сенешаль оказался надутый дурак. Любой

другой прикончил бы меня на месте, но этому понадобилась самая страшная казнь — отправить меня к «призракам» со всеми подобающими церемониями. А тут эта юная леди (он кивнул в сторону Сьюзен) слегка постреляла из лука — и отлично постреляла, осмелюсь сказать, — так что вот я здесь.

Он выколотил пепел и вновь набил трубку.

— Обалдеть можно! — воскликнул Питер. — Так это твой рог — твой собственный рог, Сью, — сдёрнул нас вчера утром с платформы! Мне трудно поверить. Как-то всё это в голове не укладывается.

— А мне непонятно, почему ты удивляешься, раз ты вообще веришь в магию, — сказала Люси. — Мы же столько читали, как людей волшебством переносит из одного места в другое или даже из одного мира в другой. Я хочу сказать, когда волшебник в «Тысяче и одной ночи» вызывает джинна, джинн не выбирает, явиться ему или нет. Вот и с нами случилось что-то похожее.

— Да, — ответил Питер. — Наверное, всё кажется таким странным из-за того, что в сказках тот, кто вызывает, всегда из нашего мира. Никто никогда не думал, откуда приходит джинн.

— А теперь мы знаем, что этот джинн чув-

ствует, — хохотнул Эдмунд. — Ничего себе! Не очень-то приятно знать, что тебе могут этак свистнуть. Это хуже, чем отец говорит: «жить по милости телефона».

— Но ведь мы рады, что оказались здесь, правда? — сказала Люси. — Если Аслан так хочет?

— Ладно, — произнёс гном, — что же нам всё-таки делать? Полагаю, мне стоит вернуться к Каспиану и сказать, чтобы он не рассчитывал на помощь.

— Как не рассчитывал? — удивилась Сьюзен. — Но ведь все получилось, мы здесь.

— М-м-м-да, конечно. Ясное дело, — сказал гном, у которого, кажется, засорилась трубка (во всяком случае, он очень старательно ее ковырял). — Да… но… мне кажется…

— Разве вы не видите, кто мы? — воскликнула Люси. — Какой глупый…

— Я полагаю, что вы — четверо детей из старой сказки, — отвечал Трам. — И я, конечно, счастлив вас видеть. Это всё, несомненно, очень интересно. Но… вы не обидитесь? — И он снова заколебался.

— Да скажите, наконец, что вы там мнётесь, — произнес Эдмунд.

— Ладно, только чтоб не обижаться, — сказал Трам. — Дело в том, что король, Боровик и доктор

Корнелиус, они ожидали… ну, как бы это сказать… помощи. Другими словами, они, наверное, представляют вас великими воителями. Как бы это… мы, конечно, обожаем детей и всё такое, но сейчас, в разгар войны… ну, вы, конечно, понимаете…

— Вы считаете, что мы не годимся, — сказал Эдмунд, краснея.

— Прошу вас, не обижайтесь, — перебил гном. — Уверяю вас, мои дорогие маленькие друзья…

— Услышать от вас «маленькие» — это и правда немного слишком, — сказал Эдмунд, вскакивая. — Вы, значит, не верите, что мы выиграли битву при Беруне? Ну, обо мне можете говорить что хотите, потому что я знаю…

— Не злись, — сказал Питер. — Дадим ему вооружиться и вооружимся сами в нашей сокровищнице, тогда и поговорим.

— Не понимаю, чего ради… — начал Эдмунд, но Люси шепнула ему на ухо: — Не лучше ли сделать, как говорит Питер? В конце концов он — Верховный Король. И, по-моему, у него есть мысль.

Эдмунд согласился, и при свете фонарика все, включая Трама, снова спустились в тёмный холодный мрак и пыльное великолепие хранилища

драгоценностей.

Глаза у гнома сверкнули, когда он увидел богатства, наваленные на полках (хотя для этого ему пришлось встать на цыпочки). «Этого ни в коем случае нельзя показывать Никабрику», — шепнул он про себя. Они легко нашли кольчугу для него, меч, шлем, щит, лук и колчан со стрелами. Шлем был медный, украшенный рубинами, на рукояти меча блестело золото; Трам в жизни не видел, тем более не носил таких ценностей. Дети также надели кольчуги и шлемы, сыскались меч и щит для Эдмунда, лук для Люси — Питер и Сьюзен, конечно, не расставались со своими дарами. Пока поднимались по лестнице, звеня кольчугами, всё больше ощущая себя нарнийцами и всё меньше школьниками, мальчики держались рядом, явно разрабатывая какой-то план. Люси слышала, как Эдмунд сказал:

— Нет, дай я. Для него будет полный провал, если я выиграю, а нам меньше стыда, если я проиграю.

— Хорошо, Эд, — сказал Питер.

Когда они вышли на дневной свет, Эдмунд очень вежливо обратился к гному и сказал:

— У меня к вам просьба. Детишкам вроде нас нечасто выпадает счастье встретить такого вели-

кого воина. Не согласились бы вы на коротенький фехтовальный поединок? Это было бы жутко любезно с вашей стороны.

— Но, парень, — отвечал Трам, — мечи-то острые.

— Знаю, — кивнул Эдмунд, — но я вряд ли смогу вас достать, а вы, конечно, легко меня обезоружите, не причинив иного вреда.

— Это опасная игра, — сказал Трам, — но, раз ты так настаиваешь, я могу сделать выпад-другой.

Оба меча сверкнули разом, Питер и девочки спрыгнули с помоста и остановились, наблюдая. А посмотреть стоило. Это было совсем не то дурацкое сражение широкими мечами, которое вы видите на сцене. Это было даже не фехтование на рапирах, которое, если вы видели, больше похоже на дело. Это была настоящая рубка. Главное при этом — рубить противника по ногам, потому что они не защищены. А когда бьёт противник, нужно подпрыгнуть, чтобы удар пришёлся под ногами. Это давало гному преимущество, потому что более высокий Эдмунд должен был всё время нагибаться. Я не думаю, что Эдмунд имел бы хоть малейший шанс, сражайся он с Трамом двадцать четыре часа назад. Однако нарнийский воздух действовал на него с их появления на острове,

в нём проснулись все прежние битвы, рука и пальцы обрели прежнее искусство. Он снова был король Эдмунд. Сражающиеся проходили круг за кругом, наносили удар за ударом, и Сьюзен (так и не научившаяся любить ратную потеху) восклицала: «Ой, только осторожнее!» Внезапно, так быстро, что никто (если он не ожидал этого, как Питер) не понял, что случилось, Эдмунд резко повернул свой меч особым движением. Меч вылетел из крепко сжатых пальцев гнома, и Трам обхватил пустой кулак, как вы бы сделали после «финта» в крикете.

— Надеюсь, вам не больно, мой дорогой маленький друг? — сказал Эдмунд, вкладывая меч в ножны. Он слегка задыхался.

— Я понял, — сухо отвечал Трам. — Вы знаете приём, которому я никогда не учился.

— Совершенно верно, — вставил Питер. — Лучшего бойца в мире можно обезоружить незнакомым приёмом. Думаю, из учтивости надо дать Траму шанс в чём-то другом. Не угодно ли состязание в стрельбе с моей сестрой? Здесь, как вы знаете, приёмов нет.

— А вы-то, оказывается, шутники, как я погляжу, — сказал гном. — Будто я не знаю, как она стреляет, после утреннего-то. Все-таки попробую.

Он говорил грубовато, но глаза у него загорелись, потому что он был прославленный лучник среди своего народа. Все пятеро вышли во двор.

— Что будет мишенью? — спросил Питер.

— Думаю, сгодится яблоко на ветке за стеной, — сказала Сьюзен.

— Это будет славно, детка, — согласился Трам. — Может быть, вон то, жёлтое, почти посредине арки?

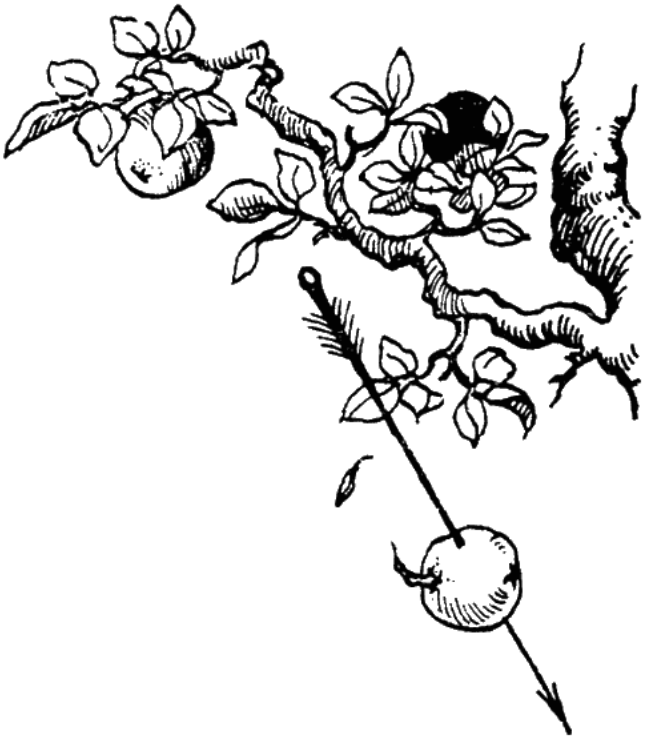
— Нет, не то, — отвечала Сьюзен. — Красное, там, повыше — над зубцом.

У гнома вытянулось лицо. «Больше похоже на вишню, чем на яблоко», — прошептал он, но вслух ничего не сказал.

Они разыграли первый выстрел (страшно заинтересовав Трама, который никогда раньше не видел, как бросают монетку), и Сьюзен проиграла. Стрелять должны были с верхней ступеньки лестницы, ведущей из зала во двор. Глядя, как гном занимает место и прицеливается, каждый сказал бы, что он своё дело знает.

«Тванг» — пропела тетива. Выстрел был превосходный. Крошечное яблочко вздрогнуло, едва не задетое стрелой, и листок, кружась, опустился на землю. Затем на верхнюю ступеньку поднялась Сьюзен и натянула лук. Она и вполовину так не

радовалась состязанию, как Эдмунд, не потому, что сомневалась в своем искусстве, просто ей, по мягкосердечию, было стыдно побеждать того, кто и без того побеждён. Гном добродушно наблюдал, как она оттягивает стрелу до уха. В следующий миг яблоко, пронзённое стрелой Сьюзен, звонко шмякнулось о землю.

— Молодец, Сью! — закричали остальные дети.

— На самом деле выстрел не лучше вашего, — сказала Сьюзен гному. — Мне кажется, когда вы стреляли, подул слабый ветерок.

— Ничего подобного, — отвечал Трам. — Не надо меня утешать. Я знаю, что побеждён честно. Я даже не скажу, что рубец от последней раны помешал мне как следует отвести руку назад…

— Ой, вы ранены? — спросила Люси. — Дайте посмотреть.

— Это неподходящее зрелище для маленьких девочек, — начал Трам, но тут же сам себя перебил: — Кажется, я опять говорю глупости, — сказал он. — Должно быть, вы и впрямь великая целительница, как ваш брат — великий боец, а ваша сестра — великая лучница.

Он присел на ступеньку, снял кольчугу и сбросил рубаху, обнажив руку, волосатую и мускулистую, как у моряка, но размером не больше детской. На плече была нескладная повязка, и Люси начала ее разматывать. Под бинтом обнаружилась рубленая рана в очень плохом состоянии, сильно опухшая. «Ой, бедный Трам, — сказала Люси. — Какой ужас». И она осторожно капнула одну-единственную капельку из своего флакона.

— Эй, постойте-ка. Что вы делаете? — сказал Трам. Но сколько он ни вертел головой, сколько ни косился и ни оттягивал бороду туда-сюда, он не мог разглядеть своего плеча. Тогда он ощупал его, насколько смог, делая совершенно немыс-

лимые движения, как вы сами, когда пытаетесь почесать место, до которого не можете дотянуться. Потом он взмахнул рукой, поднял её, напрягая мышцы, и, наконец, вскочил на ноги с криком: «Тюльпаны-великаны! Вылечилось! Как новое». Он громко рассмеялся и сказал:

— Ну, я наделал столько глупостей, сколько ни одному гному не удалось бы. Надеюсь, никто не в обиде? Мое нижайшее почтение всем вашим величествам. И спасибо вам за спасение жизни, за лечение, за завтрак — и за урок.

Дети сказали хором, что всё в порядке и говорить больше не о чем.

— И теперь, — сказал Питер, — если вы действительно решили в нас поверить…

— О да, — вставил гном.

— Совершенно ясно, что надо делать. Мы должны немедленно соединиться с Каспианом.

— Чем скорее, тем лучше, — подхватил Трам. — Из-за моей глупости почти час потеряли.

— Если идти, как вы шли, это займёт два дня, — сказал Питер. — Я говорю о нас. Мы не можем идти день и ночь, как вы, гномы. — Он обернулся к остальным. — То, что Трам называет холмом Аслана, несомненно, Каменный Стол. Как вы помните, оттуда до бродов у Беруны полдня ходу

или чуть меньше…

— Мы называем это место мостом у Беруны, — сказал Трам.

— В наше время там не было моста, — продолжал Питер. — Дальше от Беруны досюда ещё день с небольшим. Мы приходили домой к ужину на второй день, если идти гуляючи. Когда нужно было спешить, нам удавалось проделать весь путь за полтора дня.

— Не забывайте, там теперь леса, — сказал Трам, — и враги, от которых надо скрываться.

— Послушайте, — вмешался Эдмунд, — зачем же нам идти тем же путём, что и Дорогой Маленький Друг?

— Не надо так, ваше величество, если вы меня любите, — сказал гном.

— Хорошо, — сказал Эдмунд. — Можно я буду звать вас просто Д.М.Д.?

— Ой, Эдмунд, перестань дразнить его, — рассердилась Сьюзен.

— Ничего, детка, я хочу сказать — ваше величество, — произнес Трам со смешком. — Шутка синяков не набьёт. — (Впоследствии они часто называли его Д.М.Д., так что почти забыли, что это значит.)

— Так я говорю, — продолжал Эдмунд, — не

нужно добираться тем же путём. Почему бы не пройти на вёслах немного южнее, до Зеркального залива и по нему? Мы окажемся ближе к холму Каменного Стола, а в море будем в безопасности. Если мы выйдем сейчас же, то сможем пройти залив до темноты, поспать немного и будем у Каспиана завтра с утра пораньше.

— Вот что такое знать побережье, — сказал Трам. — Никто из нас никогда не слышал о Зеркальном заливе.

— Как насчёт еды? — спросила Сьюзен.

— Мы обойдёмся яблоками, — сказала Люси. — Давайте поторопимся. Мы здесь уже два дня, а ещё ничего не сделали.

— В любом случае, — добавил Эдмунд, — я больше не разрешу превращать мою шляпу в корзинку для рыбы.

Они набрали в куртки побольше яблок, затем как следует напились из колодца (зная, что им негде будет взять пресной воды, пока они не высадятся на берегу залива) и отправились к лодке. Детям жалко было покидать Кэр-Параваль, который, даже в руинах, снова начал казаться родным домом.

— Д.М.Д. лучше быть рулевым, — сказал Питер. — Эд и я возьмём по веслу. Хотя минуточку.

Давайте снимем кольчуги: мы испечёмся, пока будем на месте. Девочки сядут на носу и будут показывать направление Д.М.Д., потому что он не знает пути. Стоит выйти подальше в море, пока будем обходить остров.

Вскоре зелёный лесистый берег острова отдалился, его бухточки и выступы начали сливаться, лодка поднималась и опускалась на маленьких волнах. Море вокруг ширилось, голубое вдали, зелёное и пенистое вокруг лодки. Пахло солью, не было слышно иных звуков, кроме шипенья воды, ударов волны о борт и скрипа уключин. Солнце начало припекать. Люси и Сьюзен блаженствовали на носу, перегибаясь через край и стараясь окунуть руки в море, до которого никак нельзя было дотянуться. Дно, почти всё чистое, светло-песчаное с редкими пятнами пурпурных водорослей, было им видно.

— Как в старые времена, — проговорила Люси. — Помнишь наше путешествие в Теревинфию, и в Гальму, к Семи Островам, и к Одиноким Островам?

— Да, — отвечала Сьюзен, — и наш огромный корабль «Блистательный» с лебединой шеей и резными лебедиными крыльями почти до середины палубы…

— И шёлковые паруса, и большие кормовые фонари…

— И пиры на корме, и музыкантов.

— Помнишь, как флейтисты играли, взобравшись на ванты, и казалось, что музыка звучит с небес?

Тут Сьюзен забрала у Эдмунда весло, и он пересел к Люси. Они уже обошли остров и приближались к берегу — лесистому и пустынному. Они сочли бы его вполне живописным, если бы не помнили, каким он был в прежние времена — открытым, оживлённым, полным весёлых друзей.

— Ф-фу! Здорово нудная работёнка, — сказал Питер.

— Можно я немного погребу? — спросила Люси.

— Вёсла для тебя велики, — отрезал Питер, и не потому, что сердился, а потому, что у него не осталось сил на разговоры.

Глава девятая
Что видела Люси

Сьюзен и мальчики страшно устали ещё до того, как обогнули последний мыс и двинулись через залив.

От долгих часов на солнце и блеска воды у Люси тоже разболелась голова. Даже Трам мечтал, чтобы путешествие скорее кончилось. Скамейка у руля, на которой он сидел, была рассчитана на человека, а не на гнома, и ноги его не доставали дна, а всякий знает, что так непросто высидеть

и десять минут. Чем больше они уставали, тем больше падали духом. До сих пор дети думали лишь о том, как добраться до Каспиана. Теперь их тревожило, что делать после и каким образом горстка гномов и лесных тварей сможет разбить армию взрослых людей.

Сумерки наступили, когда они медленно проходили на вёслах излучину Зеркального залива. Темнота сгущалась по мере того, как берега смыкались и нависающие деревья уже соприкасались вершинами. Стало совсем тихо, как только шум моря затих вдали; можно было слышать даже журчание крошечных ручейков, сбегавших сквозь лес в залив. Наконец высадились на берег, слишком усталые, чтобы возиться с костром; даже яблоки (на которые, чувствовали дети, им уже никогда не захочется даже глядеть) казались лучше, чем мысль отправиться на охоту или рыбалку. Перекусив немного в молчании, они повалились на мох и сухие листья между четырьмя огромными буками.

Все, кроме Люси, немедленно заснули. Люси, не такая усталая, никак не могла устроиться удобно. Кроме того, она успела забыть, что все гномы храпят. Она знала, что лучшее средство от бессонницы — прекратить попытки заснуть, так что

открыла глаза. Сквозь просветы в папоротниках и ветвях она могла видеть только воду залива и небо над ним. Затем, с трепетом воспоминания, она вновь, после стольких лет, увидела, как загорелись звёзды Нарнии. Когда-то она знала их лучше, чем звёзды своего мира, потому что в бытность королевой Нарнии ложилась спать гораздо позже, чем английская девочка. И вот наконец они — три летних созвездия, видимых оттуда, где она лежала: Корабль, Молот и Леопард. «Милый старый Леопард», — радостно шепнула она.

Вместо того чтобы нагнать на себя дремоту, она совсем проснулась — но пробуждение это было странное, похожее на сон. Залив блестел ярче. Люси понимала, что он освещён луной, хотя саму луну и не видела. И она начинала чувствовать, что весь лес тоже просыпается. С трудом сознавая, что делает, девочка встала и немного отошла от бивуака.

— Какая прелесть! — сказала она себе. Было прохладно и свежо; отовсюду доносились чудесные запахи. Где-то совсем близко послышалась трель: соловей запел, умолк и начал снова. Впереди было чуть светлее. Она пошла на свет и вышла туда, где было меньше деревьев, но лунный свет так мешался с тенями, что трудно было разобрать,

где тут что. В тот же миг соловей, нашедший наконец верный тон, распелся во всю силу.

Глаза Люси начали привыкать к свету, и она отчетливее увидела ближайшие деревья. С великой тоской и любовью вспомнились ей старые времена, когда деревья в Нарнии умели говорить. Она совершенно точно знала, как заговорило бы любое из этих деревьев, если бы только их удалось разбудить, и на какого человека бы походило. Она посмотрела на серебряную берёзу — у той был слабый, струящийся голос, она походила на стройную девушку с волосами, свисающими на лицо, и обожала танцы. Она посмотрела на дуб: он был мудрым, но добрым стариком с кудрявой бородой, с бородавками на лице и руках, с растущими из бородавок волосами. Она посмотрела на бук, под которым стояла. Ах! Он был лучше всех — грациозное юное божество, спокойный и величавый лесной принц.

— О деревья, деревья, деревья, — сказала Люси (хотя вовсе не собиралась говорить). — О деревья, проснитесь, проснитесь, проснитесь. Разве вы не помните то время? Разве вы не помните меня? Дриады и гамадриады, выходите, идите ко мне.

Хотя не было ни ветерка, деревья вокруг заколыхались. Шелест листьев был почти как слова. Соловей перестал петь, как бы тоже прислушиваясь. Люси показалось: вот ещё миг, и она поймёт, что пытаются сказать деревья. Но миг этот так и не наступил. Шелест замер. Соловей возобновил песню. Даже в лунном сиянии лес

выглядел теперь вполне обычным. И всё же у Люси осталось впечатление (какое бывает, когда пытаешься вспомнить имя или число и уже почти вспомнишь, но оно все-таки ускользнёт из памяти), будто она что-то упустила: словно она заговорила с деревьями на долю секунды раньше или на долю секунды позже, чем нужно, или сказала все нужные слова, кроме одного, или сказала лишнее слово.

Неожиданно она почувствовала себя страшно усталой. Она вернулась на бивуак, втиснулась между Сьюзен и Питером и через несколько минут уже спала.

Безрадостным и холодным было их пробуждение на следующее утро в сером полумраке леса (солнце ещё не взошло), в сырости и грязи.

— Яблоки, хей-хо, — произнёс Трам с печальной гримасой. — Должен сказать, что вы, древние короли и королевы, не перекармливаете своих придворных!

Они встали, дрожа и оглядываясь. Деревья росли густо, дальше чем на несколько ярдов в любую сторону ничего было не разглядеть.

— Я полагаю, ваши величества хорошо знают дорогу? — спросил гном.

— Я-то нет, — отвечала Сьюзен. — В жизни не

видела этих лесов. На самом деле я с самого начала считала, что нужно идти вдоль реки.

— Тогда, я думаю, ты должна была сказать это вовремя, — с простительной резкостью отвечал Питер.

— Да не обращай ты на неё внимания, — сказал Эдмунд. — Она вечно ноет. Ты захватил свой карманный компас? Ну, тогда всё в полном порядке. Нужно только держаться на северо-запад, перейти эту речушку — как её там? — да, Стремнинку…

— Помню, — сказал Питер, — это та, которая впадает в большую реку возле бродов у Беруны, или моста у Беруны, как говорит Д.М.Д.

— Точно. Через неё и прямиком в гору, и мы будем у Каменного Стола (я имею в виду холм Аслана) в восемь или девять часов. Надеюсь, король Каспиан угостит нас хорошим завтраком!

— Хорошо, если ты прав, — заметила Сьюзен. — Я ничего такого не помню.

— Беда всех девчонок, — сказал Эдмунд Питеру и гному, — что они никогда не могут удержать в голове карту.

— Это потому, что у нас головы не пустые, — отозвалась Люси.

Сначала всё, казалось, шло хорошо. Они да-

же как будто нашли старую тропинку, но если вы что-то знаете о лесах, вам известно, что там всегда оказываются воображаемые дороги. Они исчезают минут через пять, и тогда вам кажется, что вы нашли другую тропу (но вы надеетесь, что это не другая, а продолжение той же самой), и она тоже теряется, а когда вы уже здорово сбились с нужного направления, вы понимаете, что ни одна из них не была тропой. Мальчики и гном, впрочем, были привычны к лесам и если порой обманывались, то через секунду видели свою ошибку.

Они брели около получаса (у троих из них все мышцы ныли после вчерашней гребли), когда Трам внезапно шепнул: «Стой». Все остановились. «Кто-то преследует нас, — сказал гном вполголоса. — Вернее, крадётся за нами: вон там, слева». Они стояли, вглядываясь и вслушиваясь, пока глаза и уши не заболели. «Нам с вами надо бы приготовить луки и стрелы», — сказала Сьюзен Траму. Тот кивнул, и когда оба лука были готовы, отряд снова двинулся вперёд.

Они прошли несколько десятков ярдов сквозь прелестный светлый лесок, старательно оглядываясь вокруг. Дальше начиналась чаща, подлесок сгущался. Как только они её прошли, что-то за-

рычало среди кустов и выскочило, как молния, ломая по пути ветки. Люси толкнули и сбили с ног; падая, она услышала звон тетивы. Когда она пришла в себя, то увидела большого, страшного серого медведя, лежащего мёртвым со стрелой Трама в боку.

— Д.М.Д. победил тебя в этом состязании, Сью, — сказал Питер, улыбаясь через силу. Даже он был потрясён.

— Я… я выстрелила слишком поздно, — с трудом выговорила Сьюзен. — Я так боялась, что это, может быть, ну, понимаете… кто-то из наших друзей-медведей, говорящий медведь. — Она очень не любила убивать.

— В этом и беда, — сказал Трам. — Большинство зверей стали враждебными и бессловесными, но и те, другие, тоже остались. Никогда не знаешь, а ждать и разглядывать — некогда.

— Бедный старый мишка, — сказала Сьюзен. — Вы не думаете, что он был?..

— Не думаю, — отвечал гном. — Я видел морду и слышал рычание. Он хотел только Маленькую Девочку на завтрак. И раз уж речь зашла о завтраке, я не хотел огорчать ваши величества, когда вы мечтали, что король Каспиан угостит вас хорошенько, но мясо в лагере — большая

редкость. А медвежатина — отличная еда. Жалко бросать тушу, не отрезав кусочка, и займёт это не более получаса. Надеюсь, вы, ребятки — я хотел сказать, короли, — умеете свежевать медведя?

— Пойдём сядем где-нибудь подальше, — сказала Сьюзен Люси. — Я знаю, что это за противная грязная работа.

Люси передёрнуло, и она кивнула. Когда они сели, Люси сказала:

— Знаешь, Сью, какая ужасная мысль пришла мне сейчас в голову…

— Какая?

— Представляешь, как было бы ужасно, если бы в один прекрасный день в нашем собственном мире, дома, люди начали бы становиться дикими внутри, как здесь звери, а выглядели бы ещё как люди, и невозможно было бы отличить, кто из них кто?

— Нам сейчас хватает хлопот здесь, в Нарнии, — отвечала практичная Сьюзен, — так что нечего выдумывать всякую ерунду.

Когда они вернулись к мальчикам и гномам, те уже срезали лучшие куски мяса, сколько можно унести. Конечно, мало удовольствия класть сырое мясо в карман, но они старательно завернули его в свежие листья. Все на собственном

опыте знали, что совсем иначе посмотрят на эти неаппетитные куски, когда пройдут побольше и по-настоящему проголодаются.

Они снова тронулись в путь. У первого же ручья мальчики и гном остановились помыть руки, дальше шагали без остановки. Солнце поднялось, птицы запели, мухи (больше, чем хотелось бы) зажужжали в чаще. Ломота после вчерашней гребли начала проходить. Все воспрянули духом. Солнце стало припекать, они сняли шлемы и теперь несли их в руках.

— Надеюсь, мы идём правильно? — спросил Эдмунд часом позже.

— Не представляю, как мы могли бы идти неправильно. Главное, не забирать влево, — сказал Питер. — Если мы слишком забрали вправо, то, в худшем случае, потеряем немного времени — выйдем к Великой реке слишком рано и не срежем угол.

И они пошли дальше без единого звука, не считая топота ног и звона кольчуг.

— Куда она делась, эта треклятая Стремнинка? — спросил Эдмунд порядочно времени спустя.

— Я и сам думаю, что пора уж на неё наткнуться, — сказал Питер. — Но нам ничего не остаётся,

кроме как продолжать путь.

Оба чувствовали на себе встревоженный взгляд гнома, однако их спутник ничего не сказал.

И они потащились дальше. Кольчуги разогрелись на солнце и всё тяжелее давили на плечи.

— А это ещё что? — сказал вдруг Питер.

Сами того не заметив, они оказались почти на краю невысокого обрыва. Заглянув вниз, ребята и гном увидели ущелье и речку на дне. На другой стороне обрыв был гораздо выше. Из всего отряда никто, кроме Эдмунда (и, возможно, Трама), не умел лазить по скалам.

— Простите, — сказал Питер. — Это я вас сюда завёл. Мы заблудились. Я вижу это место впервые в жизни.

Гном присвистнул сквозь зубы.

— Давайте скорее вернёмся и пойдём другим путем, — сказала Сьюзен. — Я с самого начала знала, что в этих лесах мы потеряемся.

— Сьюзен! — укоризненно воскликнула Люси. — Не придирайся к Питеру. Это гадко, ведь он сделал всё, что мог.

— А ты тоже не одергивай Сьюзен, — сказал Эдмунд. — Я лично думаю, она совершенно права.

— Чашки-черепашки! — воскликнул Трам. — Коли мы заплутали по дороге сюда, какой у нас

шанс не сбиться на обратном пути? А насчёт того, чтобы вернуться к острову (если это удастся) и начать всё сначала, с тем же успехом можно сразу отказаться от мысли помочь нашим. Мираз покончит с Каспианом, покуда мы будем таскаться туда-обратно.

— Думаете, надо идти вперёд? — спросила Люси.

— Я не уверен, что Верховный Король сбился с пути, — сказал гном. — Почему бы этой речушке не быть той самой Стремнинкой?

— Потому что Стремнинка течёт не в ущелье, — отвечал Питер, с трудом сдерживая раздражение.

— Ваше величество сказали «течёт», — возразил гном, — но не правильнее ли сказать «текла»? Вы знали эту страну сотни, может быть, тысячу лет назад. Разве она не могла измениться? Обвал мог снести половину того холма, обнажив голые скалы, и вот вам утёсы по ту сторону ущелья. Затем Стремнинка могла год за годом углублять русло, пока не получился уступ с нашей стороны. Или здесь могло случиться землетрясение, или ещё что-нибудь.

— Я об этом не подумал, — признался Питер.

— Во всяком случае, — продолжал Трам, — даже

если это не Стремнинка, она течёт примерно на север и там, так или иначе, должна впадать в Великую реку. Возможно, ниже, чем мы надеялись, но всё равно это не хуже, чем если бы мы шли моим путём.

— Трам, ты молоток, — сказал Питер. — Тогда пошли. Вдоль этого берега ущелья.

— Смотрите! Смотрите! — закричала Люси.

— Где? Что? — зашумели все остальные.

— Лев, — сказала Люси. — Сам Аслан. Разве вы не видите?

Ее лицо совершенно изменилось, глаза сияли.

— Ты что, правда?.. — начал Питер.

— Где, тебе кажется, ты его видела? — спросила Сьюзен.

— Не говори, как взрослые, — сказала Люси, топнув ногой. — Мне не кажется, что я его видела. Я видела его.

— Где, Лу? — спросил Питер.

— Прямо между теми рябинами. Нет, по эту сторону ущелья. И выше, не вниз, как раз в обратную сторону, чем вы хотите идти. Он хотел, чтобы мы шли туда, где он был, — вверх.

— Откуда ты знаешь, что он этого хотел? — спросил Эдмунд.

— Он… я… я… просто знаю, — сказала Люси. —

По его лицу.

Все остальные переглядывались в недоумённом молчании.

— Её величество вполне могли видеть льва, — вставил Трам. — Мне говорили, в этих лесах они водятся. Однако он может быть таким же диким и бессловесным, как тот медведь.

— Ой, не будьте таким глупым! — воскликнула Люси. — Вы думаете, я не узнаю Аслана?

— Если он из ваших прежних знакомцев, то должен быть весьма престарелым львом, — заметил Трам. — А если он и тот самый, что помешало ему одичать вместе с другими?

Люси густо покраснела и, думаю, бросилась бы на Трама, если бы Питер не удержал её за руку.

— Д.М.Д. не понимает. Да и откуда ему? Ты должен усвоить, Трам, что мы действительно кое-что знаем об Аслане, пусть даже самую малость. И ты не должен больше так говорить о нём. Во-первых, это не доведёт до добра, во-вторых, всё равно окажется глупостью. Единственный вопрос: действительно ли Аслан был здесь?

— Я знаю, что был, — сказала Люси, и глаза её наполнились слезами.

— Да, Лу, но мы-то не знаем, сама понимаешь, — отвечал Питер.

— Ничего не остаётся, кроме голосования, — промолвил Эдмунд.

— Отлично, — ответил Питер. — Вы — старший из нас, Д.М.Д. За что вы голосуете? Вверх или вниз?

— Вниз, — сказал гном. — Я ничего не знаю об Аслане, но я знаю — если мы повернём вверх и пойдём по ущелью, то можем идти весь день, прежде чем найдём, где через него перебраться. Если же мы повернём вправо и пойдём вниз, то через пару часов будем у Великой реки. И если здесь и впрямь где-то есть львы, надо уходить от них, а не идти к ним.

— Что ты скажешь, Сьюзен?

— Не сердись, Лу, — проговорила Сьюзен, — но, я думаю, надо идти вниз. Я устала до смерти. И никто из нас, кроме тебя, ровным счётом ничего не видел.

— Эдмунд? — спросил Питер.

— Ну вот что, — произнёс Эдмунд торопливо и слегка краснея. — Когда мы впервые открыли Нарнию год назад — или тысячу лет назад, неважно, — ведь это Люси открыла ее первая и никто из нас ей не поверил. Знаю, я был хуже всех. И все-таки она оказалась права. Не лучше ли на этот раз ей поверить? Я за то, чтобы идти вверх.

— Ой, Эд! — воскликнула Люси и схватила его за руку.

— Теперь твоя очередь, Питер, — сказала Сьюзен, — и, надеюсь…

— Ой, молчи, молчи, дай мне подумать, — перебил Питер. — Я предпочёл бы не голосовать.

— Вы — Верховный Король, — строго сказал Трам.

— Вниз, — произнес Питер после долгого молчания. — Я знаю, может быть, Люси потом окажется права, но я ничего не могу поделать. Мы должны выбрать что-то одно.

И они двинулись вдоль обрыва направо, вниз по течению. Люси шла последней, горько плача.

Глава десятая
Возвращение Льва

Держаться края ущелья оказалось не так просто, как представлялось. Не пройдя и нескольких ярдов, они наткнулись на молодой ельник, растущий на самом краю обрыва. Минут десять они продирались через него, то и дело застревая, потом поняли, что так на каждые полмили потребуется час. Тогда они вернулись и пошли в обход. Это увело их куда дальше, чем хотелось бы, они потеряли из виду обрыв и уже не слышали шума бегущей воды, так что даже испугались, что не смогут снова отыскать речку. Никто не знал,

который час, но приближалось самое жаркое время дня.

Когда они выбрались-таки к ущелью (почти в миле от того места, с которого начали обходить ельник), то обнаружили, что на их стороне обрыв стал гораздо ниже и не такой отвесный. Вскоре им удалось спуститься и продолжить путь вдоль самой реки. Впрочем, сначала они отдыхали и долго пили. Никто уже не говорил о завтраке или даже обеде с Каспианом.

Наверное, это было разумно — идти вдоль реки, а не над обрывом. По крайней мере, они не сомневались, что идут в нужную сторону. Особенно после ельника все боялись слишком сильно сбиться с курса и потеряться в лесу: лес был старый, непроходимый, в нем невозможно было придерживаться сколько-нибудь прямого пути. Непролазные заросли ежевики, поваленные деревья и густой подлесок то и дело преграждали дорогу. Однако по ущелью Стремнинки идти было тоже не сахар. Я хочу сказать, это было не лучшее место, когда торопишься. Для вечерней прогулки с пикником оно бы подошло как нельзя лучше. Здесь было всё, что можно пожелать для такого случая: гремящие водопады, серебряные каскады, янтарного цвета заводи, замшелые камни и глу-

бокий мох на берегах, в котором можно утонуть по щиколотку, всевозможные папоротники, стрекозы, сверкающие, как самоцветы, иногда ястреб над головой и однажды (как показалось Питеру и Траму) орёл. Но, конечно, что дети и гном желали увидеть как можно скорее, так это Великую реку внизу, Беруну, и путь к холму Аслана.

С каждым шагом русло Стремнинки становилось круче и круче. Путешествие всё больше превращалось в альпинистский поход, причём

лезть приходилось по скользким камням, неприятно нависшим над тёмной бездной, в которой сердито ревела река.

Можете не сомневаться, что они внимательно разглядывали противоположный обрыв, ища трещину или чуть более пологое место, по которому можно было бы выбраться наверх, но тот берег оставался недоступным. Их это выводило из себя, потому что все знали — стоит выбраться на ту сторону, перед ними окажется ровный склон и короткий прямой путь до штаб-квартиры Каспиана.

Мальчики и гном теперь склонялись к тому, чтобы развести костёр и приготовить медвежатину. Сьюзен хотела только, как она выразилась, «идти дальше и выбраться поскорее из этого ужасного леса». Люси была такая усталая и несчастная, что ей было всё равно. Однако, поскольку нигде не было сухих дров, не имело значения, кто что думает. Мальчики начали сомневаться, действительно ли сырое мясо такое противное, как им всегда говорили, но Трам заверил, что лучше не пробовать.

Конечно, если бы дети предприняли подобный поход несколько дней назад в Англии, они бы давно свалились. Кажется, я уже объяснял, как

действовала на них Нарния. Даже Люси была теперь, так сказать, лишь на треть маленькой девочкой, впервые едущей в школу, а на две трети — королевой Люси Нарнийской.

— Наконец-то! — воскликнула Сьюзен.

— Ур-р-ра! — закричал Питер.

Речное ущелье вдруг повернуло, и широкая панорама открылась перед ними. Впереди до самого горизонта лежала ровная местность, а на ней — широкая серебряная лента Великой реки. Видели они и особенно широкое, мелководное место, бывшее когда-то бродом у Беруны, а теперь перехваченное длинным многоарочным мостом. На дальнем берегу виднелся городок.

— Чтоб мне! — вскричал Эдмунд. — Мы выиграли битву при Беруне как раз там, где сейчас город!

Мальчики сразу приободрились. Нельзя не почувствовать себя сильным, когда смотришь на место, где одержал славную победу и получил королевство сотни лет назад. Питер и Эдмунд вскоре так увлеклись воспоминаниями о битве, что забыли про стёртые ноги и тяжёлое бремя кольчуг на своих плечах. Гном тоже заинтересовался.

Они все теперь перешли на скорый шаг. Идти становилось легче. Хотя слева всё ещё тянулись отвесные скалы, справа склон понижался. Вскоре это было уже не ущелье, а только долина. Водопады исчезли, и дети снова оказались в довольно густом лесу.

Затем — одновременно — раздалось «вз-з-з» и звук, похожий на дробь дятла. Дети ещё недоумевали, где (века назад) слышали эти звуки и почему они им так не нравятся, когда Трам крикнул: «Ложись!» — и бросил Люси (которая была к нему ближе всех) ничком в заросли. Питер, оглянувшийся посмотреть, не белка ли это, понял, наконец, в чём дело, — страшная длинная стрела впилась в ствол дерева прямо над его головой. Он швырнул Сьюзен на землю и упал сам. В следующий миг вторая стрела пролетела над его плечом.

— Быстро! Быстро! Назад! Ползком! — прохрипел Трам.

Они повернулись и поползли, извиваясь, вверх по склону, под прикрытием чащи, окружённые роем противно жужжащих мух. Стрелы свистели вокруг. Одна с резким стуком ударила в шлем Сьюзен и отскочила. Они поползли быстрей. Пот лил ручьями. Потом они вскочили и побежали, согнувшись почти вдвое. Мечи мальчики держали в руках, потому что боялись о них споткнуться.

Это было ужасно тяжело — всё время вверх, обратно тем же путем, которым они уже шли. Когда все почувствовали, что не могут дальше

бежать, даже ради спасения собственной жизни, то бросились в сырой мох у водопада за большим валуном, тяжело дыша. С удивлением они увидели, как далеко забрались.

Они напряжённо вслушивались, но шума погони не услышали.

— И то хорошо, — сказал Трам, испуская глубокий вздох. — Они не обшаривают лес. Просто дозорные, я полагаю. Но это значит, что Мираз держит здесь сторожевой пост. Фляжки-коряжки! Чуть не попались.

— Я готов себе голову оторвать за то, что повёл вас этим путем, — сказал Питер.

— Напротив, — возразил гном, — во-первых, это не вы, а ваш царственный брат, король Эдмунд, первый посоветовал двинуться через Зеркальный залив.

— Боюсь, Д.М.Д. прав, — согласился Эдмунд, который совершенно искренне об этом забыл с тех пор, как события приняли неудачный оборот.

— С другой стороны, — продолжал Трам, — если бы мы пошли моим путем, то точно так же вышли бы на этот новый аванпост или, наконец, обходили бы его с таким же трудом. Думаю, этот маршрут через Зеркальный залив обернулся к лучшему.

— Нет худа без добра, — сказала Сьюзен.

— Пока одно худо, — отвечал Эдмунд.

— Я думаю, нам надо снова идти по самому ущелью, — сказала Люси.

— Лу, ты героиня, — произнес Питер, — ты имеешь право сказать «я же вам говорила». Пошли.

— А как только мы зайдём достаточно глубоко в лес, — добавил Трам, — что бы кто ни говорил, я разведу костёр и приготовлю ужин. Однако сначала нужно убраться отсюда подальше.

Не нужно описывать, как они потащились обратно по ущелью. Это было очень тяжело, но, как ни странно, ребята чувствовали себя бодрее. Пришло второе дыхание, а слово «ужин» всех окрылило.

Они ещё засветло добрались до ельника, доставившего им столько трудностей, и расположились в соседней лощине. Утомительно было собирать хворост, но все расслабились, когда загорелся костер и они стали готовить куски медвежатины, которые показались бы неприглядными всякому, кто провёл день в городской квартире. Гном готовил великолепно. Каждое яблоко (у них еще оставалось несколько штук) заворачивали в ломоть медвежатины — как обмазывают яблоки тестом, только толще, — надевали на палочку

и жарили. Сок от яблока пропитывал мясо, как яблочный соус — жареную свинину. У медведя, что питается живностью, мясо не очень вкусное, другое дело медведи, которые предпочитают фрукты и мёд, — этот оказался именно таким. Ужин был поистине великолепен. И, разумеется, посуду мыть не пришлось — все просто лежали на спине, глядя на дым из трубки Трама, вытянув ноги и беседуя. Они почти не сомневались, что найдут короля Каспиана завтра и разобьют Мираза в несколько дней. Может быть, для этой уверенности не было никаких оснований, но так им тогда казалось.

Они заснули один за другим, но все очень быстро.

Люси пробудилась от самого глубокого сна, какой только можно себе представить, с ощущением, что голос, который она любит больше всего в мире, позвал её по имени. Сначала она подумала, что это был голос отца, потом поняла, что нет. Тогда она подумала, что голос принадлежал Питеру, но решила, что нет, и не ему. Вставать не хотелось — не потому, что она чувствовала себя усталой, наоборот, она удивительно отдохнула, всё, что болело, прошло, но потому, что ей было так необычайно хорошо и уютно. Они распо-

ложились на относительно открытом месте, и Люси видела прямо над собой нарнийскую луну, которая больше нашей, и звёздное небо.

— Люси, — снова послышался зов, но голос был не отца и не Питера. Она села, дрожа от радости, а не от страха. Луна так сияла, что лес вокруг был виден почти как днём, хотя казался ещё более диким. Позади неё был ельник, дальше вправо выступали вершины скал на той стороне ущелья, прямо перед ней лежала открытая поляна, за которой на расстоянии полёта стрелы росли деревья. Люси изо всех сил вглядывалась в них.

— Я уверена, что они шевелятся, — сказала она себе. — Они почти идут.

Она встала, чувствуя, как сильно колотится сердце, и пошла к ним. На опушке действительно стоял шум, как от сильного ветра, хотя ветра в ту ночь не было. И всё же шум был не совсем обычный. Люси ощущала мелодию, но не могла её уловить, как не могла понять слова, которыми деревья едва не заговорили с ней прошлой ночью. Во всяком случае, она различала ритм и, подойдя, почувствовала, что ноги её просятся танцевать. Теперь не было сомнений, что деревья действительно движутся — сходятся и снова расходятся, как в сложных фигурах сельского танца.

(«Конечно, — подумала Люси, — когда деревья танцуют, это должен быть очень, очень сельский танец».) Она была среди них.

Первое дерево, на которое она взглянула, показалось ей вовсе не деревом, а огромным человеком с косматой бородой и целой копной волос. Она не испугалась: такое она видела и раньше. Когда же она взглянула ещё раз, человек снова стал деревом, хотя по-прежнему двигался. Вы, конечно, не увидели бы, где у него ноги или корни, ведь деревья, когда движутся, не выходят из земли; они продвигаются в ней, как мы в воде. То же самое происходило с каждым деревом, на которое она смотрела. В один миг они были дружелюбными, милыми великанами и великаншами, в которые превращается древесный народ, когда добрая магия призывает его к жизни, в следующий — вновь казались деревьями. Но даже когда они казались деревьями, это были странные, человечные деревья, а когда людьми, это были странные ветвистые и лиственные люди, и всё время слышался тот же странный, ритмичный, шелестящий, свежий, весёлый шум.

— Они почти совсем проснулись, — сказала Люси. Она знала, что сама проснулась вполне, полнее, чем обычно бывает.

Она бесстрашно шла между ними, пританцовывая и поминутно уступая дорогу исполинским партнёрам. Но это лишь наполовину занимало её. Она стремилась дальше, туда, откуда позвал её дорогой голос.

Вскоре Люси миновала деревья (так и не решив, что же она делает — разводит руками ветки или в большом хороводе держится за руки, которые, протягивают ей, наклоняясь, огромные танцоры) и за их кольцом действительно обнаружила большую открытую поляну. Она остановилась посредине прелестного, волнующего смешения света и тени.

Круг травы, гладкий, словно садовая лужайка, предстал её глазам, окружённый танцующими деревьями. И вот — о радость! Здесь был он: огромный Лев, сияющий белизной в лунном свете и отбрасывающий огромную тень.

Если бы не движения хвоста, его можно было бы принять за каменное изваяние, но Люси и на секунду такого не подумала. Она не раздумывала, дружелюбный это лев или дикий. Она бросилась к нему, чувствуя, что сердце ее разобьётся, если она промедлит. Потом она почувствовала, что целует его, пытаясь, насколько может, обхватить его шею, зарывает лицо в шелковистое велико-

лепие гривы.

— Аслан, Аслан, дорогой Аслан, — всхлипывала Люси. — Наконец-то.

Огромный зверь перекатился набок, так что

Люси оказалась — полусидя, полулежа — между его передними лапами. Он наклонился и чуть коснулся языком её носа. Она смотрела, не отрываясь, в его большое и мудрое лицо.

— Добро пожаловать, дитя, — сказал он.

— Аслан, — проговорила Люси, — а ты стал больше.

— Это потому, что ты становишься старше, малютка, — ответил он.

— А не потому, что ты?

— Я — нет. Но с каждым годом, подрастая, ты будешь видеть меня всё больше.

Она была так счастлива, что не хотела говорить. Но заговорил Аслан:

— Люси, — сказал он, — мы не должны здесь долго лежать. У тебя есть дело, и уже много времени сегодня потеряно.

— Да, разве не обидно? — сказала Люси. — Я ведь ясно тебя видела, а они не поверили. Они такие…

Где-то в глубине огромного львиного тела прокатилось чуть слышное рычание.

— Прости, — сказала Люси, поняв, отчего он сердится. — Я не собиралась наговаривать на других. Но ведь я всё равно не виновата, правда?

Лев посмотрел ей прямо в глаза.

— Ах, Аслан, — сказала Люси. — Ты думаешь, я виновата? А что мне оставалось? Я же не могла оставить всех и пойти за тобой одна? Не смотри на меня так… ну да, наверное, могла. Да, и я бы не была одна, если бы была с тобой. Но разве это было бы хорошо?

Аслан не отвечал.

— Значит, — выговорила Люси совсем тихо, — всё оказалось бы хорошо — как-нибудь? Но как? Пожалуйста, Аслан! Мне нельзя знать?

— Знать, что могло бы произойти, дитя? — спросил Аслан. — Нет. Этого никто никогда не узнает.

— Вот жалость, — огорчилась Люси.

— Но каждый может узнать, что произойдёт, — продолжал Аслан. — Если ты сейчас пойдёшь обратно и разбудишь их, и скажешь им, что снова видела меня, что вы должны все сейчас же встать и следовать за мной, — что тогда произойдёт? Есть только один способ узнать.

— Значит, ты хочешь, чтобы я это сделала? — прошептала Люси.

— Да, малютка, — сказал Аслан.

— Другие тебя тоже увидят? — спросила Люси.

— Поначалу определённо нет, — сказал Аслан. — Позже, смотря по обстоятельствам.

— Но они же мне не поверят! — воскликнула

Люси.

— Это не важно, — отвечал Аслан.

— Ой-ой, — запричитала Люси. — А я так радовалась, что тебя нашла. Я думала, ты позволишь мне остаться. Думала, ты зарычишь, и все враги ужаснутся — как раньше. А теперь всё так страшно.

— Тебе трудно понять, малютка, — сказал Аслан, — но ничто никогда не происходит так, как уже было.

Люси зарылась головой в его гриву, чтобы избежать взгляда. Однако было что-то магическое в его гриве. Она почувствовала, как в неё вливается львиная сила. Внезапно она поднялась.

— Прости, Аслан, — сказала она. — Теперь я готова.

— Ты львица теперь, — сказал Аслан. — И теперь вся Нарния восстанет обновлённой. Ну, иди. У нас нет больше времени.

Он встал и величаво, бесшумно вступил в круг танцующих деревьев, через которые она только что прошла; Люси шла рядом, положив чуть дрожащую руку на его гриву. Деревья расступались перед ними, на миг принимая человеческий облик. Перед Люси возникали высокие и прекрасные древесные боги и богини, которые кланялись

Льву; в следующую секунду они вновь были деревьями, но продолжали кланяться, так грациозно раскачивая ветви и стволы, что их поклоны тоже были как танец.

— Ну, дитя, — сказал Аслан, когда деревья остались позади, — я подожду здесь. Иди разбуди остальных и скажи, чтобы они шли за мной. Если они не пойдут, тогда ты должна следовать за мною одна.

Это ужасно — будить тех, кто старше тебя и к тому же смертельно устал, чтобы сообщить нечто такое, чему они скорее всего не поверят, и понуждать к тому, чего они, разумеется, не хотят. «Я не должна об этом думать, я должна делать, что сказано», — убеждала себя Люси.

Сначала она подошла к Питеру и встряхнула его.

— Питер, — прошептала она ему в ухо, — проснись. Аслан здесь. Он сказал, что мы должны сейчас же следовать за ним.

— Конечно, Лу. Куда ты хочешь, — неожиданно отвечал Питер.

Это обнадёживало, но, увы, Питер тут же перевернулся на другой бок и опять заснул. Люси попыталась разбудить Сьюзен. Та действительно проснулась, но только для того, чтобы сказать

самым противным, взрослым голосом:

— Тебе всё приснилось, Лу. Ложись и спи.

Она принялась за Эдмунда. Очень трудно было разбудить его, но когда в конце концов удалось, он совсем проснулся и сел.

— А? — сказал он недовольным голосом. — О чём это ты?

Люси все повторила снова. Это было самое трудное, потому что с каждым разом получалось всё менее убедительно.

— Аслан! — воскликнул Эдмунд, вскакивая. — Ура! Где?

Люси обернулась в сторону Льва, который ждал, терпеливо глядя на неё.

— Здесь, — сказала она, указывая.

— Где? — переспросил Эдмунд.

— Здесь же. Вон. Не видишь? Вот с этой стороны дерева.

Эдмунд некоторое время вглядывался изо всех сил и затем сказал:

— Нет там никого. Тебя ослепил и сбил с толку лунный свет. Это бывает, знаешь. Мне тоже сперва что-то показалось. Это только оптическая… как её там…

— Я всё время его вижу, — сказала Люси. — Он смотрит прямо на нас.

— Тогда почему я не могу его видеть?

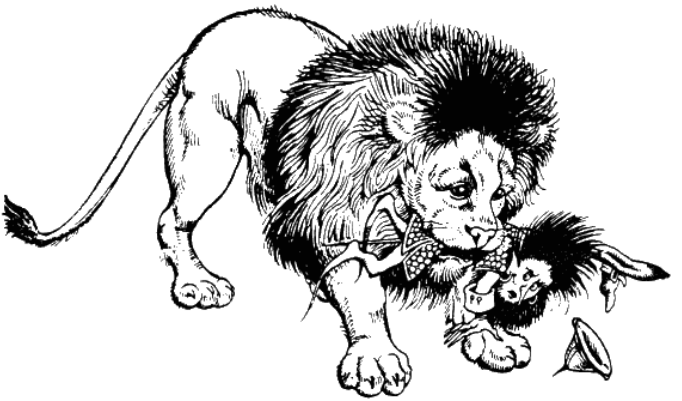
— Он сказал, ты не сможешь.

— Почему?

— Не знаю. Он так сказал.

— Ну ладно, — произнёс Эдмунд. — Мне это всё не нравится, но, наверное, мы должны разбудить остальных.

Глава одиннадцатая
Лев рычит

Когда всех наконец разбудили, Люси пересказала свою историю в четвёртый раз. Полнейшее молчание, которое за этим последовало, казалось, отнимало последнюю надежду.

— Я ничего не вижу, — сказал Питер, до боли напрягая глаза. — А ты, Сьюзен?

— Ну, конечно же нет, — отрезала Сьюзен. — Потому что там нечего видеть. Она грезит. Ложись обратно и давай спать, Люси.

— Я надеюсь, — сказала Люси дрожащим голосом, — что вы все пойдёте со мной. Потому что… потому что я должна идти с ним, даже если никто не пойдёт.

— Не говори глупостей, Люси, — сказала Сьюзен. — Конечно, ты никуда одна не пойдёшь. Не пускай её, Питер. Она нарочно капризничает.

— Если она пойдёт, то я пойду с ней, — сказал Эдмунд. — Тогда, год назад, права была она.

— Да, — согласился Питер. — Может быть, она была права и сегодня утром. Нам, конечно, не стоило идти вниз по ущелью. Только всё-таки — почему посреди ночи? И почему Аслан для нас невидим? Раньше такого не случалось. Это на него не похоже. Что скажет Д.М.Д.?

— О, я-то вовсе ничего не скажу, — отвечал гном. — Если вы идёте, то я, конечно, иду с вами, а если отряд разделится, остаюсь с Верховным Королём. Это мой долг перед ним и королём Каспианом. Однако если вас интересует мое частное мнение, то я обыкновенный гном, который не думает, что есть шанс ночью найти дорогу там, где не нашли её днём. И мне не по душе говорящие львы, которые не говорят, дружелюбные львы, которые не делают нам ничего хорошего, и огромные львы, которых никто не видит. Это всё

стручки и лодочки, насколько я понимаю.

— Он бьёт лапой по земле, потому что сердится на нас, — сказала Люси. — Мы должны идти сейчас же. По крайней мере, я.

— Ты не имеешь права на нас давить. Нас четверо против тебя одной, и ты младше, — сказала Сьюзен.

— Да ладно, пошли, — проворчал Эдмунд. — Идти надо. Не будет покоя, пока не пойдём.

Он готов был во всём поддержать Люси, но злился, потому что не выспался, и оттого на всех дулся.

— Тогда вперёд, — скомандовал Питер, устало продевая руку в ремни щита и надевая шлем. В другое время он сказал бы что-нибудь ласковое Люси, своей любимой сестре, поскольку видел, как она расстроена, и понимал, что её вины здесь нет. И всё равно он поневоле немного на неё досадовал.

Хуже всех была Сьюзен.

— Предположим, я начну вести себя, как Люси, — сказала она. — Я могу заявить, что останусь здесь, что бы ни делали остальные. А вот я так, наверное, и поступлю.

— Повинуйтесь Верховному Королю, ваше величество, — сказал Трам, — и давайте тронемся.

Если мне больше не дают спать, лучше уж идти, чем сидеть здесь и препираться.

Итак, наконец они двинулись. Люси шла первая, кусая губы и стараясь не высказать Сьюзен всё, что о ней думает. Однако она забыла об этом, когда взглянула на Аслана. Он повернулся и шёл, медленно ступая, ярдах в тридцати впереди. Остальные должны были полагаться на указания Люси, потому что Аслан был не только невидим для них, но и неслышим. Его большие кошачьи лапы ступали по траве беззвучно.

Он вёл их прямо к танцующим деревьям (танцуют ли те, еще никто не видел, потому что Люси не отводила глаз от Аслана, а остальные — от Люси) и ближе к краю ущелья. «Мушки-колотушки! — думал Трам. — Даже у сумасшествия должен быть предел. Надеюсь, мы не полезем спускаться при лунном свете, не то не миновать нам сломанных шей!»

Довольно долго Аслан вёл их по верхней кромке обрыва. Затем они дошли до места, где низкие деревья разрослись по самому краю. Он повернулся и исчез. Люси затаила дыхание, потому что это выглядело, как будто он нырнул со скалы, но ей было так важно не упустить его из виду, что некогда было остановиться и подумать. Она уско-

рила шаг и скоро сама оказалась среди деревьев. Заглянув вниз, она различила крутую и узкую тропинку, косо уходившую в ущелье, и Аслана на ней. Он обернулся и посмотрел на Люси радостными глазами. Она захлопала в ладоши и начала спускаться следом. Позади она слышала голоса, кричавшие: «Эй, Люси! Оглянись, ради всего святого. Ты на самом краю обрыва. Вернись!» — а затем, чуть позже, голос Эдмунда: «Нет, она права. Здесь есть спуск».

Посередине тропинки Эдмунд догнал её.

— Посмотри! — сказал он в величайшем волнении. — Посмотри, что это за тень движется перед нами?

— Это *его* тень, — отвечала Люси.

— Я уверен, что ты права, Лу, — произнёс Эдмунд. — Не понимаю, почему я раньше её не видел. Но где же он сам?

— Там же, где его тень. Разве ты не видишь?

— Ну, мне почти кажется, что я вижу — иногда. Свет такой странный.

— Вперёд, король Эдмунд, вперёд, — донесся голос Трама сзади и сверху, а затем, гораздо дальше, с обрыва, голос Питера:

— Ну, смелей, Сьюзен. Дай руку. Здесь и ребёнок спустится. И перестань ворчать.

Через несколько минут они были внизу, и рёв воды оглушил их. Двигаясь осторожно, как кошка, Аслан с камня на камень переходил поток. Посредине он остановился, нагнулся, чтобы напиться, а когда поднял свою огромную голову, стряхивая капли воды, то снова обратил к ним своё лицо. И тогда Эдмунд увидел его.

— О, Аслан! — крикнул он, бросаясь вперёд, но Лев махнул хвостом и начал мягко взбираться на дальний обрыв Стремнинки.

— Питер, Питер, — кричал Эдмунд, — ты видишь?

— Что-то вижу, — отвечал Питер, — но всё так обманчиво в лунном свете. Идём же, и да здравствует Люси. Я теперь почти не чувствую усталости.

Аслан без колебаний вёл их влево, вверх по ущелью. Всё путешествие было странным, как во сне, — ревущий поток, влажные серые травы, мерцающие скалы впереди, и всё время — величественный, неслышно шествующий впереди Зверь. Все, кроме Сьюзен и гнома, теперь видели его.

Вскоре они подошли к другой крутой тропе, на склоне дальнего обрыва. Здесь уступ был гораздо круче, чем тот, по которому они только что

спустились, и подниматься пришлось длинными утомительными зигзагами. К счастью, луна сияла прямо над ущельем, так что оба склона были освещены.

Люси совсем выдохлась, но тут хвост и задние лапы Аслана исчезли за краем обрыва; последним усилием она вскарабкалась следом и, с дрожащими коленями, обессиленная, вышла на холм, к которому они стремились с тех пор, как покинули Зеркальный залив. Длинный пологий склон (вереск, трава и несколько очень больших камней, сияющих в лунном свете) тянулся вверх и скрывался среди мерцающих рощ, в полумиле отсюда. Люси узнала его. Это был холм Каменного Стола.

Звеня кольчугами, все остальные вскарабкались вслед за ней. Аслан плавно скользил впереди, они шли по пятам.

— Люси, — очень тихо сказала Сьюзен.

— Да? — отозвалась Люси.

— Я его теперь вижу. Мне стыдно.

— Это очень хорошо.

— Но всё гораздо хуже, чем ты думаешь. Я же поверила в него вчера. Когда он предупреждал, чтоб мы не шли в ельник. И я поверила в него ночью, когда ты нас будила. Я всё понимала, глу-

боко внутри. Или поняла бы, если бы позволила себе. Но я хотела одного — выбраться из леса и… ой, не знаю. И что же я ему скажу?

— Может быть, говорить особенно и не надо, — задумчиво ответила Люси.

Вскоре они достигли деревьев, и сквозь них дети увидели Великий Курган, Холм Аслана, воздвигнутый вокруг Стола, когда их уже не было в Нарнии.

— Наша сторона не очень-то хорошо несёт дозор, — прошептал Трам. — Нас должны были заметить раньше…

— Ш-ш-ш! — сказали остальные четверо, потому что Аслан остановился, обернулся и стоял лицом к ним, глядя столь величаво, что они радовались, насколько может радоваться тот, кто очень напуган, и боялись, как может бояться тот, кто очень обрадован. Мальчики шагнули вперёд, Люси за ними, Сьюзен и гном отпрянули.

— О Аслан! — воскликнул король Питер, опускаясь на одно колено и поднимая тяжёлую лапу Льва к своему лицу. — Я так рад. Я так виноват. Я вёл их не туда с самого начала, и особенно вчера утром.

— Мой дорогой сын, — сказал Аслан.

Затем он повернулся и приветствовал Эдмун-

да.

— Молодец, — вот что он сказал.

Потом, помолчав, произнёс глубоким и низким голосом:

— Сьюзен.

Сьюзен не ответила, но похоже было, что она плачет.

— Ты слушалась страхов, дитя, — произнёс Аслан. — Подойди, дай мне дохнуть на тебя. Забудь обо всём. Стала ли ты снова храброй?

— Немножко, Аслан, — отвечала Сьюзен.

— А теперь! — произнес Аслан гораздо громче, и в голосе его слышалось рычание, и хвост хлестал по бокам. — А теперь, где этот маленький гном, этот прославленный меченосец и лучник, который не верит во львов? Поди сюда, сын Земли, поди СЮДА! — в последних словах был уже не отзвук рычания, а самый настоящий рык.

— Видения и наводнения! — почти без голоса простонал Трам. Дети, которые знали Аслана и видели, что гном ему нравится, не тревожились, иное дело Трам, никогда не видевший львов, тем более — Льва. Однако он сделал единственную разумную вещь — вместо того чтобы кинуться наутёк, неверным шагом двинулся к Аслану.

Аслан бросился на него. Вы когда-нибудь ви-

дели, как мама-кошка держит в зубах своего маленького котёнка? Это было что-то вроде этого. Гном, сжавшийся в жалкий комочек, свисал изо рта у Аслана. Аслан встряхнул его, кольчуга задребезжала, как связка ключей, а затем — аллё-гоп! — гном взлетел в воздух. Он был в такой же безопасности, как в собственной постели, но он-то этого не знал. Огромные бархатные лапы подхватили его нежно, как материнские руки, и поставили на землю.

— Сын Земли, будем ли мы друзьями? — спросил Аслан.

— Д-д-да, — прохрипел гном, все ещё не в силах отдышаться.

— Ну вот, — сказал Аслан. — Луна заходит. Обернитесь: брезжит рассвет. Мы не можем терять времени. Вы трое, сыны Адама и сын Земли, ступайте в Курган и разберитесь с тем, что там обнаружите.

Гном всё ещё не обрёл голоса, а мальчики не осмелились попросить Аслана пойти с ними. Все трое выхватили мечи, отсалютовали, затем повернулись и, звеня, ушли во мрак. Люси не заметила в их лицах и тени слабости, оба — и Верховный Король, и король Эдмунд — казались скорее мужчинами, чем мальчиками.

Девочки, стоя подле Аслана, провожали их взглядом. Освещение изменилось. На востоке над горизонтом, как маленькая луна, сияла Аравир, утренняя звезда Нарнии. Аслан, который, казалось, ещё вырос, поднял голову, тряхнул гривой и зарычал.

Звук, глубокий и пульсирующий вначале, как орган, начинающийся с низкой ноты, взмыл и стал громче, и ещё, и ещё громче, пока от него не задрожали земля и воздух. Он поднимался с холма и плыл над всей Нарнией. Внизу, в лагере Мираза, люди просыпались, бледнели, уставившись друг на друга, и хватались за оружие. Еще ниже, на Великой реке, особенно холодной в этот предутренний час, из воды поднялись головки нимф и большая косматая голова речного бога. Дальше, в каждом поле и лесу, кролики выставляли из норок настороженные ушки, птички сонно вытаскивали клювики из-под крыла, совы ухали, лисицы тявкали, ежи хрюкали, деревья

раскачивались. В городах и деревнях матери крепче прижимали детей к груди, а мужчины вставали, чтобы зажечь свет. Далеко на северной границе великаны выглядывали в тёмные двери своих замков.

Люси и Сьюзен увидели, как что-то тёмное стекается к ним со всех сторон. Сначала это напоминало чёрный туман, стелющийся по земле, потом — чёрные штормовые волны, которые, надвигаясь, вздымаются всё выше, и наконец стало тем, чем было на самом деле, — движущимися лесами. Все деревья мира спешили предстать перед Асланом. Однако, приближаясь, они всё меньше походили на деревья, и когда вся толпа, кланяясь, приседая и приветственно размахивая руками, собралась вокруг Люси, то девочка увидела, что все они приняли человеческое обличье. Бледные девушки-берёзы встряхивали головами, женщины-ивы отбрасывали волосы с задумчивых лиц, чтобы взглянуть на Аслана, царственные буки застыли недвижно, благоговея перед ним, огромные мужественные дубы, тонкие и меланхоличные вязы, пышноволосые остролисты (сами тёмные, но их жёны сверкали, украшенные яркими ягодами) и весёлые рябины — все склонялись и вновь выпрямлялись, крича:

«Аслан! Аслан!» — кто хриплым, кто скрипучим, кто певучим голосом.

Танцующая толпа вокруг Аслана (потому что танец начался снова) стала такой тесной, хоровод — таким быстрым, что Люси растерялась. Она не могла бы ответить, когда заметила между деревьями скачущих людей. Один был юный, в одной лишь оленьей шкуре, с венком из виноградных листьев на голове. Лицо его казалось бы чересчур смазливым для юноши, не будь оно таким диким. Как сказал Эдмунд, увидев его через несколько дней: «Этот парень способен на что угодно — абсолютно на что угодно». У него было, похоже, много имен, Бромий, Бассарей, Овен — три из них. За ним следовала толпа девушек, таких же диких, как он сам. Появился даже, как ни странно, некто на ослике. И все смеялись, и все кричали: «Эван, эван, эвоэ-э-э».

— Это игра, Аслан? — вскричал юноша. И тотчас же игра началась. Однако, похоже, каждый имел своё представление о том, во что играет. Может быть, это были салки, но Люси так и не поняла, кто водит. Отчасти это походило на жмурки, только каждый вёл себя так, словно именно ему завязали глаза. Это могли быть прятки, только никто никого не нашёл. Вдобавок ко всему, человек на ослике, старый и неимоверно толстый, возгласил: «Освежающее! Самое время освежиться!» — и упал с ослика, а все остальные принялись взваливать его обратно, отчего у ослика создалось впечатление, что всё это цирк, и он тоже попытался показать номер, пройдя на задних ногах. И с каждой минутой всюду всё больше и больше разрастались виноградные листья! Вскоре это были не одни листья, но целые лозы. Они поднимались отовсюду, они оплетали ноги древесных людей и сбивали им шаг. Люси подняла руку — отбросить волосы с лица — и обнаружила, что отбрасывает виноградную лозу. Ослик превратился в сплетение лоз. Его хвост совершенно запутался, что-то тёмное повисло между ушами. Люси присмотрелась и увидела, что это виноградная гроздь. Везде было множество гроздьев — над головой, под ногами, повсюду.

— Освежающее! Освежающее! — ревел старик. Все начали есть виноград, и даже если у вас на родине есть превосходные оранжереи, такого винограда вы никогда не пробовали. Ягоды были чудесные, твёрдые и тугие на ощупь, а во рту они взрывались свежей сладостью. Девочкам никогда прежде не доводилось наесться ими вволю, а тут винограда было сколько угодно, и никто не требовал, чтобы они ели прилично. Кругом мелькали липкие, измазанные соком пальцы и, хотя все рты были набиты, смех не умолкал, и повсюду разносилось гортанное «эван, эван, эвоэ», покуда все внезапно не почувствовали, что игра (как бы она ни называлась) и праздник окончены. Тогда все бросились на землю и обратили лица к Аслану, ожидая, что он скажет.

В эту самую минуту взошло солнце. Люси кое-что вспомнила и прошептала Сьюзен:

— Сью, я знаю, кто они.

— Кто?

— Мальчик с диким лицом — это Вакх, а старик на осле — Силен. Помнишь, мистер Тумнус говорил нам о них, давным-давно?

— Да, конечно. Только знаешь, Люси…

— Что?

— Я бы не чувствовала себя в безопасности с

Вакхом и его дикими девушками, если бы встретила их без Аслана.

— Я тоже думаю, что нет, — ответила Люси.

Глава двенадцатая
Колдовство и внезапное отмщение

Тем временем Трам и двое мальчиков подошли к тёмному низкому сводчатому проходу, который вёл внутрь кургана, и два часовых-барсука (белые полосы на их щеках — вот всё, что Эдмунд мог разглядеть) поднялись, обнажив зубы, и ворчливо спросили: «Кто идёт?»

— Трам, — отвечал гном, — и с ним Верховный Король Питер из далёкого прошлого.

Барсуки обнюхали руки мальчиков.

— Наконец, — сказали они. — Наконец.

— Дайте нам света, друзья, — попросил Трам.

Барсуки нашли факел сразу за аркой, Питер взял его и передал Траму.

— Пусть предводительствует Д.М.Д., — сказал он. — Мы не знаем дороги.

Трам взял факел и первым вошёл в тёмный туннель. Там были холод, тьма, плесень и паутина, порою в свете факела проносилась летучая мышь. Мальчикам, которые с самого утра на железнодорожной станции находились на открытом воздухе, показалось, что они попали в ловушку или тюрьму.

— Слушай, Питер, — прошептал Эдмунд. — Посмотри на эти закорючки по стенам. Им ведь уйма лет. А всё-таки мы старше. В наше время их ещё не было.

— Да, — согласился Питер, — тут призадумаешься.

Гном шёл впереди, потом повернул направо, потом налево, потом спустился на несколько ступенек, потом опять повернул налево. Тогда наконец они увидели свет — свет из-под двери. Теперь они были у двери центрального помещения и могли различать голоса — громкие и сердитые. Говорили так громко, что приближение мальчиков и гнома прошло незамеченным.

— Не нравится мне этот шум, — шепнул Трам

Питеру. — Давайте послушаем минутку.

Все трое безмолвно застыли у дверей.

— Вы прекрасно знаете, — сказал голос («Это король», — прошептал Трам), — почему в Рог не протрубили на рассвете в то утро. Разве вы забыли, что Мираз напал чуть ли не раньше, чем ушёл Трам? И мы сражались за свою жизнь часа три-четыре, если не больше. Я затрубил при первой же передышке.

— Вряд ли я это забуду, — донёсся сердитый голос, — когда главный удар приняли мои гномы и каждый пятый из них сражён. («Это Никабрик», — прошептал Трам.)

— Стыдись, гном, — прозвучал низкий бас («Боровик», — сказал Трам). — Мы все сделали столько же, сколько гномы, и все меньше, чем король.

— Болтай что хочешь, мне всё равно, — ответил Никабрик. — Или в Рог затрубили слишком поздно, или он не волшебный, но, так или иначе, помощь не пришла. Вы, вы, великий учёный, магистр магии, вы, всезнайка, — вы всё ещё предлагаете возложить надежды на Аслана, и короля Питера, и всех остальных?

— Должен сознаться… я не могу отрицать, что я глубоко разочарован результатами предприня-

той операции, — донёсся ответ («Это будет доктор Корнелиус», — прошептал Трам).

— Короче, — сказал Никабрик, — ваша котомка пуста, ваши яйца разбиты, ваша рыба не поймана, ваши обещания не сбылись. Тогда отойдите в сторону и не мешайте другим. Вот почему…

— Помощь придёт, — отвечал Боровик. — Я — за Аслана. Имейте терпение, как мы, звери. Помощь придёт. Может быть, она уже у дверей.

— Пф-ф! — фыркнул Никабрик. — Вы, барсуки, уговорите нас ждать, пока небо упадёт и мы все сможем ловить жаворонков. Говорю вам, мы не можем больше ждать. Продовольствие на исходе, в каждой стычке мы несём слишком большие потери, наши сторонники разбегаются.

— А почему? — спросил Боровик. — Я отвечу. Потому что между ними ходят слухи, что мы вызвали королей из далёкого прошлого, а короли не откликнулись. Последнее, что сказал Трам уходя (скорее всего навстречу смерти), было: «Если вы протрубите в Рог, пусть войско не знает, зачем это и на что вы надеетесь». Однако, похоже, все узнали в то же самое утро.

— Лучше сунь своё серое рыло в осиное гнездо, чем намекать, будто это я проболтался, — сказал Никабрик. — Возьми свои слова обратно или…

— Прекратите же, вы оба, — сказал король Каспиан. — Я хочу знать, к чему Никабрик клонит. Что такое мы должны сделать? Но прежде я хочу знать, кто эти двое посторонних, которых он привёл на совет и которые стоят здесь, открыв уши и закрыв рты.

— Это мои друзья, — отвечал Никабрик. — А какое право у вас самого находиться здесь, кроме того, что вы друг Трама и барсука? А этот старый дурак в сером балахоне — какое право у него? Только то, что он — ваш друг. Почему же мне одному нельзя привести своих друзей?

— Его величество — король, которому ты обязан верностью, — сурово произнес Боровик.

— Придворные манеры, ага, — ухмыльнулся Никабрик. — Однако в этой норе мы должны говорить начистоту. Вы знаете — и он знает, — что этот мальчишка-тельмарин будет королем нигде и ни над кем, если мы не поможем ему выбраться из ловушки, в которую он попал.

— Может быть, — сказал доктор Корнелиус, — ваши друзья хотят высказаться сами? Отвечайте, кто вы и что вы?

— Превосходительный господин доктор, — донёсся тонкий, жалобный голос. — С вашего разрешения, я только бедная старуха и очень

обязана его превосходительному гномству за дружбу, уверяю вас. Его величество, благословенно его прекрасное лицо, не должен бояться бедной старухи, скрюченной от ревматизма и не имеющей пары поленьев, чтобы подложить под котелок. Я владею маленьким жалким искусством, не таким, конечно, как ваше, господин доктор, — немножечко чар и заклинаний, которые я с радостью применю против ваших врагов, если на то будет общее согласие. Потому что я их ненавижу. О да. Никто не умеет ненавидеть, как я.

— Это все очень интересно и… э… удовлетворительно, — сказал доктор Корнелиус. — Кажется, я теперь знаю, кто вы, мадам. Может быть, ваш другой друг, Никабрик, тоже расскажет о себе?

Серый, тусклый голос, от которого у Питера мороз пробежал по коже, ответил:

— Я алчу. Я жажду. Укусив, я вцепляюсь насмерть, и даже после моей смерти захваченное вырезают из тела моего врага и погребают вместе со мной. Я могу голодать сотни лет и не умру. Я могу лежать сотни лет на льду и не замерзну. Я могу выпить реку крови и не лопну. Укажите мне ваших врагов.

— И в присутствии этих двоих ты хочешь от-

крыть свой план? — спросил король.

— Да, — отвечал Никабрик. — И с их помощью собираюсь его осуществить.

Прошла минута или две. Трам и мальчики слышали, как Каспиан и двое его друзей переговариваются тихими голосами, но слов различить не могли. Затем Каспиан заговорил громко.

— Хорошо, Никабрик, — сказал он, — мы выслушаем твой план.

Наступила пауза, такая долгая, что мальчики засомневались, собирается ли Никабрик вообще начать; когда же он всё-таки начал, то так тихо, словно ему самому неприятно было это говорить.

— В конце концов, — бормотал он, — никто из нас не знает правды о древних временах Нарнии. Трам и вовсе не верил в эти рассказы. Я готов был им поверить. Мы испытали Рог, и ничего не вышло. Если даже и были Верховный Король Питер, и королева Сьюзен, и король Эдмунд, и королева Люси, значит, они не услышали нас, или не смогли прийти, или они наши враги…

— Или они в пути, — вставил Боровик.

— Ты можешь твердить это, пока Мираз не скормит нас всех собакам. Как я сказал, мы потянули за одно звено в цепочке древних легенд,

и ничего не вышло. Ладно. Когда у вас ломается меч, вы хватаетесь за кинжал. Истории рассказывают о других силах, правивших прежде королей и королев. Что если мы вызовем их?

— Если ты про Аслана, — сказал Боровик, — так это одно и то же — вызвать его или королей. Если он не пришлёт их (а я убежден, что пришлёт), что толку звать его самого?

— Тут ты прав, — отвечал Никабрик. — Аслан и короли — примерно одно и то же. Или Аслан умер, или он против нас. Или его не пускает кто-то более могущественный. А если он и придёт — где уверенность, что он станет на нашу сторону? Судя по тому, что мне говорили, нас, гномов, он временами не жаловал. Да и не только нас. Спросите волков. Во всяком случае, как я слышал, он был в Нарнии только однажды, и то недолго. Можете сбросить Аслана со счетов. Я говорил кое о ком ином.

Ответа не было. Несколько минут стояла такая тишина, что Эдмунд слышал тяжёлое и шумное дыхание барсука.

— О ком же? — спросил наконец Каспиан.

— О силе, которая настолько превосходит Аслана, что заколдовала Нарнию на долгие годы, если истории говорят правду.

— Белая Колдунья! — воскликнули три голоса, и по шуму Питер догадался, что король, барсук и Корнелиус вскочили на ноги.

— Да, — отвечал Никабрик очень тихо и отчётливо, — Колдунья. Не пугайтесь этого имени, вы же не дети. Нам нужна сила — могущественная сила, которая встанет на нашу сторону. Что до могущества — разве истории не говорят, что Колдунья победила Аслана, связала его и убила на этом самом камне, который стоит тут рядом, за кругом света от факела?

— Но они же рассказывают, как он возвратился к жизни, — резко ответил барсук.

— Рассказывают, — согласился Никабрик, — но ты замечал, как мало говорится о том, что он потом делал? Он словно выпадает из истории. Как ты это объяснишь, если он действительно ожил? Не проще ли предположить, что никто не оживал, а истории ничего не рассказывают, потому что рассказать нечего?

— Он возвёл на престол королей и королев, — возразил Каспиан.

— Король, который только что выиграл великую битву, может взойти на престол и без помощи дрессированного льва, — сказал Никабрик.

Кто-то, наверное Боровик, свирепо зарычал.

— И вообще, — продолжал Никабрик, — что сталось с королями и их царством? Тоже исчезли. Иное дело — Колдунья. Говорят, она правила сто лет — сто лет зимы. Вот это сила, если хотите. Это нечто практическое.

— Небо и земля! — вскричал король. — Разве не говорили нам всегда, что она была самым худшим врагом? В десять раз хуже Мираза?

— Возможно, — холодно отвечал Никабрик, — для вас, людей, если кто-то из вас существовал здесь в те дни. Возможно, для кого-то из зверей тоже. Слышал, что она истребляла бобров — во всяком случае, сейчас их в Нарнии нет. Однако она всегда хорошо относилась к нам, гномам. Я гном и стою за свой народ. Мы не боимся Колдуньи.

— Но вы присоединились к нам, — сказал Боровик.

— Да, и много добра принесло это моему народу! — огрызнулся Никабрик. — Кого посылают в самые опасные вылазки? Гномов. Кому достаётся меньше всего еды, когда начинают урезать рацион? Гномам. Кто…

— Ложь! Всё ложь! — вскричал барсук.

— И потому, — продолжал Никабрик, срываясь на пронзительный крик, — если вы не можете по-

мочь моему народу, я пойду к тому, кто поможет.

— Это открытое предательство, гном? — спросил король.

— Спрячь меч в ножны, Каспиан, — сказал Никабрик. — Убийство на совете, да? Вот какие ваши игры? Попробуйте на свою голову! Уж не думаете ли вы, что я вас боюсь? Вас трое против нас троих.

— Что ж, подойдите, — прорычал Боровик.

— Стоп, стоп, стоп, — сказал доктор Корнелиус. — Не торопитесь. Колдунья мертва. Все истории согласны в этом. Как это Никабрик собрался вызвать Колдунью?

Тот серый и ужасный голос, который прежде прозвучал только раз, произнес:

— Мертва ли?

Затем тонкий, плачущий голос начал:

— О, благословенно его сердце, его дорогое маленькое величество может не беспокоиться. Белая госпожа — так мы её называем — не умерла. Превосходительный доктор просто шутит над бедной старушкой. Любезнейший господин доктор, учёнейший господин доктор, кто и когда слышал, чтоб хоть одна колдунья действительно умерла? Её всегда можно вернуть.

— Вызовите её, — потребовал серый голос. —

Мы все готовы. Очертите круг. Разожгите синий огонь.

Заглушая нарастающее рычание барсука и резкое «Что-о?» Корнелиуса, прогремел голос Каспиана:

— Так вот твой план, Никабрик! Чёрным колдовством призвать проклятый призрак. И я вижу, кто твои спутники — ведьма и волк-оборотень!

В следующее мгновение всё смешалось. Слышалось рычание и лязг зубов. Мальчики и Трам ворвались внутрь. Питер успел увидеть ужасное, серое, тощее существо, получеловека-полуволка, в тот миг, когда оно прыгнуло на мальчика примерно его лет, а Эдмунд — барсука и гнома, которые катились по полу, как дерущиеся коты. Трам оказался лицом к лицу с ведьмой. Её нос и подбородок смыкались, как клещи, грязные серые космы развевались, пальцы держали доктора Корнелиуса за горло. Трам взмахнул мечом, и её голова покатилась по полу. Тут свеча погасла, сбитая на землю, и секунд шестьдесят в темноте мелькали только мечи, зубы, когти, кулаки и ботинки. Потом наступила тишина.

— Ты в порядке, Эд?

— На-наверное, — пропыхтел Эдмунд. — Я поймал этого гада Никабрика, но он ещё жив.

— Гирьки-графинчики! — раздался сердитый голос. — Это вы на мне сидите. Слезайте. Вы прямо слонёнок.

— Простите, Д.М.Д., — сказал Эдмунд. — Так лучше?

— М-м-м! Нет! — промычал Трам. — Вы заехали мне в рот ботинком. Отойдите.

— Здесь ли король Каспиан? — спросил Питер.

— Я здесь, — произнес совсем слабый голос. — Меня кто-то укусил.

Все услышали, как кто-то чиркнул спичкой. Это был Эдмунд, слабый огонёк осветил его бледное и грязное лицо. Он огляделся, нашёл подсвеч-

ник (они тут больше не пользовались лампами, потому что кончилось масло), поставил его на стол и зажёг. Когда пламя разгорелось, остальные устало поднялись на ноги. Шесть лиц уставились друг на друга в свете свечи.

— Кажется, никто из врагов не уцелел, — сказал Питер. — Вот ведьма, мёртвая. (Он торопливо отвёл глаза.) И Никабрик, тоже мёртвый. А вот и волк-оборотень. Давненько я их не видел. Волчья голова на человеческом теле. Значит, его убили в момент превращения. А вы, я полагаю, король Каспиан?

— Да, — отвечал другой мальчик. — Но я не могу догадаться, кто вы.

— Это Верховный Король Питер, — сказал Трам.

— Искренние приветствия вашему величеству! — произнёс Каспиан.

— А также вашему величеству, — отвечал Питер. — Я пришёл не для того, чтобы занять твой трон, а чтоб помочь тебе на него вступить.

— Ваше величество, — произнёс другой голос у Питера под локтём. Мальчик обернулся и оказался лицом к лицу с барсуком. Он обнял зверя и поцеловал его в меховую голову, и это было вовсе не по-девчачьи, а очень по-королевски.

— Лучший из барсуков, — сказал он, — что бы ни было, ты в нас не усомнился.

— Не хвалите меня, ваше величество, — отвечал Боровик. — Я ведь зверь, а мы не меняемся. Более того, я барсук, а мы упорны.

— Мне жаль Никабрика, — сказал Каспиан, — хоть он и возненавидел меня с первого взгляда. Он озлобился из-за долгих лишений. Если бы мы победили быстро, он, быть может, в дни мира стал бы хорошим гномом. Не знаю, кто из нас его убил, и рад, что не знаю.

— Вы в крови, — сказал Питер.

— Да, меня укусили, — отвечал Каспиан. — Вот оно — эта серая мерзость.

Промывание и перевязывание раны заняло много времени, а когда всё было закончено, Трам сказал:

— Ну вот. Прежде всего остального надо позавтракать.

— Только не здесь, — произнес Питер.

— Да, — отвечал Каспиан, содрогаясь. — И надо прислать кого-нибудь, чтобы убрали трупы.

— Пусть эту пакость свалят в яму, — распорядился Питер, — но гнома мы отдадим его братьям, пусть похоронят по своему обычаю.

Они позавтракали в другом помещении внутри

Холма. Это был не совсем тот завтрак, какого они могли пожелать: Каспиан и Корнелиус мечтали о пироге с олениной, Питер и Эдмунд — о яичнице и горячем кофе, а получили по маленькому куску медвежатины (у мальчиков из карманов), ломтику засохшего сыра, луковице и кружке воды. Однако набросились они на еду так, будто вкуснее и быть не может.

Глава тринадцатая
Верховный король принимает командование

— Так вот, — сказал Питер, когда они кончили завтракать, — Аслан и девочки (это королева Сьюзен и королева Люси, Каспиан) где-то близко. Мы не знаем, когда он начнёт действовать. Разумеется, решает он, а не мы. Сейчас он ждёт от нас, чтобы мы сделали всё, что от нас зависит. Ты говорил, Каспиан, у вас мало сил, чтобы встретиться с Миразом в решающей битве.

— Боюсь, что так, Верховный Король, — отвечал

Каспиан. Он сразу полюбил Питера, но чувствовал себя скованно. Его гораздо больше поразила встреча с великими королями из старых сказок, чем их — встреча с ним.

— Ну что ж, — сказал Питер, — раз так, я пошлю ему вызов на поединок.

Никому прежде это не приходило в голову.

— Пожалуйста, — попросил Каспиан, — можно я пошлю? Я хочу отомстить за отца.

— Ты ранен, — отвечал Питер. — И вообще, он просто посмеётся над твоим вызовом. Я хочу сказать, мы-то видим, что ты — король и воитель, но он-то считает тебя ребенком.

— Однако, государь, — сказал барсук, который уселся поближе к Питеру и не спускал с него глаз, — примет ли он вызов даже и от вас? Он знает, что его войско сильнее.

— Очень может быть, что не примет, — согласился Питер, — но попробовать всё-таки стоит. Даже если не примет, мы потратим большую часть дня, посылая герольдов туда и обратно. За это время Аслан, быть может, что-нибудь сделает. И наконец, я смогу посмотреть армию и укрепить позиции. Я пошлю вызов. Собственно, я напишу его прямо сейчас. У вас есть перо и чернила, господин доктор?

— Учёный с ними не расстаётся, ваше величество, — ответил доктор.

— Очень хорошо, я диктую, — сказал Питер.

Пока доктор разворачивал пергамент, откупоривал рожок с чернилами и чинил перо, Питер откинулся назад, прикрыл глаза и восстановил в памяти язык, на котором составлял подобные послания давным-давно, в Золотой век Нарнии.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Вы готовы, доктор?

Доктор Корнелиус обмакнул перо и ждал. Питер продиктовал следующее:

> *«Питер, милостью Аслана, по избранию, по обычаю и по праву завоевания Король над всеми королями Нарнии, император Одиноких Островов и владетель Кэр-Параваля, рыцарь благороднейшего Ордена Льва – Мираза, сына Каспиана Восьмого, некогда лорда-протектора Нарнии, ныне именующего себя королем Нарнии, приветствует».*

— Написали?

— Нарнии, запятая, приветствует, — пробормотал доктор. — Да, государь.

— Тогда начните с новой строчки, — сказал

Питер.

«Для пресечения кровопролития и во избежание прочих беспокойств, могущих возникнуть вследствие войны, ныне угрожающей нашему владению Нарнии, мы соизволяем подвергнуть нашу королевскую особу превратностям поединка в интересах нашего преданного и возлюбленного Каспиана, дабы доказать победой над вашей светлостью, что сказанный Каспиан есть законный король Нарнии под нашим началом, как нашей милостью, так и по законам тельмаринов, а ваша светлость дважды повинны в вероломстве: как в похищении владения Нарнией от сказанного Каспиана, так и в бесчеловечнейшем – не забудьте, что оно пишется через «с», доктор, – *кровавом и противоестественном убийстве вашего доброго господина и брата короля Каспиана, девятого этого имени. Посему мы со всей настойчивостью приглашаем, вызываем и требуем вашу светлость на сказанный поединок и вручаем это послание в руки нашего возлюбленного и царственного*

брата Эдмунда, некогда короля под нашим началом в Нарнии, герцога Фонарной Пустоши и графа Западного Пограничья, рыцаря Благородного Ордена Стола, которому мы даём все полномочия устанавливать с вашей светлостью порядок сказанного единоборства. Дано в нашем расположении в Холме Аслана сего XII дня месяца листьев в первый год Каспиана Десятого Нарнийского».

— Вроде годится, — сказал Питер, переведя дыхание. — А теперь нужно послать с Эдмундом ещё двоих. Думаю, одним должен быть великан.

— Он… он, знаете ли, не шибко умён, — заметил Каспиан.

— Разумеется, — сказал Питер. — Но все великаны выглядят представительно, если только молчат. И это его ободрит. А кто второй?

— Честное слово, — сказал Трам, — если вы хотите, чтобы он убивал взглядом, то это Рипичип.

— Верно, судя по рассказам, — рассмеялся Питер, — не будь он такой маленький. Его не заметят, пока он не подойдет вплотную.

— Пошлите Громобоя, государь, — посоветовал Боровик. — Никто ещё не смеялся над кентав-

ром.

Часом позже двое главных военачальников Мираза, лорды Глозель и Сопеспиан, прогуливаясь вдоль рядов и ковыряя в зубах после завтрака, увидели идущих к ним из лесу кентавра и великана Ветролома, которых уже встречали в бою, а между ними кого-то, кого узнать не могли. Впрочем, и одноклассники не узнали бы Эдмунда, если б увидели в этот миг. Аслан дохнул на него, и отблеск величия лежал на нём.

— Что это? — спросил лорд Глозель. — Атака?

— Скорее переговоры, — сказал Сопеспиан. — Видите, они несут зелёные ветви. Похоже, пришли просить пощады.

— Тот, кто идёт между кентавром и великаном, что-то не похож на просителя, — сказал Глозель. — Кто это может быть? Не мальчишка Каспиан, точно.

— Нет, конечно, — согласился Сопеспиан. — Это непобедимый воин, уверяю вас, где бы эти мятежники его ни добыли. Он (на ушко вашей светлости) гораздо царственнее самого Мираза. И что за кольчуга на нём! Никто из наших кузнецов такую не сделает.

— Ставлю мою пегую Памелу, он несёт вызов, а не капитуляцию, — сказал Глозель.

— Что с того? — спросил Сопеспиан. — Мы зажали их в кулак. Мираз не сошел с ума, чтобы терять все преимущества, соглашаясь на поединок.

— Значит, надо его подтолкнуть, — сказал Гло-

зель, понижая голос.

— Т-с-с, — произнес Сопеспиан. — Отойдём отсюда, подальше от ушей наших часовых. Вот сюда. Правильно ли я понял вашу светлость?

— Если король отважится на поединок, — прошептал Глозель, — он или убьёт, или будет убит.

— Так, — кивнул Сопеспиан.

— Если он убьёт, мы выиграем войну.

— Конечно. А если нет?

— Ну, мы вполне способны победить и без его королевской милости. Вашей светлости можно не напоминать, что Мираз — не такой и великий военачальник. А тогда мы окажемся сразу и с победой, и без короля.

— И вы считаете, милорд, что мы с вами можем с таким же успехом править страной без короля?

Лицо Глозеля помрачнело.

— Не забывайте, — сказал он, — что это мы возвели его на престол. И за все годы, что он правит, много мы видели благодарности?

— Ни слова больше, — произнес Сопеспиан. — Но взгляните — сюда идут, чтобы позвать нас в королевский шатёр.

Возле шатра они увидели Эдмунда и двух его спутников — те угощались вином и печеньем, поскольку уже передали послание и теперь жда-

ли, пока король его обсудит. Увидев их вблизи, оба тельмаринских лорда посчитали их очень грозными.

В шатре они нашли Мираза. Тот был без оружия и доканчивал завтрак. Лицо у него было красное, лоб нахмурен.

— Вот! — рявкнул он, бросая через стол пергамент. — Посмотрите, что за мешанину из детских сказок прислал этот нахал, наш племянничек.

— Клянусь вашей жизнью, государь, — произнес Глозель, — если молодой воин, которого мы видели у входа, и есть упомянутый в послании король Эдмунд, я не назвал бы его детской сказкой.

— Король Эдмунд, пф! — фыркнул Мираз. — Ваша светлость верит этим бабьим россказням о Питере, Эдмунде и остальных?

— Я верю своим глазам, ваше величество, — отвечал Глозель.

— Ладно, дело не в этом, — продолжал Мираз. — Но уж относительно вызова, полагаю, может быть только одно мнение?

— Думаю, что так, государь, — сказал Глозель.

— И какое же? — спросил король.

— Безусловно отказать, — произнес Глозель. — Меня никогда не называли трусом, но я должен прямо заявить, что не желал бы встретить этого

юношу в бою. И если (что весьма вероятно) его брат, Верховный Король, еще опаснее — ради вашей жизни, мой повелитель, следует всячески уклоняться от встречи с ним.

— Чума вас возьми! — вскричал Мираз. — Это совсем не тот совет, которого я просил. Думаете, я обратился бы к вам, если бы боялся этого Питера (если он вообще существует)? Думаете, я его испугался? Я ждал вашего совета по существу дела: стоит ли, имея все преимущества, рисковать ими в поединке?

— На это я могу ответить вашему величеству, — сказал Глозель, — что вызов следует отвергнуть по всем соображениям. Лицо этого странного рыцаря сулит гибель…

— Вот, опять! — рассердился Мираз. — Вы пытаетесь представить дело так, что я ещё трусливей, чем ваша светлость?

— Ваше величество вольны говорить что угодно, — обиженно произнёс Глозель.

— Ты причитаешь, как старуха, Глозель, — сказал король. — Что посоветуете вы, милорд Сопеспиан?

— Не соглашайтесь, государь, — был ответ. — И то, что ваше величество сказали о сущности дела, весьма кстати. Это даёт вашему величеству повод

для отказа, не затрагивающий вопроса о чести и храбрости вашего величества.

— Великие небеса! — вскричал Мираз, подскакивая. — Вы что, оба белены объелись? Вы думаете, я ищу поводов для отказа? Тогда уж прямо в лицо назовите меня трусом.

Разговор шёл в точности так, как желали оба лорда, поэтому они ничего не сказали.

— Я всё понимаю, — продолжал Мираз, уставясь на своих советников. Глаза его, казалось, вот-вот выпрыгнут из орбит. — Вы сами трусливы, как зайцы, и имеете наглость воображать, будто и я такой же! Повод для отказа, как же! Извинения, что не сражаюсь! Разве вы воины? Разве вы тельмарины? Разве вы мужи? И если я откажусь (как требует моё положение и военная целесообразность), вы будете думать и внушите другим, что я испугался. Так ведь?

— Ни один человек в возрасте вашего величества, — отвечал Глозель, — не прослывёт трусом среди разумных солдат, если откажется от поединка с великим воином в расцвете юности.

— Я, значит, мало что трус, так ещё и старикашка, из которого песок сыплется! — проревел Мираз. — Вот что я вам скажу, милорды. Своими бабьими советами, не имеющими отношения к

делу, то есть к военной стратегии, вы добились совсем не того, чего хотели. Я собирался отказать. Теперь я приму вызов. Слышите, приму! Я не хочу терпеть позор из-за того, что колдовство или предательство заморозило вашу кровь.

— Мы умоляем ваше величество… — начал Глозель, но Мираз выскочил из шатра, и они услышали, как он выкрикивает свое согласие Эдмунду.

— Я знал, что он так и поступит, если его должным образом направить, — сказал Глозель. — Однако я не забыл, как он назвал меня трусом, и он за это заплатит.

Страшная суматоха поднялась на Аслановом холме, когда эта новость распространилась среди сподвижников Каспиана. Эдмунд с одним из советников Мираза размечали место для поединка, обозначая его кольями и верёвками. Два тельмарина уже стояли по углам, а третий — посередине одной из сторон, как маршалы турнира. Три других маршала должны были представлять Верховного Короля. Питер как раз объяснял Каспиану, что тот не может быть одним из них, поскольку его право на престол и стало предметом спора, когда густой, сонный голос произнёс:

— Позвольте, ваше величество.

Питер обернулся и увидел старшего из Пухлых Медведей.

— Коли позволите, ваше величество, — сказал тот, — я медведь, то есть я-то.

— Вижу и притом не сомневаюсь, добрый медведь, — отвечал Питер.

— Да, — сказал медведь, — так это всегда было правом медведей, выставлять одного из маршалов турнира.

— Не позволяйте ему, — прошептал Трам Питеру. — Он славное создание, но он нас опозорит. Заснёт и будет сосать лапу. Даже перед лицом врага.

— Ничего не могу поделать, — сказал Питер. — Он совершенно прав. У медведей есть эта привилегия. Ума не приложу, как о ней помнили все эти годы, когда столько всего другого было забыто.

— Пожалуйста, ваше величество, — пробасил медведь.

— Это ваше право, — сказал Питер. — Ты будешь одним из маршалов. Но запомни, ты не должен сосать лапу.

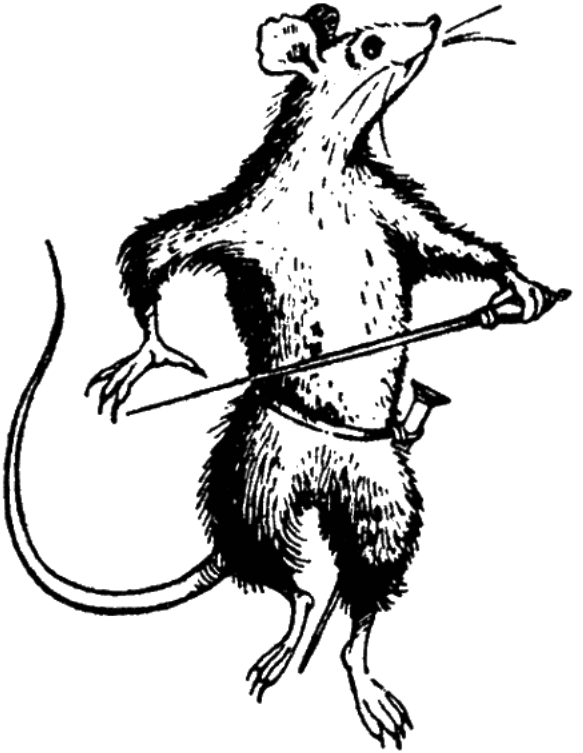
— Я и не буду, — обиженно отвечал медведь.

— Да, но сейчас ты ее сосёшь, — промычал Трам.

Медведь выдернул лапу изо рта и притворился, будто не слышал.

— Государь! — раздался тоненький голос где-то внизу.

— А, Рипичип! — сказал Питер, поискав глазами вверху, внизу и вокруг, как это обычно делают люди, когда к ним обращается мышь.

— Государь, — произнёс Рипичип. — Моя жизнь в вашем распоряжении, но моя честь принадлежит мне. Государь, единственный трубач в воинстве вашего величества — из моего народа.

Я полагал, что нас пошлют с вызовом. Государь, мой народ обижен. Возможно, если вам угодно будет назначить меня маршалом турнира, это их успокоит.

На этом месте его прервал громоподобный шум — великан Ветролом разразился не слишком умным смехом, приступам которого подвержены даже лучшие из великанов. Но он быстро совладал с собой и к тому времени, как Рипичип поднял глаза, выясняя, откуда шум, стоял уже серьёзный, как репа.

— Боюсь, это невозможно, — произнес Питер без тени улыбки. — Некоторые люди боятся мышей…

— Я замечал это, государь, — сказал Рипичип.

— …и будет нечестно по отношению к Миразу, — продолжал Питер, — если он увидит перед собой то, что может хоть немного ослабить его храбрость.

— Ваше величество — зерцало чести, — произнёс Мыш с изысканным поклоном. — Я всецело с вами согласен… Мне показалось, что я только что слышал чей-то смех. Если кто-то из присутствующих хочет испытать на мне своё остроумие, я весь к его услугам — как и моя шпага.

Ответом было глубокое молчание, которое на-

рушил Питер, сказав:

— Великан Ветролом и кентавр Громобой будут нашими маршалами. Поединок состоится в два часа пополудни. Обед ровно в полдень.

— Слушай, — сказал Эдмунд, когда они уходили. — Надеюсь, все нормально? Я хочу сказать, ты ведь сможешь его побить?

— Вот я и дерусь, чтобы это узнать, — отвечал Питер.

Глава четырнадцатая
Как все были очень заняты

Незадолго до двух часов Трам и барсук уселись среди остальных нарнийцев на краю леса, напротив сверкающей армии Мираза, которая была от них на расстоянии двух полётов стрелы. Между противоборствующими войсками располагался участок ровной травы, отгороженный для поединка. В дальних углах стояли Сопеспиан и

Глозель с обнажёнными мечами, в ближних — Ветролом и Пухлый Медведь, который, несмотря на все предупреждения, сосал лапу и выглядел, надо сказать, чрезвычайно глупо. Зато Громобой на правой стороне поля — он стоял неподвижно, как статуя, и лишь изредка ударял копытом — выглядел гораздо внушительней, чем барон-тельмарин на левой. Питер только что обменялся рукопожатиями с Эдмундом и доктором и теперь подходил к арене. Всё замерло, как на ипподроме перед выстрелом к решающей скачке, только сейчас всё было куда страшнее.

— Я надеялся, Аслан вернётся раньше, чем до этого дойдёт, — сказал Трам.

— Я тоже, — отвечал Боровик. — Но оглянись назад.

— Крышки-кастрюльки! — оглянувшись, пробормотал гном. — Кто это? Огромные люди, прекрасные люди — как боги, богини и великаны! Сотни, тысячи, совсем рядом, сразу за нами. Кто они?

— Дриады, гамадриады и сильваны, — сказал Боровик. — Аслан пробудил их.

— Гм! — произнес гном. — Это будет очень кстати, если враги замыслили какое-нибудь вероломство. Однако это не поможет Верховному

Королю, если Мираз окажется искусным бойцом.

Барсук ничего не ответил, потому что Питер и Мираз уже вошли на арену с противоположных сторон, оба пешие, оба в кольчугах, шлемах и

со щитами. Они шли вперёд, пока не встретились. Оба поклонились и, кажется, обменялись несколькими словами, но невозможно было слышать, о чём они говорят. В следующее мгновение два меча сверкнули на солнце. Одну секунду слышался звон стали, но его тут же заглушили крики, потому что обе армии начали орать, как болельщики на футбольном матче.

— Молодец, Питер, молодец! — закричал Эдмунд, видя, что Мираз отступил на целых полтора шага. — Так его! Тесни!

Питер наступал, и несколько минут казалось, что сражение выиграно. Однако вскоре Мираз собрался с силами — начал использовать своё преимущество в росте и весе. «Мираз! Мираз! Король! Король!» — донёсся рёв тельмаринов. Каспиан и Эдмунд побелели от мучительной тревоги.

— Питер получает ужасные удары, — сказал Эдмунд.

— Эй! — воскликнул Каспиан. — Что это значит?

— Расходятся, — отвечал Эдмунд. — Передохнуть, я думаю. Смотри. А, вот они опять начинают, на этот раз более обдуманно. Обходят круг за кругом, прощупывают друг у друга защиту.

— Боюсь, этот Мираз своё дело знает, — прошептал доктор, но договорить не успел, потому что со стороны Старой Нарнии полетели вверх шляпы и раздались такие вопли и рукоплескания, что он едва не оглох.

— Что это было? Что это было? — спрашивал доктор. — Мои старые глаза прогля-дели.

— Верховный Король задел его под мышкой, — сказал Каспиан, продолжая аплодировать. — Как раз где у кольчуги разрез. Первая кровь.

— Теперь, кажется, опять плохо, — сказал Эдмунд. — Питер не отбивается щитом, как надо. Должно быть, у него повреждена левая рука.

Так оно и было. Все видели, что щит Питера безвольно повис. Крики тельмаринов возобновились.

— Ты видел больше сражений, чем я, — сказал Каспиан. — Есть ещё какой-нибудь шанс на победу?

— Очень маленький, — отвечал Эдмунд. — Если он вытянет, то еле-еле. Если повезёт.

— Ох, зачем мы на это согласились? — сказал Каспиан.

Внезапно крики на обеих сторонах стихли. Эдмунд сначала удивился, потом сказал:

— А, понял. Оба согласились на передышку.

Идёмте, доктор. Может быть, мы сумеем чем-то помочь Верховному Королю.

Они подбежали к арене. Питер вышел за веревки к ним, лицо у него было красное и потное, грудь тяжело вздымалась.

— Ты ранен в левую руку? — спросил Эдмунд.

— Не то чтобы ранен, — отвечал Питер. — Я принял на щит всю тяжесть удара — словно вагон кирпича, — и край щита ударил мне по запястью. Я не думаю, что это перелом, скорее растяжение. Если вы перевяжете потуже, я думаю, что справлюсь.

Пока они возились с бинтом, Эдмунд спросил тревожно:

— Что ты о нём думаешь, Питер?

— Трудно, — сказал Питер. — Очень трудно. У меня есть шанс, если я заставлю его прыгать, тогда его вес обернётся против него и он начнёт задыхаться — на такой-то жаре. Правду сказать, это моя единственная надежда. Передай мой привет всем — там, дома, Эд, — если он меня победит. Ну, вот он уже идёт на арену. Пока, старик. До свидания, доктор. И ещё, Эд, скажи что-нибудь особенно хорошее Траму. Он был молодчина.

Эдмунд не мог говорить. Он пошёл с доктором обратно к своим, под ложечкой противно ныло.

Однако новая схватка началась неплохо. Питер, кажется, теперь мог пользоваться щитом, и уж, конечно, он отлично пользовался своими ногами. Он почти играл с Миразом в салки, держась на расстоянии, то и дело меняя позицию, заставляя врага потрудиться.

— Трус! — издевались тельмарины. — Почему ты не сходишься с ним? Не нравится, а? Ты сражаться пришёл или танцевать? Фью-ю!

— Надеюсь, он их не слушает, — сказал Каспиан.

— Он — нет, — отвечал Эдмунд. — Ты его не знаешь. Ой!

Мираз нанёс-таки удар по шлему Питера. Питер покачнулся и упал на одно колено. Рёв тельмаринов нарастал как грохот бури.

— Ну, Мираз! — вопили они. — Быстро! Быстро! Убей его!

Но подстрекать узурпатора было незачем. Он уже возвышался над противником. Эдмунд до крови закусил губу, когда меч обрушился на Питера. Казалось, он разрубит ему голову. Благие небеса! Он соскользнул на правое плечо. Сплетённая гномами кольчуга звякнула и выдержала.

— Молодец! — крикнул Эдмунд. — Он опять встал. Питер, ну же, Питер!

— Я не понял, что произошло, — сказал доктор. — Как он это сумел?

— Ухватился за руку Мираза, когда она опустилась, — объяснил Трам, приплясывая от восторга. — Вот человек! Использовать руку врага, как перила! Верховный Король! Верховный Король! Держись, Старая Нарния!

— Глядите, Мираз злится, — сказал Боровик. — Это хорошо.

Противники и впрямь рубились с остервенением. Невозможно было поверить, что в этом шквале ударов никто ещё не убит. Возбуждение нарастало, крики почти стихли. Зрители затаили дыхание. Это было разом и жутко, и величественно.

И снова раздались крики из рядов Старой Нарнии. Мираз упал — не от удара, а ничком, споткнувшись о кустик травы. Питер отступил, ожидая, когда тот поднимется.

— Ну вот ещё, — пробормотал Эдмунд про себя. — Обязательно ли быть таким благородным?.. Наверное, обязательно. Раз он рыцарь и Верховный Король. Наверное, Аслану бы понравилось. Только этот скот через минуту встанет и…

Но «этот скот» больше не встал. У Сопеспиана и Глозеля наготове был свой план. Как только

они увидели, что их король упал, они бросились на арену, крича: «Измена! Измена! Нарнийский предатель ударил короля в спину, пока тот лежал беспомощный! К оружию! К оружию, Тельмар!»

Питер плохо соображал, что происходит. Он видел двух больших людей, бегущих к нему с мечами. Третий тельмарин проскочил под верёвкой следом. «К оружию, Нарния! Измена!» — закричал Питер. Если бы все трое добежали до него сразу, он бы никогда больше ничего не сказал. Однако Глозель задержался, чтобы заколоть своего собственного короля, там, где тот лежал. «Это за ваше оскорбление сегодня утром», — прошептал он, когда клинок вошёл в тело. Питер обернулся к Сопеспиану, подрубил ему ноги и вторым таким же ударом снёс голову. Эдмунд уже стоял рядом, крича: «Нарния! Нарния! За Льва!» Всё воинство тельмаринов устремилось на них. Но уже великан шагнул вперёд, вращая свою дубину. Проскакали кентавры. «Тванг, тванг» позади и «вз-з, вз-з» над головой — гномы начали стрелять. Трам сражался справа от Питера. Битва разгоралась.

— Назад, Рипичип, ты, маленький ослёнок! — кричал Питер. — Тебя убьют зазря! Здесь не место для мышей!

Однако смешное маленькое создание плясало там и тут под ногами обеих армий, размахивая своей шпагой. Многие воины-тельмарины в тот день чувствовали внезапный укол в ноге, словно от дюжины иголок, подпрыгивали от боли, а частенько и падали. Если падали, мыши приканчивали их; если нет, это делал кто-нибудь другой.

Но еще прежде, чем старые нарнийцы развоевались по-настоящему, они обнаружили, что враг отступает. Мужественные бойцы бледнели, глядя в ужасе не на старых нарнийцев, а на что-то позади них, и бросали оружие с воплем: «Лес! Лес! Конец света!»

Вскоре ни криков, ни звона оружия нельзя было расслышать, потому что они потонули, как в море, в рокоте разбуженных деревьев, которые рванулись сквозь ряды армии Питера и дальше, преследуя тельмаринов. Вы когда-нибудь стояли на опушке большого леса на вершине холма осенним вечером, когда дикий юго-западный ветер всей тяжестью обрушивается на него? Вообразите этот шум. А теперь вообразите, что лес, вместо того чтобы стоять где стоял, устремляется на вас и нет больше деревьев, только огромные люди, похожие на деревья, потому что их длинные руки

взмахивают, как ветви, головы качаются, листья струятся водопадом. Вот это и увидели тельмарины. Даже нарнийцы немного перепугались. Через несколько минут сторонники Мираза неслись к Великой реке в надежде перебраться по мосту в Беруну и там защищаться за крепостными валами и запертыми воротами.

Они добежали до реки, но моста здесь не было. Он исчез еще вчера. Полная паника и ужас овладели ими, и они все сдались.

Но что случилось с мостом?

Рано утром, проснувшись после короткого сна, девочки увидели стоящего над ними Делана и услышали его голос, который произнёс: «Мы устроим праздник». Они протёрли глаза и огляделись. Деревья ушли, но было видно, как они тёмной массой движутся к Холму Аслана. Вакх, менады — его неистовые сумасбродные девушки — и Силен остались с Асланом. Люси, совершенно отдохнувшая, вскочила. Все просыпались, все смеялись, играли флейты, бряцали кимвалы. Звери — обычные, неговорящие звери — сбегались со всех сторон.

— Что это, Аслан? — спросила Люси. Её глаза танцевали, ноги просились в пляс.

— Пойдёмте, дети, — сказал Аслан. — Садитесь

ко мне на спину.

— Ой, как здорово! — воскликнула Люси, и обе девочки вскарабкались на теплую золотую спину, как когда-то, неведомо сколько лет тому назад. Вся компания двинулась — Аслан возглавлял, Вакх и его менады носились, метались, кувыркались, зверюшки рыскали вокруг, а Силен на своем ослике замыкал шествие.

Они свернули немного вправо, пробежали вниз по склону холма и увидели перед собой длинный мост у Беруны. Однако не успели они на него вступить, как из воды поднялась огромная, мокрая, бородатая голова, много больше человеческой, увенчанная тростником. Голова взглянула на Аслана и пробасила:

— Приветствую тебя, повелитель. Избавь меня от оков.

— А это еще кто? — прошептала Сьюзен.

— Думаю, речное божество, только ш-ш-ш, — отвечала Люси.

— Вакх, — сказал Аслан. — Освободи его.

«Оковы — это, наверное, мост», — подумала Люси. Так оно и оказалось. Вакх и его девушки бросились в неглубокую воду, и минутой позже начало твориться что-то в высшей степени необыкновенное. Длинные, сильные плети хмеля обвили устои моста, они росли так же быстро, как разгорается пламя, опутывая камни, расщепляя, раздробляя, разделяя их. Перила моста превратились в живую изгородь, пёструю от ягод, но лишь на миг, а затем исчезли, как и всё остальное, с грохотом рухнув в бурлящую воду. Толкаясь, крича и смеясь, буйная компания перешла, или переплыла, или перетанцевала через брод («Ура! Это снова брод у Беруны!» — воскликнули девочки) на противоположный берег, прямо в город.

На улицах все бросались от них врассыпную. Первый дом, к которому они подошли, оказался школой — женской школой, в которой множество нарнийских девочек с туго заплетёнными косами, в безобразных тесных воротничках и толстых колючих чулках сидели на уроке истории. «История», которую учили в Нарнии при Миразе, была скучнее любой подлинной истории, которую вам доводилось читать, и лживее любого вымышленного рассказа.

— Если ты будешь отвлекаться, Гвендолен, — сказала учительница, — и не перестанешь смотреть в окно, я запишу тебе замечание.

— Но простите, мисс Приззл… — начала Гвендолен.

— Ты слышала, что я сказала? — спросила мисс Приззл.

— Простите, мисс Приззл, — повторила Гвендолен, — там Лев!

— Два замечания за то, что говоришь глупости, — сказала мисс Приззл. — А теперь…

Ее прервало рычание. Хмель завился в окне класса. Стены покрылись мерцающей зеленью, арки из ветвей перекинулись там, где был потолок. Мисс Приззл обнаружила, что стоит в траве, на лесной прогалине. Она вцепилась в доску, что-

бы устоять, но это оказалась не доска, а розовый куст. Дикие люди, каких она никогда не видела, толпились вокруг. Затем она увидела Льва, завопила и убежала, а с ней и её класс — коренастые чопорные девочки с толстыми ногами. Гвендолен колебалась.

— Ты хочешь остаться, радость моя? — спросил Аслан.

— А можно? Спасибо, спасибо! — отвечала Гвендолен.

Тут же она оказалась рука об руку с двумя менадами, которые закружили её в весёлом танце и помогли избавиться от ненужной и неудобной одежды.

Куда бы они ни шли в городке, везде было то же самое. Большинство людей убегали, немногие присоединялись к ним. Когда они покинули город, их компания стала больше и веселей.

Они пронеслись по полям северного, или левого, берега реки. На каждой ферме к ним приставали животные. Печальный старый ослик, никогда не знавший радости, вдруг снова помолодел, цепные псы обрывали цепи, лошади разбивали копытами телеги и трусили следом — цок-цок, — разбрасывая грязь и издавая радостное ржание.

Во дворике за стеной они увидели человека, который бил мальчика. Внезапно палка в его руках превратилась в цветок. Человек попытался её отбросить, но она приросла к руке. Рука превратилась в ветку, тело — в ствол дерева, ноги стали корнями. Мальчик, который только что плакал, расхохотался и побежал за танцующими.

В маленьком городке на полпути к Бобровой Плотине, где сливаются две реки, они подошли к другой школе, где усталого вида девушка учила арифметике множество мальчиков, ужасно похожих на поросят. Она выглянула в окно, увидела божественных гуляк, поющих на улице, и радостная боль пронзила её сердце. Аслан остановился

прямо напротив окна и посмотрел на неё.

— О нет, нет, — сказала она. — Мне бы хотелось с вами, но нельзя. Я обязана продолжать работу. И дети испугаются, если увидят вас.

— Испугаются? — сказал самый поросячий из мальчиков. — С кем это она разговаривает в окно? Давайте скажем директору, что она в окно разговаривает со всякими, когда должна учить нас.

— Посмотрим, кто это, — предложил другой мальчик, и все столпились у окна. Но как только их недовольные мордочки высунулись наружу, Вакх пронзительно закричал «Эван, эвоэ-э-э». Мальчики заревели от страха и, топча друг друга, бросились в двери и окна. Потом говорили (неизвестно, правда ли это), что этих самых мальчиков никогда больше не видели, но в той части страны развелось много хорошеньких поросят, которых здесь раньше не было.

— Ну, моя радость, — сказал Аслан учительнице, и та выбежала на улицу и тоже присоединилась к процессии.

По Бобровой Плотине они перешли реку и двинулись на восток вдоль южного берега. Они подошли к ветхому домишке, где на крыльце стоял и плакал маленький мальчик.

— Почему ты плачешь, мой хороший? — спро-

сил Аслан.

Мальчик, который не видел львов даже на картинке, не испугался.

— Тётечка очень больна, — сказал он, — она умирает.

Аслан хотел войти в домик, но дверь была слишком мала. Тогда он просунул внутрь голову, нажал плечами (Люси и Сьюзен при этом свалились) и поднял весь дом, так что тот опрокинулся и развалился. А там, всё ещё в постели, хотя постель теперь стояла на открытом воздухе, лежала старушка, такая маленькая, словно в ней текла кровь гномов. Она была на пороге смерти, но, открыв глаза и увидев светлую косматую голову льва, не закричала и не лишилась чувств. Она сказала:

— О, Аслан! Я знала, что это правда. Я ждала этого всю жизнь. Ты пришёл забрать меня?

— Да, милая, — отвечал Аслан, — но всего только на маленькую прогулку.

И пока он говорил, подобно тому, как розовый свет озаряет облака, краска вернулась на её бледное лицо, глаза засверкали, она села и сказала:

— Ну, я заявляю, что чувствую себя лучше. Думаю, я не отказалась бы от легкого завтрака.

— Вот, матушка, — сказал Вакх, погружая кувшин в колодец и поднося ей. Но теперь в нём была не вода, а роскошное вино, яркое, как желе из красной смородины, густое, как масло, согревающее, как чай, холодное, как роса.

— Э, да ты что-то сделал с нашим колодцем, — сказала старушка. — Мне так даже больше нравится. — И она соскочила с постели.

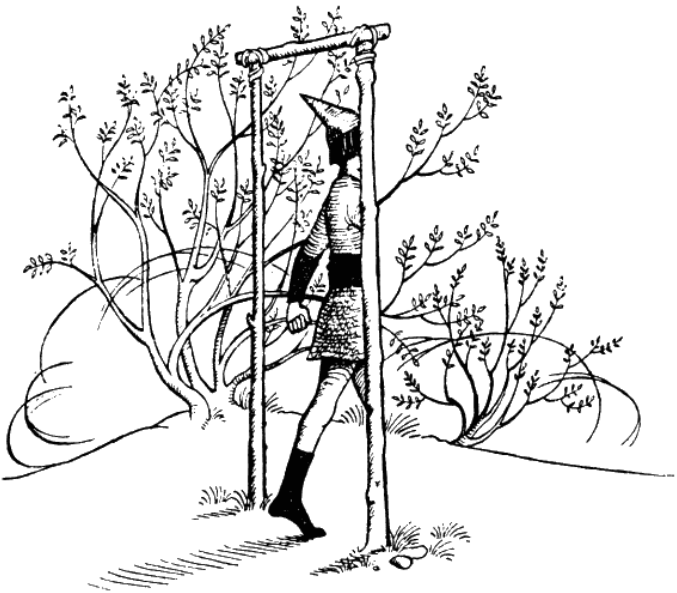
— Садись на меня, — сказал Аслан и прибавил, обращаясь к Люси и Сьюзен: — Вам, королевы, придется теперь побегать.

— Нам это тоже приятно, — сказала Сьюзен. И они двинулись дальше.

И так, прыгая, танцуя и распевая, с музыкой, смехом и рёвом, с лаем и ржанием, они пришли наконец туда, где воины Мираза стояли, бросив мечи и подняв руки, а соратники Питера, все ещё сжимая оружие и тяжело дыша, стояли вокруг.

И не успел никто ничего сказать, как старушка соскочила с Аслана, подбежала к Каспиану, и они обнялись — потому что это была его старая няня.

Глава пятнадцатая
Аслан открывает дверь в воздухе

При виде Аслана лица у тельмаринов стали как холодная подлива, колени застучали, и многие упали вниз лицом. Они не верили в львов и потому испугались ещё больше. Даже рыжие гномы,

которые знали, что он придёт как друг, стояли разинув рты и не смели говорить. Несколько чёрных гномов, сторонников Никабрика, начали бочком отходить в сторонку. Но все говорящие звери сбежались к Аслану, они мурлыкали, хрюкали, пищали и повизгивали от восторга, виляли хвостами, тёрлись о него, почтительно тыкались носами и бегали туда-сюда под ним и возле его ног. Если вы когда-нибудь видели, как котёнок выражает любовь большой собаке, которую знает и не боится, вы очень хорошо это себе представите. Затем Питер, ведя Каспиана, протиснулся через толпу животных.

— Это Каспиан, сир, — сказал он. И Каспиан преклонил колени и поцеловал лапу Льва.

— Добро пожаловать, принц, — сказал Аслан. — Чувствуешь ли ты себя достойным принять власть над Нарнией?

— Я… я не думаю, сир, — отвечал Каспиан. — Я только мальчик.

— Хорошо, — сказал Аслан. — Если бы ты чувствовал себя достойным, это бы доказывало, что ты недостоин. Посему после нас и после Верховного Короля, ты — король Нарнии, владетель Кэр-Параваля, император Одиноких Островов, ты и твои потомки, пока продлится твой род.

Коронация… Но что это у нас тут?

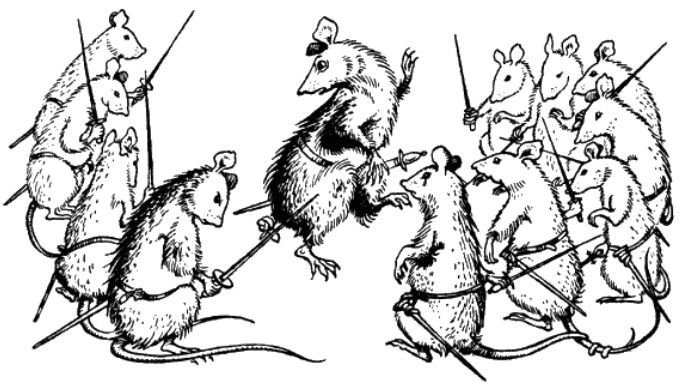
Перед ним предстала забавная маленькая процессия в одиннадцать мышей — шестеро несли носилки размером с географический атлас. Никто никогда не видел более удрученных мышей. Все были покрыты грязью, а некоторые — и кровью, уши были опущены, усы висели, хвосты волочились по земле, а впереди шагал трубач, играя на тоненькой трубе печальную мелодию. То, что лежало на носилках, походило на мокрый комок шерсти — это было всё, что осталось от Рипичипа. Он ещё дышал, но был уже почти мёртв — покрытый бесчисленными ранами, с раздробленной лапой и забинтованным обрубком вместо хвоста.

— Ну, Люси, — сказал Аслан.

В один миг Люси достала алмазную бутылочку. Хотя на каждую рану Рипичипу нужна была всего одна капля, ран этих было множество, и долгое тревожное молчание стояло, пока она не закончила и главный Мыш не спрыгнул с носилок. Одной рукой он немедленно схватился за рукоятку шпаги, другой расправил усы. Он поклонился.

— Приветствую тебя, Аслан! — прозвучал его тонкий голос. — Я имею честь… — и тут он осёкся.

Дело в том, что у него не было хвоста — то ли Люси забыла о нем, то ли лекарство, хотя и заживляло раны, не могло заново отращивать части тела. Рипичип начал осознавать свою потерю, когда кланялся — возможно, из-за того, что это нарушило его равновесие. Он посмотрел через правое плечо. Не увидев хвоста, он вытягивал шею всё дальше, пока не повернул плечи и следом за ними всё тело. Однако при этом повернулось и то место, из которого должен был расти хвост, так что он снова ничего не увидел. Тогда он снова вытянул шею, заглядывая через плечо, с таким же результатом. Только трижды обернувшись вокруг себя, он осознал ужасную истину.

— Я крайне смущён, — сказал Рипичип Аслану. — Я в полном замешательстве. Умоляю простить за появление в столь неподобающем виде.

— Это тебе очень идёт, Маленькое Существо, — сказал Аслан.

— Всё равно, — ответил Рипичип. — Если что-то можно исправить… может быть, её величество?.. — и тут он поклонился Люси.

— Но зачем тебе хвост? — спросил Аслан.

— Сир, — отвечал Мыш, — есть, спать и умереть за моего короля я могу и без него. Но хвост — это честь и слава мыши.

— Я иногда удивляюсь, друг, — сказал Аслан, — почему ты так много думаешь о своей чести.

— Высочайший из всех высоких королей, — промолвил Рипичип, — позвольте напомнить вам, что мы, мыши, наделены столь малыми размерами, что, если бы мы не защищали свое достоинство, кто-нибудь (кто измеряет его в дюймах) мог бы позволить себе неуместное развлечение на наш счет. Вот почему я с таким усердием довожу до общего сведения, чтобы никто — если только он не желает ощутить эту шпагу так близко от своего сердца, как я смогу дотянуться, — не смел говорить в моем присутствии о мышеловках, сырных корках и свечных

огарках — никто, сир, будь то самый высокий дурак в Нарнии!

Здесь он очень значительно поглядел на Ветролома. Впрочем, до того всегда доходило в последнюю очередь, поэтому великан даже не разобрал, о чём говорят у него под ногами, и пропустил намёк.

— Позволь узнать, а почему твои сопровождающие обнажили мечи? — спросил Аслан.

— С позволения вашего высокого величества, — произнёс второй Мыш, которого звали Пичичик, — мы все готовы отрубить себе хвосты, если наш предводитель останется без своего. Позор нам будет носить знаки отличия, которых лишился Верховный Мыш.

— Ах, — прорычал Аслан, — ваша самоотверженность меня покорила. Не ради твоего достоинства, Рипичип, но ради любви к тебе твоего народа и ради услуги, оказанной мне твоим народом давным-давно, когда вы перегрызли веревки, которыми я был привязан к Каменному Столу (с тех самых пор, хоть вы давно забыли об этом, вы и стали говорящими), ты получишь обратно свой хвост.

Аслан ещё не закончил говорить, а новый хвост был уже на месте. Затем, по приказу Аслана, Пи-

тер посвятил Каспиана в рыцари ордена Льва, а следом уже сам Каспиан возвёл в рыцарский сан Боровика, Трама и Рипичипа, назначил доктора Корнелиуса своим лордом-канцлером и утвердил Пухлых Мишек в их наследственном звании маршалов турнира. И все рукоплескали.

После этого тельмаринских воинов под охраной, но без тычков и насмешек, провели вброд через реку, посадили под замок в Беруне и дали им мяса и пива. Правда, на переправе они подняли шум, потому что ненавидели текущую воду так же, как зверей и деревья, однако вскоре с неприятным делом было покончено, и началась лучшая часть дня.

Люси, которая уютно устроилась рядом с Асланом, сперва не могла понять, что затеяли деревья. Сперва она думала, что они танцуют — они и впрямь медленно двигались двумя кругами, в одном справа налево, в другом слева направо. Потом она заметила, как они что-то сбрасывают в центр обоих кругов. Порой ей казалось, что они отрезают длинные пряди своих волос, в другой раз это выглядело, словно они отламывают кусочки пальцев — но, если так, пальцев у них было множество, и это не причиняло им боли. Но что бы они там ни бросали, упав на землю, оно

оказывалось хворостом и сухими палками. Затем три или четыре рыжих гнома вышли вперед с огнивами и подожгли кучу, которая затрещала, вспыхнула и наконец загудела, как лесной костёр в Иванову ночь. И все расселись вокруг.

Потом Вакх, Силен и менады начали танец, гораздо более неистовый, чем танец деревьев, — не просто пляску радости и красоты (хотя и это тоже), но волшебную пляску изобилия. Всё, к чему прикасались их руки, на что ступали их ноги, превращалось в яства — груды жареного мяса, наполнившие рощу восхитительным запахом, пироги пшеничные и овсяные, мёд и разноцветный сахар, сливки, густые, как каша, и недвижные, как стоячая вода; персики, абрикосы, гранаты, груши, виноград, землянику, малину — пирамиды, каскады фруктов. Затем появились вина в больших деревянных чашах — тёмные, густые, как вишнёвый сок, и светло-алые, как текучее желе, и жёлтые вина, и зелёные вина, и жёлто-зелёные, и зелёно-жёлтые.

Для древесного народа приготовили другую пищу. Когда Люси увидела, как Копун Землерой и его кроты отдирают дёрн в разных местах (которые указывал Вакх), и поняла, что деревья собираются есть землю, её слегка передёрнуло. Но когда

она увидела ту землю, которую им подносили, то испытала совсем другие чувства. Деревья начали с роскошного чернозёма, так напоминавшего шоколад, что Эдмунд даже попробовал кусочек, однако ему не понравилось. Утолив первый голод, они перешли к земле, какую можно видеть в Соммерсете, она почти розовая. Деревья утверждали, что она легче и слаще. Вместо сыра они ели известковистую почву, а на десерт — мелкий гравий, припудренный тончайшим серебристым песком. Они выпили чуть-чуть вина, и от этого остролисты сделались ужасно разговорчивы, ведь обычно они утоляют жажду большими глотками дождя и росы, благоухающей лесными цветами и с легчайшим привкусом облаков.

Так Аслан угощал нарнийцев ещё долго после того, как солнце село и появились звёзды. Большой костёр, горевший теперь жарче, но не так шумно, сиял в тёмном лесу, как маяк. Испуганные тельмарины видели его издали и дивились, что он означает. Самое лучшее в этом празднике было то, что не надо было расходиться, просто разговоры постепенно затихли, гости начали клевать носом и постепенно заснули, ногами к огню, бок о бок с добрыми друзьями. Тогда воцарилось молчание и вновь стало слышно, как журчит вода у брода возле Беруны. Только Аслан и луна смотрели на всех радостными немигающими глазами.

На другой день посланцы (в основном белки и птицы) отправились с призывом к рассеянным по всей стране тельмаринам — включая, разумеется, запертых в Беруне пленников. Им было сказано, что Каспиан теперь король, и Нарния отныне принадлежит не только людям, но и говорящим зверям, гномам, дриадам, фавнам и прочим созданиям. Все, кто хочет остаться на этих новых условиях, могут остаться, тем же, кому такой порядок не по душе, Аслан приготовит другой дом. Этим последним следует явиться к Аслану и королям, расположившимся у бродов близ Беруны, в полдень на пятый день. Можно себе представить, скольких тельмаринов это заставило чесать в затылке. Кое-кто, особенно молодые, слышали, подобно Каспиану, рассказы о старых днях и радовались их возвращению. Они уже сдружились с волшебными созданиями и решили остаться в Нарнии. Однако большинство старших, особенно те, кто занимал при Миразе важные посты, надулись и не желали оставаться в стране, где уже не смогут всем заправлять. «Жить здесь, среди толпы дрессированных зверей!» — говорили они. «И призраков, — добавляли некоторые с содроганием. — Вот кто такие эти дриады — самые настоящие призраки». Они не ждали для себя

ничего хорошего. «Не доверяю я этому ужасному льву, — говорили они. — Попомните мои слова, он еще покажет свои когти». Однако и обещание нового дома их настораживало. «Как пить дать, затащит нас в своё логово и слопает одного за другим», — бурчали они. И чем больше они так говорили, тем мрачнее и подозрительней становились. Однако в назначенный день больше половины пришли на место.

В одном конце поляны Аслан приказал поставить два древесных ствола, выше человеческого роста, футах в трёх один от другого. Третий, более лёгкий, положили сверху в качестве перекладины, так что получилась вроде как дверь ниоткуда в никуда. Перед нею стоял сам Аслан, справа от него Питер, слева Каспиан. Их окружали Сьюзен и Люси, Трам и Боровик, лорд-канцлер Корнелиус, Громобой, Рипичип и другие. Дети и гномы воспользовались королевской гардеробной в бывшем замке Мираза (теперь это был замок Каспиана). Они так сверкали шелками и золотом, белоснежными рубашками, выглядывающими в прорези рукавов, серебряными кольчугами, парадным оружием, позолоченными шлемами и роскошными шляпами, что больно было смотреть. Даже звери нацепили на шеи дорогие цепи.

И все-таки никто не смотрел ни на них, ни на детей. Живое и ласковое золото львиной гривы затмевало их блеск. Остальные старые нарнийцы встали по обеим сторонам поляны. В дальнем конце собрались тельмарины. Солнце сияло, знамёна развевались на легком ветру.

— Люди Тельмара, — сказал Аслан, — вы, кто взыскует новой земли, слушайте мои слова. Я отправлю вас в вашу родную страну, которая мне ведома, а вам — нет.

— Мы не помним Тельмара. Мы не знаем, где это. Мы не знаем, как там живётся, — роптали тельмарины.

— Вы пришли в Нарнию из Тельмара, — сказал Аслан, — но в Тельмар вы пришли из другого места. Вы не принадлежите к этому миру. Много поколений назад вы явились из того же самого мира, что и король Питер.

Тут половина тельмаринов захныкала: «Так мы и знали. Он хочет отправить нас в иной мир, попросту сжить со света», — а другие начали выставлять грудь, хлопать друг друга по спине и шептать: «Вот оно что. Можно было раньше догадаться, что мы не отсюда и не имеем ничего общего со всеми этими противоестественными тварями. Вот увидите, мы королевской крови».

Даже Каспиан, Корнелиус и дети в изумлении смотрели на Аслана.

— Тихо, — сказал Аслан низким голосом, в котором угадывалось рычание. Земля, казалось, вздрогнула, всё живое в лесу замерло.

— Вы, сэр Каспиан, — продолжал Лев, — знаете, вероятно, что не могли бы стать истинным королём Нарнии, если бы, подобно великим королям древности, не были сыном Адама и не пришли из мира, где живут Адамовы сыновья. Много лет назад в том мире, в глубоком море, которое зовётся Южным, буря выбросила на остров пиратский корабль. Пираты повели себя как обычно — убили туземцев, взяли в жёны туземок, стали готовить пальмовое вино, пить и напиваться, валяться под пальмами, а проснувшись, ссориться, порой и убивать друг друга. В одной из таких стычек шестеро оказались против всех остальных. Они бежали со своими жёнами в глубь острова, в горы и хотели спрятаться в пещере. Однако это была не просто пещера, а одна из щелей или дыр между тем миром и этим. Таких щелей или дыр между мирами в прежние времена было много, теперь их всё меньше. Эта — одна из последних. Я не говорю — последняя. И так они упали, или вознеслись, или забрели,

или провалились в этот мир, в землю Тельмар, которая была в то время безлюдна. Почему она была безлюдна, это другая история — сейчас я не буду её рассказывать. В Тельмаре их потомки расплодились, стали сильным и гордым народом. Спустя много поколений в Тельмаре случился голод, и они вторглись в Нарнию, которая тогда была в некотором беспорядке (но это тоже иная и долгая история), и завоевали её, и правили в ней. Ты хорошо запомнил это всё, король Каспиан?

— Еще бы, сир, — отвечал Каспиан. — Я надеялся, что веду род от более достойных предков.

— Ты ведёшь род от господина Адама и госпожи Евы, — сказал Аслан. — Это честь, способная возвысить главу беднейшего бедняка, и позор, способный пригнуть плечи величайшего императора. Будь доволен.

Каспиан поклонился.

— А теперь, — продолжал Аслан, — хотите ли вы, мужчины и женщины Тельмара, вернуться на остров ваших отцов? Это неплохое место. Потомки населявших его пиратов вымерли, и остров почти необитаем. Там есть чистые родники, плодородная почва, лес для построек и рыба в лагунах; другие люди из этого мира ещё не отыскали его. Щель открыта, но должен предупредить

— как только вы пройдёте, она закроется навсегда. Больше не будет сообщения между мирами через эту дверь.

Наступила тишина. Потом крепкий, приятного вида тельмарин из числа воинов протолкнулся вперед и сказал:

— Ладно, я рискну.

— Это правильное решение, — сказал Аслан. — И поскольку ты вызвался первым, с тобою добрая магия. Твоя судьба в том мире будет хорошей. Иди.

Воин, слегка побледнев, вышел вперед. Аслан и его свита посторонились, открывая проход к пустой дверной раме.

— Пройди в неё, сын мой, — сказал Аслан, подходя и касаясь носом его носа. Как только дыхание Льва овеяло его, новое выражение мелькнуло в глазах тельмарина — удивлённое, но не испуганное, словно он пытается что-то вспомнить. Затем он расправил плечи и вошел в дверь.

Все глаза следили за ним. Они видели три столба, а за ними — деревья, траву и небо Нарнии. Они видели человека между дверными косяками. В следующую секунду он пропал, как не было.

На другом конце поляны тельмарины запричитали: «Что с ним? Ты хочешь нас убить? Мы туда

не хотим». Потом один из них, поумнее, сказал:

— Мы не видим за этими палками никакого другого мира. Если вы хотите, чтобы мы поверили, почему не пошлёте туда кого-нибудь из своих? Все ваши друзья держатся подальше от этих палок.

Рипичип мгновенно выступил вперёд и поклонился.

— Если годится мой пример, — сказал он, — я, не медля ни секунды, проведу в эту арку одиннадцать мышей.

— О нет, Маленькое Существо, — сказал Аслан, осторожно кладя бархатную лапу на голову Рипичипа. — В том мире с вами сделают ужасную вещь. Вас будут показывать для забавы. Пойти должны другие.

— Идём, — сказал вдруг Питер Эдмунду и Люси. — Пора.

— Куда? — спросил Эдмунд.

— Туда, — отвечала Сьюзен, которая, похоже, всё уже знала. — За деревья. Нужно переодеться.

— Во что? — удивилась Люси.

— В нашу одежду, конечно, — ответила Сьюзен. — Хороши мы будем на платформе, на английской станции, вот в этом.

— Но все наши вещи в замке у Каспиана, — воз-

разил Эдмунд.

— Да нет же, — сказал Питер, продолжая вести их в самую густую чащу. — Всё здесь. Их принесли в узлах сегодня утром. Всё готово.

— Так вот о чём Аслан разговаривал утром с тобой и Сьюзен? — догадалась Люси.

— Об этом и о многом другом, — ответил Питер. Лицо у него было торжественное. — Я не могу вам всё объяснить. Он хотел кое-что сказать Сью и мне, потому что мы не вернёмся в Нарнию.

— Никогда? — в отчаянии вскричали Эдмунд и Люси.

— Вы-то еще вернётесь, — отвечал Питер. — Во всяком случае, я так понял с его слов. А мы со Сью — никогда. Он сказал, мы становимся слишком большими.

— Ой, Питер, — сказала Люси. — Какое горе! Сможешь ли ты его вынести?

— Думаю, да, — отвечал Питер. — Это совсем не так, как я полагал. Ты это поймёшь, когда придёт твой последний раз. Ладно, быстрей, вот наши вещи.

Странно было и не очень приятно снять королевские одежды и предстать перед великим собранием в школьной форме (притом не очень чистой). Кто-то из самых злобных тельмаринов засмеялся, но все прочие создания приветствовали детей и встали, чтобы почтить Питера, Верховного Короля, королеву Сьюзен Волшебного Рога, и короля Эдмунда, и королеву Люси. Это было волнующее и (со стороны Люси) слёзное прощание со старыми друзьями — поцелуи зверюшек, жаркие объятия Пухлых Мишек, крепкое до боли рукопожатие Трама, щекочущие усы Боровика. И, конечно, Каспиан уговаривал Сьюзен взять Рог с собой, и, конечно, Сьюзен убедила его оставить Рог у себя. А затем было чудесное и страшное прощание с самим Асланом, и Питер

стал у двери, Сьюзен положила руки ему на плечи, Эдмунд — на плечи ей, Люси — ему, первый тельмарин — Люси, и так, длинной вереницей, они двинулись в проход. Тут наступил миг, который трудно описать, потому что дети увидели три места одновременно. Одно было устье пещеры, открывающееся в ослепительную зелень и синеву тихоокеанского островка, на котором должны были оказаться тельмарины. Второе — поляна в Нарнии, лица гномов и зверей, внимательные глаза Аслана и белые полоски на щеках барсука. Третье же (которое быстро заслоняло остальные) было серое, мрачное пространство пригородной платформы, скамейка с разбросанным на ней багажом, на которой ребята сидели, словно и не трогались никуда, — довольно скучное и тоскливое на первый взгляд, однако неожиданно и по-своему приятное — с его привычными железнодорожными запахами, английским небом и начавшимся учебным годом.

— Ух! — воскликнул Питер. — Ну и времечко у нас было.

— Тьфу ты пропасть! — сказал Эдмунд. — Я забыл в Нарнии свой новый фонарик.